

An aerial view of a medieval village nestled in a valley. The village features numerous wooden houses with steeply pitched, shingled roofs. A prominent church with a tall, pointed spire stands on the left. The surrounding landscape is lush and green, with rolling hills and dense forests. The sky is filled with dramatic, white and grey clouds. The overall scene is peaceful and idyllic.

АЙЛИН ВУЛЬФ

ДРУЗЬЯ
И ЛЕДРУГИ

ТОМ 1

Айлин Вульф

Друзья и недруги. Том 1

«Автор»

2016

Вульф А.

Друзья и недруги. Том 1 / А. Вульф — «Автор», 2016

Книга «Друзья и недруги» неразрывно связана с книгой «Лорд и леди Шервуда», расширяя ее повествование, но не являясь продолжением. События, описываемые в "Друзьях и недругах", или предшествуют времени действия «Лорд и леди Шервуда», или происходят параллельно, или относятся к периоду между частями «Веардрун» и «Лондон». Как и было сказано в предисловии к «Лорду и леди Шервуда», содержание «Друзей и недругов» даст ответы на вопросы по поводу того, о чем упоминалось вскользь — и как о само собой разумеющемся, и как о прошлом, которое нельзя изменить.

© Вульф А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

В преддверии вольного Шервуда	6
Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	38
Глава четвертая	55
Глава пятая	66
Глава шестая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Айлин Вульф Друзья и недруги. Том 1

*Высокий сан для человека – бремя,
Чью тяжесть вдвое умножает зависть.
Судит он много больше огорчений,
Чем радостей носителю его,
Которому ошибок не прощают
И за успех хвалу не воздают.*

Бен Джонсон

*Тебя я знал и обожал
Еще до первого свиданья;
Так ангелов туманных очертанья
Сквозят порою в глубине зеркал.
Я чувствовал очарованье,
Свет видел, но лица не различал.*

Джон Донн

В преддверии вольного Шервуда

Глава первая

– Надумал все-таки вернуться?

Высокий темноволосый юноша, занятый тем, что чистил щеткой коня, нехотя повернул голову на голос, раздавшийся в дверях конюшни. В дверном проеме стоял парень, отличающийся недюжинным ростом и могучим сложением, и, скрестив руки на груди, внимательно смотрел на юношу.

– Если ты явился, чтобы проводить меня, я тебя разочарую, – ответил юноша ровным бесстрастным голосом. – Я всего лишь чищу коня, но никуда не еду.

Он вновь углубился в свое занятие, словно напроочь позабыл о собеседнике, но тот напомнил о себе.

– А напрасно не едешь, Вилл! Денек выдался замечательный: солнце, ветра нет, дорога сухая. Домчался бы в один миг.

Рука Вилла замерла на холке коня, и он глубоко вздохнул.

– Джон, дай подумать! Ты утром проснулся, вспомнил, что день воскресный, значит, дел в кузнице нет, заскучал и решил отыскать меня, чтобы получить по шее и хотя бы так развлечься?

– Получить по шее? – повторил Джон и, насмешливо фыркнув, шевельнул мощными плечами. – Ты ничего не перепутал? Обычно страдала твоя шея, а ты валялся в пыли, когда мы с тобой дрались.

Вилл рассмеялся.

– То было в детстве.

– А что изменилось с тех пор? – поддел его Джон.

– Я вырос, поумнел и стал снисходительным к друзьям, – ответил Вилл и, бросив на Джона быстрый взгляд, добавил: – Если они сами не напрашиваются на тумачи.

– Вырос и поумнел, говоришь? – хмыкнул Джон. – Тогда почему ты добрых две недели безвылазно сидишь в Локсли, вместо того чтобы вернуться к отцу в Веардрун?

В янтарных глазах Вилла появился гневный отблеск, губы крепко сжались, а темные брови угрожающе сошлись к переносице, но Джон не видел, как изменилось его лицо. Вилл по-прежнему стоял к нему спиной и резкими сильными движениями проводил щеткой по крупу лошади.

– Я обязан тебе отвечать? Впрочем, изволь! Его светлость граф Хантингтон сейчас пребывает не в Веардруне, а в Лондоне. Я же безвылазно, как ты заметил, нахожусь здесь, потому что намерен остаться насовсем и не испытываю ни малейшего желания вновь оказаться в резиденции его светлости.

– Остаться насовсем в Локсли? Чем же ты будешь заниматься?

Джон цепким взглядом окинул конюшню. Мать Вилла была зажиточной хозяйкой. Две тягловые лошади, еще одна под седло, но каждая из них стоила дешевле, чем рубашка из тонкого полотна, которая была сейчас на Вилле, а он, не жалея эту рубашку, чистил в ней лошадь! И в том не было хвастовства: по нынешним меркам Вилла он был одет более чем скромно, как раз для работы. Жеребец, которым он занимался, вообще стоил в десять раз дороже, чем все три лошади в этой конюшне. И Вилл собирается удовольствоваться скромной жизнью в Локсли, занявшись чем?

– Хозяйством, как остальные землевладельцы.

– Хозяйством! А ты обучен управлять им? – уже с откровенным сарказмом осведомился Джон. – Тебе все известно о пахоте и севе? Умеешь разводить овец? Знаешь, с какой стороны подойти к сыроварне? Право, Вилл, ты от души повеселил меня сейчас!

Вилл в сердцах отбросил щетку и повернулся.

– А ты мне сейчас изрядно надоел! – сказал он, медленным шагом подступая к Джону.

Тот довольно ухмыльнулся, разнял сложенные на груди руки и раскинул их в стороны, готовясь отразить нападение.

– Ну-ну! Давай, покажи мне, на что ты способен! – проворчал он, как молодой, проснувшийся по весне медведь.

Джон был выше Вилла и гораздо мощнее сложением. Широкий в плечах и тонкий в стане, рядом с Джоном он казался изящным, но никак не сильным. Тем не менее он спокойно подошел к Джону, не обращая внимания на ожидавший его медвежий захват, и сделал только одно молниеносное движение. В следующее мгновение Джон оказался поверженным на колени, а его правая рука была вывернута за спину и захвачена рукой Вилла, как стальным кольцом. Джон попытался вырваться, но в результате был вынужден припасть к полу конюшни и стукнуть об него свободной ладонью, прося пощады.

– Понравилось, Джон? – усмехнулся Вилл, ослабив захват, и, дружески сжав запястье Джона, помог ему подняться на ноги.

Джон выпрямился и покрутил правой рукой, убеждаясь, что она цела и не вывихнута в плече. Оглядев Вилла, стоявшего в гордой раскованной позе, Джон с пониманием покивал светловолосой головой.

– И это ты еще без оружия. А если бы в твоих руках был меч!..

– А если бы сразу два меча!.. – усмехнулся Вилл, и в его усмешке читалось осознание собственного превосходства. – Рука не болит?

– Рука в порядке. Спасибо, что не сломал, – ответил Джон, ничуть не смущенный недавним поражением. – Зато я лишний раз убедился, что твое место, Вилли, не здесь. В детстве ты был одним из нас, но за время, которое прожил в Веардруне, ты не просто изменился. Ты стал другим.

– Кем же, по-твоему, я стал? – с иронией поинтересовался Вилл, поднимая с пола щетку и возвращаясь к лошади.

– Лордом и воином, – спокойно сказал Джон, пропустив иронию Вилла мимо ушей. – Ты не сможешь жить обычной жизнью землевладельца, чем бы ты ни занялся – стал разводить овец или выращивать пшеницу и ячмень. Все равно что запрячь этого жеребца в плуг: и борозды не проложит, и оглоблю выломает, вырываясь из упряжи.

Говоря эти слова, Джон махнул рукой в сторону коня. Тот всхрапнул, оскалив зубы, прижал уши к голове и осел на задние ноги, готовый к прыжку.

– Что ты его пугаешь?! Он сейчас всю конюшню разнесет!

Выбравшись сквозь зубы, Вилл крепко ухватил жеребца за гриву и заставил стоять смиренно, одновременно оглаживая по шее и успокаивая.

– Именно что разнесет! – охотно согласился Джон. – И ты бы разнес. Он ведь из графских конюшен, – сделав многозначительную паузу, Джон добавил: – Как и ты, Вилл.

Вилл едва заметно вздрогнул и замер, и его мышцы налились силой. Глядя на друга, Джон приготовился к тому, что разговор с Виллом все-таки закончится для него сломанной рукой или в лучшем случае синяком под глазом. Но Вилл остался стоять неподвижно и, не оборачиваясь к Джону, сказал очень отчетливо, хотя и негромко:

– Пошел вон отсюда.

Оскорбившись в первую секунду, Джон мгновенно взял себя в руки и, окинув Вилла сожалением взглядом, ответил:

– Как прикажете, мой лорд! Простите, если разгневал вас.

Джон покинул конюшню неожиданно бесшумным для его могучей фигуры шагом. Вилл, почувствовав, что остался один, вздохнул и прижался лбом к спине жеребца, который удивленно повернул голову к хозяину и осторожно дотронулся губами до его плеча.

Выйдя из конюшни, Джон поймал взгляд женщины, стоявшей неподалеку в терпеливом ожидании, и покачал головой. Женщина тяжело вздохнула и признательно провела ладонью по плечу Джона, когда тот поравнялся с ней. Не сказав ни одного слова, он склонил голову в поклоне и вышел за ворота. Женщина осталась стоять где стояла, не спуская суровых глаз с дверей конюшни, пока оттуда не вышел Вилл. Он мгновенно заметил мать, но намеревался пройти мимо, и прошел бы, если бы она не остановила его требовательным возгласом:

– Вилл, стой! Мне надо поговорить с тобой.

– О чем? – осведомился Вилл, остановившись рядом с матерью, но не соизволив ни повернуться к ней, ни посмотреть на нее.

– О том, что тебе пора взяться за ум, немедленно вернуться в Веардрун и попросить у отца прощения.

Вот теперь он повернул голову в ее сторону и внимательно посмотрел на мать. Барбаре Скарлет минуло тридцать четыре года, но выглядела она много моложе и рядом с Виллом казалась не матерью, а старшей сестрой. Природа не поскупилась, одарив Барбару красивым лицом, пышными волосами пепельно-русого цвета, изящным сложением. Вилл грустно усмехнулся, представив, какой она была в шестнадцать лет, когда жизнь свела ее с Альриком Рочестером, графом Хантингтоном и самым могущественным лордом Средних земель. А Барбара в свою очередь смотрела на сына и думала о том, как он стал походить на отца – и темным цветом волос, и высоким ростом, и статной фигурой воина, и чертами лица. Только глаза Вилла были янтарно-медового цвета в отличие от темно-синих глаз графа Альрика. Но выражение непреклонности, которое она видела сейчас на его лице, еще больше сделало Вилла похожим на отца.

– Нет, – кратко ответил он и упрямо сжал губы.

Барбара очень неодобрительно покачала головой, не сводя с сына не менее упрямого взгляда.

– Тебе мало того, что он посылал за тобой и просил вернуться? Мало, что твой брат – лорд Робин – приезжал в Локсли и уговаривал тебя поехать в Веардрун вместе с ним? Вилл, когда-нибудь гордость не доведет тебя до добра!

Вилл выслушал упреки матери с бесстрастным лицом, после чего, пожав плечами, обронил:

– Что поделать? Поскольку у тебя гордости нет, мне ее было отмерено за двоих.

– Уильям! – голос Барбары прозвучал, как удар хлыста.

Ее голубые глаза потемнели от гнева. Вилл, опомнившись, поймал руку матери и, несмотря на сопротивление Барбары, поднес к губам.

– Прости, матушка! – Он виновато склонил голову и повторил: – Прости.

Взгляд Барбары смягчился. Она потрепала сына по затылку и, высвободив руку, тихо сказала:

– Ты можешь сотню раз упрекнуть меня в том, что я когда-то полюбила твоего отца и легла в его постель. Но я ни разу не пожалела об этом. Во-первых, твой отец стоит любви, и я не встретила никого, кто был бы его достойнее. Во-вторых, у меня родился ты, и одного этого достаточно, чтобы я, будь у меня возможность вернуться в прошлое, поступила бы так же.

Вилл еле слышно вздохнул, и Барбара, решив воспользоваться тем, что его волю ослабило чувство вины, усилила натиск.

– Вилл, мальчик мой, я очень прошу тебя вернуться домой, в Веардрун, потому что именно там твой дом. Если ты останешься здесь, то погубишь себя. Ну какой из тебя сельский житель и земледелец? Отец воспитал тебя воином, не менее благородным лордом, чем лорд Робин.

– Так это ты подслала ко мне Джона? – сообразил Вилл и невесело усмехнулся.

Барбара не позволила ему отвлечься, продолжив с горячностью:

– Они крепко любят тебя – и отец, и брат. Почему же ты платишь им высокомерным пренебрежением? Ты поссорился с отцом, а за что обидел брата? Сам как-то обмолвился, что лорд Робин и взглядом, и словом, и даже кулаками ставит на место тех, кто посмеет бросить косою взгляд в твою сторону. Он не только брат тебе, он твой самый верный, самый надежный друг.

Вилл крепко стиснул зубы и болезненно поморщился: упреки матери задевали его за живое, и – самое тяжелое – он понимал, что они справедливы. Барбара наконец замолчала и вопросительно посмотрела на сына. Вилл отвел взгляд в сторону и глухо сказал:

– Извини, мне надо умыться. Я весь в конской шерсти и пропах конюшной.

Он быстро пошел к дому и был уже в дверях, когда его настиг возглас матери:

– Сначала скажи, что ты решил!

На миг задержавшись, Вилл не оборачиваясь, очень нехотя, через силу ответил:

– Я подумаю.

Глядя на закрывшуюся за ним дверь, Барбара облегченно перевела дыхание. Только тот, кто знал Вилла так, как она, понял бы: эти слова были и огромной уступкой, и свидетельством того, что Вилл уже не так тверд в решении порвать с отцом и навсегда остаться в селении. Почувствовав себя глубоко утомленной напряжением последних двух недель с того дня, когда Вилл, донельзя мрачный и молчаливый, приехал в Локсли, заявив, что здесь и останется, и только что закончившимся разговором с ним, Барбара присела на плаху для колки дров. Опершись локтями о колени, она уронила голову на сомкнутые кисти рук и мыслями вернулась в прошлое, в дни юности, в Веардрун.

Веардрун! Огромный замок из светлого камня, похожий на город, окруженный лугами и морем, накрытый куполом неба. Резиденция Рочестеров – могущественного рода, ведущего начало от одного из семи королей древней Британии. В памяти живо возникли широкие, залитые солнцем террасы, просторные светлые галереи, огромные залы. Барбара вспомнила, с каким восторгом она озиралась, впервые переступив порог графского дома, сравнимого по великолепию с королевским дворцом.

После смерти отца старший брат Барбары не знал, что делать с целой оравой младших братьев и сестер. Если братья могли рассчитывать на ратную службу у графа Хантингтона, то сестер оставалось лишь отправить в монастырь. И то надо было найти обитель, которая приняла бы под свой кров девушек, не требуя никакого вознаграждения. На замужество никому из них не приходилось рассчитывать. Да, дочери рыцаря, но совершенные бесприданницы, и, если бы не граф Хантингтон, пожалевший и брата Барбары – наследника своего вассала, и девушек, Барбара вместе с сестрами сейчас жила бы в монастыре и отрабатывала приют на самых тяжелых работах. Но граф пообещал ее брату наделить девушек приданым и найти им мужей, равных по рождению. Со всеми сестрами Барбары так и вышло, но не с ней.

Она увидела графа Альрика в свой первый день в Веардруне и в тот же час влюбилась в него. Ему шел двадцать второй год, ей только что минуло шестнадцать. Она знала, что он обручен и его невеста вскоре должна приехать из Аквитании и обвенчаться с ним. Но Барбару не остановило это знание. Она ничего не могла поделать с собой. Если бы Альрик не обратил на нее никакого внимания, то, наверное, и она бы вышла замуж за того, кого он предложил бы ей в мужья. Но Альрик очень быстро стал выделять ее из прочих девушек, живших в Веардруне под его опекой и покровительством.

Барбара вспомнила встречи на террасах, в саду – сначала случайные, потом нет, долгие разговоры, обмены взглядами, касания рук невзначай и быстрые извинения, тут же забыв о которых, то он накрывал ладонью ее руку, то она дотрагивалась до его локтя. Одним вечером он не выдержал, притянул ее к себе и поцеловал. Она вспомнила, как у нее закружилась голова,

как она прильнула к нему и услышала стремительный стук сердца в его груди. Но Альрик мгновенно опомнился, оборвал поцелуй и отстранил ее. После того вечера он начал избегать встреч с ней наедине, и она поняла почему. Вот только сама она уже не представляла дальнейшей жизни без него. Ей было все равно, что он помолвлен, что она никогда не станет его женой. Он не смог бы жениться на ней, даже если бы оставался свободен от обязательств перед другой девушкой. Ведь она, Барбара, пусть и не простолюдинка, но и не ровня графу Хантингтону. И она подумала: будь что будет, ведь она все равно не сможет полюбить другого мужчину. Разве кто-то мог хотя бы близко сравниться с Альриком Рочестером?

В один из дней, зная, что Альрик в библиотеке, она отправилась туда якобы за книгой, увидела его, попросила разрешения поискать что-нибудь для чтения. Конечно, он разрешил, и, заведя незначительный разговор обо всем и ни о чем, она, листая книгу, коснулась темы любопытства, посетовав на порочность этого свойства, доводящего людей до беды. Альрик возразил, сказав, что не считает любопытство порочным. Между ними завязался спор, и она, будто случайно, привела в пример себя, сказав, что только из любопытства еще в доме отца потеряла невинность, о чем сокрушается до сих пор.

У Барбары вновь замерло сердце, как в тот день, когда она поймала мгновенный взгляд синих глаз, брошенный на нее из-под ресниц. Тем же вечером Альрик сам нашел ее, позвал на террасу, где говорил с ней прямо, с заметным волнением в голосе. Она и сейчас, через столько лет, помнит каждое его слово.

– Барбара, ты очень нравишься мне. Но едва я понял, с какой силой меня влечет к тебе, я запретил себе оставаться с тобой наедине, даже случайно касаться твоей руки. Ты знаешь, что я помолвлен и моя невеста довольно скоро приедет в Веардрун. У нас с тобой нет будущего, но есть настоящее. Пойми меня правильно. Если бы ты оставалась невинной девушкой, я никогда бы не предложил тебе то, что осмеливаюсь предложить после твоего нечаянного признания.

Он не произнес этого слова, но Барбара и без слов поняла суть предложения Альрика – стать его любовницей. Она слушала его и не знала: радоваться или бояться? Сердце гулко колотилось в груди, так что ей было трудно дышать, не то что говорить. Поэтому она лишь согласно склонила голову, когда он замолчал и бросил на нее выжидательный взгляд.

Даже если бы ей удалось смолчать, он все равно обо всем догадался бы утром, увидев следы крови. Но она, не ожидавшая такой боли, вскрикнула, вцепилась в его запястье и тут же услышала:

– Бэб, ты обманула меня! Зачем?

Увидев, как в его глазах сгустилась грозная синева, она испугалась того, что сделала, и заплакала.

– Прости меня! – прошептала она, умоляюще глядя в его рассерженные глаза. – Я люблю тебя, очень люблю. А ты бы никогда не позволил мне и близко к тебе подойти, как только понял, что желаю тебя.

Его взгляд смягчился, губы дрогнули в улыбке, он решительно высвободился из ее объятий. Она испугалась еще больше, подумав, что он прогонит ее, но Альрик ее обнял, ласково заставил склонить голову ему на плечо и тихо сказал:

– Бэб, какая же ты глупышка! Хотя бы сейчас-то призналась, что девственница, и я бы не причинил тебе такой сильной боли. Все равно бы уже не отпустил, но повел бы себя сдержаннее.

Она была так счастлива услышать эти слова, словно он признался в любви. Он все равно бы не отпустил ее!

– Ну и что теперь? – услышала она его мягкий голос. – Как я сдержу слово, данное твоему брату, и выдам тебя замуж?

– А ты не выдавай меня замуж, – чуть слышно попросила она, осмелившись скользнуть ладонью по его груди. – Позволь мне побыть с тобой хотя бы то время, что осталось до приезда твоей невесты. Пожалуйста!

Конечно, он позволил, и она каждую ночь проводила в его спальне, пока через четыре месяца в Веардрун не прибыл гонец из Аквитании. Альрик позвал ее к себе, и, придя в его покои, она увидела рядом с ним Эдрика – его ровесника, телохранителя, командира ратников Веардруна. Поймав взгляд Альрика, она сразу поняла, что услышит горькую для себя весть, и не ошиблась.

– Барбара, – сказал он, – скоро в Веардрун прибудет моя нареченная – леди Луиза.

– Да, – только и смогла она сказать в ответ.

– Эдрик выразил желание взять тебя в жены.

Сын напрасно упрекал ее в отсутствии гордости. В ответ на предложение Альрика и вопросительный взгляд Эдрика она гордо подняла голову и твердо ответила:

– Нет.

– Почему нет? – спросил Альрик вечером того же дня. – Эдрик сам попросил у меня твоей руки. Он все знает о нас с тобой, но не видит в том препятствий.

– Да, я знаю, он на все пойдет ради тебя и твоего спокойствия, – с горечью сказала она.

– Это не так, – возразил Альрик. – Вернее, так, но не в твоём случае. Ему нравишься ты сама. Он сказал мне, что ты приглянулась ему в самые первые дни твоего пребывания в Веардруне. Он просто не успел обратиться ко мне раньше, чем ты стала моей, поэтому молча отошел в сторону.

– А теперь решил, что его час настал? – усмехнулась она и отрицательно покачала головой. – Нет, Альрик. Я все понимаю, я знала, что не смогу оставаться с тобой так долго, как мне бы хотелось. Но я не выйду за Эдрика.

Он не настаивал, не спрашивал о причинах ее упорства, лишь вслух подумал:

– Как же мне позаботиться о тебе, Бэб?

– Ты не обязан, – сказала она. – Я сама выбрала свою долю.

Но он очень жестко ответил:

– Обязан, Бэб.

На следующий день он вручил ей дарственную на дом и большой земельный надел в этом селении и пообещал каждый год присылать деньги, чтобы она ни в чем не знала нужды. Свое слово он сдержал, как держал все обещания. Ей каждый год доставляли от него кошель с серебром.

Глубоко вздохнув, Барбара подняла голову и посмотрела на дом. Добротный большой дом, самый большой в селении, не считая дома лорда Локсли. Когда-то Альрик останавливался в господском доме, но два года назад подарил и дом, и все земли Эдрику в награду за верную службу. Она сильно подозревала, что подарок был сделан с умыслом. Эдрик женился на одной из девушек, прибывших в свите леди Луизы из Аквитании, но два года назад овдовел. Она же так и осталась незамужней. Не хотел ли Альрик таким способом сблизить их и подтолкнуть ее к браку с Эдриком? Если она права в своих догадках, то он напрасно старался. Она до сих пор любит его и никогда не станет женой другого.

Получив дарственную, она через несколько дней покинула Веардрун и уехала в свой новый дом. Уехала, увозя с собой тайну: она уже знала, что носит под сердцем ребенка Альрика, но не стала ему говорить. Зачем? Это только добавило бы ему беспокойства, но ничего бы не изменило. Он обвенчался с леди Луизой, меньше чем через год после свадьбы супруга подарила ему наследника. Наверное, он радовался рождению сына, не зная о том, что на несколько месяцев раньше у него родился еще один сын, которому Барбара дала имя деда – отца Альрика.

Маленький Вилл стал ее отрадой и утешением, а она нуждалась в утешении. Ее сердце сжималось от тоски по Альрику, и только подушка ведала, сколько слез пролила Барбара по

ночам, задыхаясь от невозможности хотя бы издали увидеть того, кого так сильно любила. В Локсли ее отвез Эдрик и на прощание угрюмо посоветовал:

– Не пошла за меня – твое дело. Но здесь, чтобы тебя уважали, скажи, что была замужем и овдовела. Люди не поймут, почему такая молоденькая женщина живет одна, незамужняя.

Она не жила в одиночестве: у нее была служанка и два работника, помогавшие вести дом. Для обработки земли она нанимала еще людей. Конечно, в селении интересовались, кто она и откуда, почему не замужем. Кто спрашивал прямо, кто будто невзначай. Тем более у нее стал округляться живот и беременность уже нельзя было скрыть. Впрочем, она и не заботилась скрывать свое положение. На вопросы отмалчивалась, а придумывать о себе вымышленных историй ради благопристойности не стала.

Барбара сильно пожалела, что не последовала совету Эдрика, когда сын подрос и начал задавать вопросы об отце. Кто он? Почему у друзей есть отцы, а у него нет? Но дело было не в этих вопросах – она все равно не стала бы лгать сыну, дело было в самом Вилле. Казалось бы, он ничем не выделялся среди остальной малышни и в домах его друзей к нему относились радушно. Но за спиной Вилл начал слышать оскорбительное слово, относившееся именно к нему. Пусть это слово бросали не в качестве бранного или обидного, а просто так, называя вещи своими именами, только Вилл с ним смириться не мог.

Ему было пять лет, когда он спросил:

– Мама, что означает «ублюдок»?

Она оцепенела, услышав его вопрос. Бросив на сына испуганный взгляд, Барбара увидела в его глазах только любопытство и желание знать смысл неизвестного ему слова. Она остереглась спрашивать, где Вилл его услышал, и ответила:

– Так говорят глупые люди. А глупых слушать не надо, если сам не хочешь растерять ум.

Вилл насупился, размышляя над тем, что сказала мать, но очень скоро вновь услышал это слово и тогда прямо в лоб спросил того, кто его произнес, что оно означает. Ему объяснили – добродушно, не грубо, но и не особенно выбирая слова. Он пришел домой с таким выражением лица, что Барбара испугалась: не заболел ли? Она пощупала ему лоб, но Вилл увернулся из-под ее руки и резко спросил, требовательно глядя на мать янтарными глазами:

– Почему мой отец не женился на тебе, зная, что я должен родиться?

– Он не знал о тебе, – тихо сказала Барбара, – и сейчас не знает.

– Почему? – настойчиво допытывался сын. – Потому что я ублюдок?

– Вилл! – вспыхнула она. – Если ты еще раз произнесешь это слово, я тебя накажу!

Он усмехнулся недетской усмешкой и ответил так, словно ему было не пять лет, а много больше:

– Я уже наказан.

Больше он никогда не задавал ей вопросов, кто его отец и почему он не живет вместе с ними. Когда Вилл слышал слово «ублюдок» от взрослых, он сжимал зубы и гневно сверкал глазами, а детей бил беспощадно, даже если они просто повторяли вслед за родителями, в мыслях не желая его обидеть. Только девочек не трогал, а мальчишкам спуску не давал, не разбирая, кто из них сверстник, а кто старше. Сколько раз Барбаре приходилось залечивать его ссадины и синяки! Один раз, когда он вернулся домой сильно избитый, она укорила его:

– Вилл, сынок, не надо так драться!

– Не пришлось бы, позаботься ты сперва выйти замуж, а уж потом ложиться в чью-то постель, – ответил он непримиримым тоном.

Она с трудом сдержала порыв дать ему пощечину, а ночью в постели долго плакала – не над своей судьбой, а над нелегкой участью Вилла, в которой сама была виновата. Сын не мог слышать через стены ее всхлипывания, но он пришел, забрался в кровать и крепко прижался щекой к ее щеке, мокрой от слез.

– Матушка, прости меня, пожалуйста, – прошептал он, обняв ее за шею. – Обещаю, что больше не буду говорить тебе таких слов. Просто пойми: мне очень обидно слышать, когда меня так называют и дразнят, что я даже не знаю, кто мой отец.

О последнем он узнал сам, без ее рассказов. Когда ему минуло восемь лет, в Локсли приехал граф Хантингтон. Барбара так и не поняла, как Виллу удалось повстречаться с ним. Она лишь увидела, как Альрик идет по улице Локсли к ее дому, неся на руках Вилла. Мальчик еще ничего не понял, он сиял от гордости: граф Хантингтон пожелал увидеть, где живет Вилл, и даже взял его на руки! Но Барбара, глядя на них, поняла, что отец, в отличие от сына, уже обо всем догадался.

Краткий обмен словами, и наконец для Вилла настал черед прозрения. Он даже дышать перестал, ожидая ответа на свой вопрос:

– Ваша светлость! Вы мой отец?!

Как Альрик улыбнулся ему! Она уже позабыла эту улыбку, которую все в Средних землях прозвали улыбкой Рочестеров. Улыбнулся так, словно знал Вилла с колыбели, а не увидел от силы полчаса назад, потрепал мальчика по голове, поцеловал в щеку и ответил:

– Да, Вилл. Ты мой сын.

Войдя в дом и оставив Вилла ждать за дверью, Альрик гневно сказал:

– Как ты могла?! Как посмела молчать столько лет?! Опять обман, Бэб? Только на этот раз ты обманула не одного меня, но и нашего сына? Моего сына!

Ей нечем было ответить на упрек. Альрик не стал скрывать от нее намерение забрать сына в Веардрун, если на то будет согласие Вилла. Вспомнив, какими глазами сын смотрел на отца, Барбара не усомнилась в его ответе. Все время, пока они с Альриком разговаривали, до них долетали протяжные вздохи Вилла, томившегося за дверью. Перед тем как распрощаться и уйти, Альрик повел глазами в сторону двери и выразительно вскинул бровь.

– Он такой же упрямый, как ты? – спросил Альрик, и его смягчившийся взгляд мгновенно смыл с ее души всю горечь лет, прошедших со дня их расставания.

– Он хороший и очень похож на тебя, – сказала Барбара.

– Это я успел подметить, когда знакомился с ним! – усмехнулся Альрик и, открыв дверь, поймал на руки бросившегося к нему Вилла.

Он увез ее мальчика с собой, и следующие девять лет она редко видела сына. Когда Виллу исполнилось шестнадцать, он приехал навестить мать – не один, а вместе с единокровным братом. Приветствуя Робина, Барбара украдкой скользила ревнивым взглядом по его лицу, отыскивая черты той, которой посчастливилось стать женой Альрика, забыв, что к тому времени графиня Луиза уже умерла. Но один взгляд синих, как у отца, глаз, быстрая улыбка – и Барбара была покорена. Робин обладал еще большим обаянием, чем отец, совершенно не чинился ни с ней, ни с друзьями Вилла, и о нем с восхищением говорили в Локсли еще долго после того, как братья вернулись к отцу в Веардрун.

В последний раз она видела Робина неделю назад, когда он приехал в Локсли в сопровождении небольшого отряда ратников и сразу направился к ее дому.

– Тетушка Бэб, Вилл дома? – спросил он, спрыгнув с коня, и, едва она кивнула в ответ, почти бегом зашел внутрь.

Через несколько минут они с Виллом вдвоем оказались в дверях, отошли в дальний угол двора и долго разговаривали. Барбара не слышала, о чем они говорят, но понимала, что Робин убеждает брата вернуться в Веардрун вместе с ним. Разговор был очень жарким, но закончился ничем. Вилл пожал Робину руку, Робин в ответ обнял Вилла, и братья разошлись в разные стороны: Вилл вернулся в дом, а Робин подошел к лошади.

– Ты даже не останешься ночевать? – спросила Барбара, когда он ставил ногу в стремя. – Ведь до заката остался от силы час!

Робин вскочил в седло, собрал поводья и помотал головой. У него было очень расстроенное лицо.

– Нет, – ответил он, бросив взгляд на солнце, садившееся за лес. – Пока отец в Лондоне, Веардрун на мне. Я и так уехал, бросив замок на Эдрика и выслушав от него много упреков.

Эдрик! Барбара возмущенно фыркнула. Она не сумела вывести у Вилла, что послужило причиной размолвки с отцом, но пребывала в уверенности: без участия Эдрика не обошлось!

От Эдрика, неизменно сопровождавшего Робина, когда тот приезжал с братом в Локсли, Барбара постоянно выслушивала упреки в адрес Вилла. Упрямый, заносчивый, гордый не в меру, не хочет знать своего места – дай Эдрику волю, он бы до утра шпынял Барбару за сына, которого она родила графу Альрику без его ведома и без спроса.

– Госпожа Барбара, – вывел ее из задумчивости девичий голос, – могу ли я повидать Вилла или он уехал?

Барбара посмотрела на девушку четырнадцати лет, стоявшую возле ворот. Элизабет, дочь йомена Томаса, – она часто приходила к Барбаре помогать по дому. Плата, которую Элизабет получала от Барбары, была немалым подспорьем для ее семьи, но Барбара давно поняла, что дело не в монетах. Элизабет была по уши влюблена в ее сына и, когда Вилл приезжал к матери, находила себе новое и новое дело в доме Барбары, лишь бы подольше побыть рядом с ним. Вот и сейчас она нарядилась в чистую тунику и верхнее платье из ярко-синей, хорошо выделанной шерстяной ткани, гладко заплела волосы цвета отбеленного льна, украсила шею ожерельем из золотистых топазов, подаренным ей Виллом на прошлое Рождество.

– Можешь, Лиззи, – сказала Барбара, поднимаясь на ноги, и махнула рукой в сторону лестницы, по которой сбегал Вилл: – Вот он.

Нежное лицо Элизабет просияло радостной улыбкой, и такой же радостный свет вспыхнул в больших темно-карих глазах. Едва лишь увидев Вилла, она больше не сводила с него глаз. Подойдя к девушке, он небрежно поцеловал ее в щеку, отчего Элизабет зарделась густым румянцем, и окинул придирчивым цепким взглядом.

– Какая ты сегодня нарядная! – сказал он недовольным ревнивым тоном. – По какому случаю?

– Так воскресенье, – ответила Элизабет, преданно глядя на Вилла.

– Воскресенье, говоришь? – хмыкнул он. – Значит, сегодня у тебя нет работы? Тогда может быть, окажешь мне честь и сходишь со мной на прогулку?

Глаза Элизабет вновь просияли, она вопросительно посмотрела на Барбару.

– Плащ возьми, Вилл, – сказала в ответ Барбара. – Холодно, Элизабет может простудиться.

Когда Вилл вернулся в дом за плащом, Элизабет тихо спросила:

– Он по-прежнему не собирается обратно в Веардрун?

– Вроде бы мне удалось поколебать его намерение остаться в Локсли, – ответила Барбара. – Поговори с ним, Лиз. Может быть, этот упрямец к тебе прислушается больше, чем ко мне?

Элизабет едва заметно кивнула, хотя ее глаза погрузнели: она не хотела, чтобы Вилл уезжал. Но Барбара не сомневалась в ней: Элизабет всем сердцем любила ее сына, а сердце у нее было отменное, полное самоотверженности и великодушия. Даже удивительно, что в семье простого йомена родилась такая девушка, больше похожая на принцессу, чем на дочь простолюдина.

Вилл вышел, набросив на плечи плащ и захватив другой для Элизабет, в который молча и по-хозяйски укутал девушку. Элизабет взяла Вилла под руку, и они вышли за ворота, провожаемые задумчивым взглядом Барбары.

Не случись встречи Вилла с отцом, Барбара не пожелала бы сыну другой жены. Теперь, конечно, нет. Теперь Элизабет Виллу не ровня: сын графа, пусть и незаконнорожденный, и

дочь йомена. Барбара вздохнула и сокрушенно покачала головой. Девочка слишком явно влюблена в ее сына, Вилл же относится к ней как к собственности. Чем это все закончится? Для Барбары не было тайной, что сын не только вырос, но и успел познать женщину. А Элизабет бесконечно доверяет Виллу, и скажи он ей только слово, верит себя ему без остатка. Барбаре было жаль девушку: как бы ни поступил Вилл, для Элизабет счастья не будет. Но разве саму Барбару в свое время остановило подобное понимание? И разве сейчас у нее мало забот, чтобы ломать себе голову над будущим одной из сельских девчонок? С этой мыслью Барбара вернулась в дом.

Вилл и Элизабет шли по улице, пока не миновали господский дом, за которым она переходила в дорогу. Они ни о чем не говорили. Вилл крепко держал Элизабет за руку, и ей было достаточно тепла его ладони. Она не спрашивала, куда они направляются, свято уверенная в том, что с Виллом она в полной безопасности. Искоса поглядывая на его четкий профиль, она улыбалась. Но Вилл не замечал ее улыбки, оставаясь задумчивым и хмурым, и Элизабет тоже погрузилась. Она догадывалась, о чем он все время думает и почему так глубоко ушел в свои мысли, что почти забыл о ней. Они отошли от селения довольно далеко, когда Вилл очнулся и вспомнил об Элизабет.

– Что же ты молчишь? – упрекнул он девушку. – Устала, наверное!

Элизабет хотела ответить, что готова идти так всю жизнь, лишь бы он держал ее за руку или просто был рядом, но сдержалась. Вилл бросил взгляд по сторонам и заметил в просвете деревьев, обступивших дорогу, небольшую прогалину, залитую светом нежаркого зимнего солнца.

– Посидим немного, – предложил он, потянув Элизабет за собой. – Отдохнешь, а потом пойдем обратно.

Сняв с себя плащ, Вилл расстелил его на пригорке, усадил Элизабет и сел рядом с ней.

– А ты? – встревожилась Элизабет, увидев, что он остался в куртке из тонкой шерсти, и протянула Виллу край своего плаща: – Набрось на себя, чтобы не продрогнуть.

Вилл пренебрежительно хмыкнул: закалка, полученная за годы воспитания в Веардруне, сделала его почти нечувствительным к легкой морозной прохладе. Но он принял предложение Элизабет, поскольку, укрывшись с ней одним плащом, ему было проще обнять ее, что он и сделал. Девушка склонила голову Виллу на плечо и тихо спросила:

– Что ты все-таки решил? Остаешься или возвращаешься?

Нахмурившись, Вилл долго молчал, потом вздохнул и честно признался:

– Сам не знаю, Лиз. Еще вчера был уверен, что останусь. А сегодня меня так и тянет обратно в Веардрун. Я соскучился по Робину и по отцу, но совершенно не представляю, как покажусь отцу на глаза после того, что наговорил ему! – он посмотрел на Элизабет и спросил: – А что ты посоветуешь мне?

Элизабет, польщенная тем, что Вилл спрашивает ее совета, набралась мужества и твердо сказала:

– Я убеждена: ты должен вернуться в Веардрун. Твое место там, Вилл.

– Вот как? – Вилл усмехнулся и внимательно посмотрел на девушку. – Я думал, что хотя бы ты будешь рада, если я останусь в Локсли. А тебе, оказывается, как и другим, не терпится выпроводить меня в Веардрун? Завела дружка, Лиззи?

Она вскинула голову, заглянула ему в глаза и тихо выдохнула:

– Вилл!..

Он подумал, что никто, кроме нее, не умеет так произносить его имя, вложив в него все, на что другие тратили уйму слов. Вот и сейчас Вилл услышал упрек, сожаление о неминуемом расставании и глубокую уверенность Элизабет в том, что он не может поступить иначе. Вилл сильнее сдвинул рукой ее тонкий стан и чуть слышно сказал, не отрывая глаз от нежного лица Элизабет:

– Как же ты умеешь одним моим именем столько мне рассказать и о себе, и обо мне самом!

По ее длинным ресницам пробежал трепет, в темных, почти черных глазах отразилось солнце, и сама она засветилась, как солнечный луч. Не устояв перед ее очарованием, Вилл склонился к ее лицу и прикоснулся губами к губам Элизабет. Он впервые целовал ее так, но едва ее губы приоткрылись в ответ, как Вилл тут же выпрямился и посмотрел на Элизабет грозным взглядом.

– Кто научил тебя целоваться? – сухо осведомился он.

– Никто не учил, – улыбнулась Элизабет. – Я ведь и не умею. Ты единственный, кто поцеловал меня, и сделал это только что. Больше никого не было, Вилл, и быть не могло!

Его глаза утратили грозный блеск, приняли оттенок густого меда. Вилл властно снял с головы Элизабет чепец. Растрепав ее туго заплетенную косу, он погрузил пальцы в густые мягкие волосы и улыбнулся от удовольствия.

– До чего же у тебя красивые косы, Лиз! – сказал он, притянул девушку к себе и, вновь прикоснувшись к ее губам, шепнул: – Ну, раз никто не учил, то хоть я научу. Позволишь?

Вместо ответа Элизабет прильнула к нему, и Вилл закрыл ей рот долгим поцелуем, от которого оба задохнулись. Дав ей глотнуть воздуха, он снова стал целовать ее. Его ладонь скользнула вверх и накрыла высокую грудь девушки. Элизабет вздрогнула, но не отстранилась, лишь широко распахнула глаза.

– Не бойся, – прошептал Вилл, – я не обижу тебя. Только поцелую немного, и все.

Он целовал Элизабет то нежно, едва дотрагиваясь до ее губ, то впивался в ее рот с такой страстной требовательностью, что у нее обрывалось дыхание. Его рука вольно блуждала по ее телу, дыхание стало частым и неровным, но Элизабет не боялась, как он и велел ей. Она привыкла слушаться Вилла, верила ему больше, чем себе, и знала, что он всегда исполнял однажды данное слово. Если он сказал, что не обидит ее, значит, в его объятиях ей ничего не грозит.

Элизабет очень нравилась Виллу. Он знал, что она любит его, и ее безоглядное чувство льстило его самолюбию. Но Вилл отчетливо понимал, что никогда не женится на Элизабет. Отец уже обручил Робина, найдет невесту и старшему сыну, но едва ли разрешит жениться на дочери йомена, пусть и такой красивой, как Элизабет. К тому же Вилл пока вообще не собирался связывать себя брачными узами, полагая, что слишком молод для женитьбы. Помня судьбу своей матери, он не хотел такой же судьбы для Элизабет и, тем более, не желал сам стать причиной несчастья для девушки. Но она все равно ему нравилась, и он целовал ее, дав себе слово, что немедленно прекратит, как только почувствует, что теряет власть над собой.

– У тебя такие нежные губы, что от них не оторваться! – шептал он, глядя на девушку глазами, в которых начала сгущаться смоляная темнота. – Словно я пью росу из чашечки цветка!

Она зарделась от этих слов, прильнула к Виллу еще теснее, чем повергла его в томление. Поцеловав Элизабет в последний раз, Вилл решительно отстранился и вскочил на ноги.

– Все, Лиз! Нам пора возвращаться, – сказал он, подавая ей руку.

Она переплела косу, совершенно распутившуюся под пальцами Вилла, надела чепец и оправила платье. Окинув ее взглядом, Вилл одобрительно кивнул, крепко взял за руку, и они пошли обратно к селению.

Вилл вновь погрузился в размышления, но теперь его мысли стали приходить в порядок. Он обдумывал слова, которые скажет отцу, чтобы получить прощение. Отец посылал за ним, значит, был склонен забыть ссору. Но ведь он, Вилл, отказался вернуться, в очередной раз оскорбив отца. И даже если отец не захочет простить его, сам изгонит из Веардруна, Вилл все равно должен сказать ему все, что хотел сказать, а главное – что он сожалеет о последних словах, которые швырнул отцу в лицо, прежде чем закрыть за собой дверь его покоев. Поссорившись с отцом, он упустил возможность получить право на имя и герб Рочестеров,

как того хотел отец, но не сожалел об этой утрате. Зато отец убедится в его бескорыстности и отсутствии желания тягаться с Робинотом за наследственные права, в чем Вилла постоянно подозревали. Граф Альрик, конечно, знал, что Вилл никогда не собирался оспаривать права Робина, но все равно потребовал от него письменного отказа от прав старшего сына и принесения Робину вассальной присяги. Сейчас Вилл понимал всю разумность действий отца, но в тот злополучный день!..

Отец должен скоро вернуться из Лондона, и выезжать в Веардрун надо не позднее завтрашнего утра. Тогда он опередит отца, и у него будет день или два в запасе, чтобы наговориться с Робинотом. При мысли о младшем брате лицо Виллы преобразилось, осветившись очень теплой улыбкой. Вилл бесконечно любил брата, как и Робин – Вилла. А еще Вилл скучал, невыносимо скучал по ежедневным ратным занятиям, которых настойчиво требовало его тело, устав от вынужденного отдыха. Скучал и по книжным наукам, по самой библиотеке Веардруна, по возможности разговаривать с братом, переходя с одного языка на другой. Заговори он в Локсли на французском, и его бы с трудом поняли. А если сказал хотя бы фразу на валлийском, сочли бы или высокомерным, или колдуном. Что уж говорить о латыни или греческом! Ум Виллы так же жаждал пищи, как тело – привычной нагрузки. Он больше не мог скрывать от себя истину: жизнь в Веардруне стала для него роднее и привычнее, чем жизнь в Локсли, где прошли его детские годы.

Элизабет шла рядом, не смея нарушить молчание Виллы. По его лицу она поняла, что он принял решение, и знала, какое оно: вернуться. Ей было невыносимо грустно каждый раз расставаться с Виллом, а сейчас именно ее слова стали той каплей, которая переполнила чашу его долгих раздумий и сомнений и подтолкнула к такому решению. Он уедет, и кто знает, когда она вновь увидит его. А если бы он остался в Локсли, как и собирался, она видела бы его каждый день. Выходит, она сама решила свою судьбу. Но Элизабет слишком сильно любила Виллу, чтобы иначе ответить на его вопрос, заданный в лесу. Она хотела для него исключительно добра и прекрасно понимала, что жизнь в селении не станет для Виллы благом.

Они добрались до окраины Локсли, когда заметили, что на улицах царит необычное даже для воскресного дня оживление. Люди, покинув дома, спешили к сельской площади, переговариваясь в тревожном возбуждении, судя по тому, что на их лицах были волнение и страх, а кто-то размахивал руками, не найдя нужных слов.

Прежде чем Вилл успел спросить кого-либо о причине общего волнения, к нему подбежал один из друзей и сверстников – рыжеволосый Алан э'Дэйл. Его отец Патрик два десятка лет назад покинул Ирландию и обосновался в Англии, арендовав землю, принадлежавшую графу Хантингтону, но до сих пор и отца, и сына, который Ирландии в глаза не видел, называли в Локсли ирландцами.

– Вилл, наконец-то! Я не знал, где тебя искать! Тут такие новости!

– Что за новости, от которых ты свои веснушки растерял? – спросил Вилл, внимательно посмотрев на бледное от смущения лицо Алана. – Пожар в Ноттингеме или наводнение в Скарборо?

– Не время шутить, Вилл, – ответил Алан. – Эрик, отец Джона, вернулся из Ноттингема и сказал, что в городе от имени шерифа и короля объявлено о смерти графа Хантингтона. А по дороге в Локсли Эрик только и слышал разговоры о гибели графа Альрика и падении Веардруна.

Вилл слушал его с прежней улыбкой, словно не понимал смысла сказанного, считая, что Алан шутит. Но вдруг изменившись в лице, он подался всем телом к Алану и крепко ухватил приятеля за локоть.

– Что ты сказал?!

Его глаза прищурились и впились в Алана.

– Говорят, граф Альрик не просто умер. На самом деле на него два дня назад напали на лондонской дороге неподалеку от Рэтфорда, – частил Алан. – Граф Альрик и все, кто его сопровождал, погибли, а Веардрун был осажден и сегодня утром взят штурмом.

– Подожди-подожди! – Вилл затряс головой. – Веардрун невозможно взять приступом! И откуда об этом стало известно, если, как ты утверждаешь, он пал только утром?!

– Голубиная почта, – только и ответил Алан, глядя на друга с безмолвным сочувствием, потом обернулся и махнул в сторону людей, высыпавших на улицу: – Все селение в полном отчаянии. Если граф Альрик погиб, что же теперь с нами будет, Вилл?!

Все еще не в силах поверить во внезапную смерть отца, Вилл сделал всего несколько шагов в сторону своего дома, как увидел мать. Она бежала навстречу ему, где-то потеряв косынку, и ее растрепавшиеся волосы вдруг показались Виллу не светло-русыми, а седыми. Подбежав к сыну, Барбара крепко вцепилась в его руки и с отчаянием посмотрела в глаза.

– Вилл, сынок! Ты уже слышал?! Неужели это правда? Как такое могло случиться?

Вилл ничего не ответил, но Барбара и не ждала ответа. Обессиленно закрыв лицо ладонями, она глухо простонала:

– Альрик! Альрик!..

– Матушка!

Вилл едва успел подхватить Барбару на руки, прежде чем она осела на землю.

– Подожди меня здесь, – бросил он Алану и кивнул Элизабет: – Лиззи, иди со мной!

Он принес мать в дом, в ее спальню и уложил на кровать.

– Матушка, Лиззи побудет с тобой. Мне надо узнать все в точности. Может быть, все неправда, – отрывисто сказал он и несильно похлопал мать по щекам, заставляя ее прийти в чувство.

Барбара открыла глаза и, оттолкнув кружку с водой, которую Элизабет поднесла к ее губам, посмотрела на сына. Вскинув руку, она дрожащими пальцами провела по его лицу, и Вилл догадался, что она ищет в нем черты отца – Альрика Рочестера, графа Хантингтона.

Отец погиб, его резиденция захвачена. Вилла вдруг окатило ледяной волной. Он только сейчас в полной мере осознал все, о чем поведал Алан. Поцеловав матери руку, Вилл вскочил на ноги и бросился вон из дома, обратно на улицу, где его дожидался Алан. Вилл вылетел к нему из ворот, словно дикий зверь, угодивший в засаду, и схватил Алана за руку раньше, чем тот успел отпрянуть: так страшен был огонь, полыхавший в обычно спокойных глазах Вилла.

– Ты говорил, Веардрун пал? – хрипло спросил Вилл, задыхаясь от стука сердца, готового выпрыгнуть из груди.

Алан кивнул, глядя на него с неммым сочувствием: о горячей любви Вилла к отцу знали все его друзья в Локсли.

– В Веардруне оставался Робин! Что с ним?!

– Не знаю, Вилл! Пойдем на площадь, может быть, узнаем что-то еще.

Вилл, сопровождаемый Аланом, бросился на площадь селения. Там, в окружении жителей Локсли, стоял Эрик, оказавшийся самым осведомленным о последних событиях в Средних землях. Увидев старшего сына графа Хантингтона, все смолкли, как по команде устремившись взглядами к Виллу. Кто-то смотрел с сочувствием, кто-то с надеждой, словно дальнейшая судьба селения и его жителей теперь зависела только от Вилла. Он подошел к Эрику и впился взглядом в растерянное, как и у остальных, лицо кузнеца.

– Что слышно о лорде Роберте? – спросил Вилл и, не услышав ответа, повысил голос: – Мой брат, Робин! Что говорят о нем?! Он жив?!

– О лорде Робине говорят разное, – тяжело вздохнул Эрик. – Одни уверяют, что он погиб при взятии Веардруна, другие – что о нем ничего неизвестно.

– Наверняка его тоже убили, как графа Альрика, – всхлинула одна из женщин. – Погубив отца, не оставляют в живых сына, чтобы он однажды не отомстил.

Вилл крепко сжал губы, холодея от дурных предчувствий. Отец, а теперь и любимый брат, лучший друг – не слишком ли много горя для одного дня? На плечо Вилла легла ладонь Томаса – отца Элизабет.

– Лорд Уильям, точных известий о лорде Робине нет, – сказал он, пытаясь вселить в Вилла хоть каплю надежды. – А пока никто не видел его мертвым, будем считать, что лорду Робину удалось уцелеть.

Глава вторая

Два ратника с гербами Ноттингемшира волокли Робина по галереям Веардруна. Робин с трудом переставлял ноги, спотыкаясь на каждом шагу, и тогда ратники безжалостными ударами в спину заставляли его шевелиться быстрее. Он едва удерживал стон, когда кулак ратника опускался на плечо, пробитое стрелой, и боль вспыхивала огнем, дурманя сознание. Весь путь по замку выстлала тела погибших ратников – как с гербом Ноттингемшира, так и с гербом Рочестеров. Осада Веардруна была жестокой. Когда первые ворота открылись, а потом и вторые поддались натиску, битва все равно продолжалась – за каждую пядь внутреннего двора и графского дома.

Окруженный верными людьми, Робин отбивался до последнего. Эдрик, его наставник в воинском искусстве, пытался вывести юного лорда из кольца ноттингемских ратников, но сам пал под ударом меча, обрушившегося на его голову. Он так и остался лежать во дворе Веардруна, когда нападавшим удалось истребить всех, кто защищал молодого графа, и связать его самого. Робин был уверен, что его убьют, как и прочих защитников Веардруна, но зачем-то он понадобился живым убийце графа Альрика. Робин не сомневался, что отца убил тот, кто захватил Веардрун.

Его втокнули в главную залу, и Робин из последних сил постарался устоять на ногах. Поморщившись от боли в простреленном плече, он выпрямился и высоко вскинул голову.

– Добро пожаловать, ваша светлость, сэра Роберт Рочестер, новый граф Хантингтон! – раздался полный иронии голос, и Робин увидел перед собой шерифа Ноттингемшира.

Сэр Рейнолд расхаживал по зале, и Робина охватило негодование, когда он заметил, что шериф то и дело наступает на полотнище с гербом Рочестеров, которое осеяло залу лазурным сиянием, сколько Робин себя помнил. В этой зале отец принимал вассалов и вершил суд, его массивное кресло оставалось на обычном месте – небольшом каменном возвышении, и лишь отца – благородного и могущественного графа Альрика – больше не было в живых.

– Не смейте топтать наш герб! – вырвалось у Робина сквозь зубы, когда сэра Рейнолд снова занес ногу над сорванным, брошенным на пол полотнищем.

Сэр Рейнолд невольно застыл, подивившись, как властно прозвучал голос молодого графа Хантингтона, которому оставалось жить столько, сколько он, шериф Ноттингемшира, ему отмерит. Остановившись, он обернулся к Робину и принялся медленно рассматривать нового главу рода Рочестеров, не упуская ни одной мелочи.

Молодой граф Хантингтон, как стали называть Робина после известия о гибели графа Альрика, стоял перед шерифом, гордо расправив плечи, расставив ноги в высоких сапогах, на которых поблескивали золотом шпоры. Несмотря на то что ему не исполнилось и семнадцати лет, он был высок ростом, широкоплеч, сложен, как настоящий воин, и держался с достоинством, отличавшим всех Рочестеров, пусть и был сейчас одет простым ратником. Сюрко с родовым гербом, закрывавшее кольчужную тунику, сплошь испятнано кровью. Сэр Рейнолд знал, что его приказ захватить живым наследника графа Альрика был исполнен с огромным трудом и чрезмерными, учитывая возраст пленника, потерями. Молодой граф отбивался с таким умением, отвагой и упорством, что сэра Рейнолд испытывал к нему невольное уважение. Он знал и о том, что стоявший перед ним юноша сам командовал защитниками Веардруна и те под его началом отбивали атаку за атакой, которые сэра Рейнолд обрушивал на стену Веардруна. В действиях защитников замка чувствовалась слаженность, возникающая только под командованием опытного военачальника. Граф Альрик не просто хорошо, а превосходно воспитал своего преемника.

Веардрун был практически неприступен, и сэр Рейнолд, потерпев неудачу с первым штурмом, начал угрюмо подсчитывать, сколько дней уйдет на то, чтобы уморить осажденных голодом. Выходило не меньше половины года. Но прежде чем он впал в уныние, среди вассалов Рочестера нашелся тот, кто пошел на тайные переговоры. Он заломил за помощь шерифу немислимую цену, но сэр Рейнолд согласился не раздумывая. Он все равно не собирался платить предателю. Меч молодого графа, покаравший неверного вассала, избавил сэра Рейнолда от необходимости самому разделаться с предателем Рочестера.

– Вам было приказано именем короля открыть ворота Веардруна, – сказал сэр Рейнолд, не сводя с пленника тяжелого взгляда. – Почему вы послушались королевской воли?

– Я просил вас предъявить то, что подтвердило бы ваши слова, – бесстрастно напомнил Робин. – Но у вас не оказалось при себе ничего, что бы доказывало, что вы действуете по королевскому приказу. За несколько часов до вашего появления под стенами Веардруна, равно как и ваших наемников, я получил весть о гибели отца. Мне стало известно, что он попал в засаду, так почему я должен был оказаться глупцом и сунуть голову в петлю? Передай вы мне любое свидетельство воли короля Генриха, и я бы немедленно приказал распахнуть перед вами ворота Веардруна.

– Ты только что назвал меня лжецом, шенок! – рявкнул сэр Рейнолд, отбросив церемонное обращение. – Я – шериф Ноттингемшира, я всегда выражаю волю короля!

– Веардрун не находится в Ноттингемшире, где вы имеете право вершить правосудие от имени короля, – спокойно возразил Робин, не обращая внимания на грубый тон шерифа. – Не имея доказательств королевской воли, вы самочинно вторглись в мое владение, захватили мой замок и погубили многих моих людей. Это вы, а не я, будете держать ответ перед королем!

Сэр Рейнолд снова поразился достоинству, с которым молодой граф давал отпор, словно он, а не шериф Ноттингемшира, оставался хозяином положения. Впрочем, граф Хантингтон явно не осознавал меру опасности, грозившей ему – пленнику сэра Рейнолда. Шериф усмехнулся и, чтобы дать понять наглому и самоуверенному юнцу, кто из них кто, расположился в кресле лорда Веардруна.

– Вы не возражаете, ваша светлость, если я займу место графа? – язвительно спросил он.

Робин лениво передернул плечами, хотя этот жест пренебрежения стоил ему новой вспышки боли, и ответил:

– Почему бы нет, сэр Рейнолд? Вы же не считаете, что, опустив свой зад в королевское кресло, и ваша голова тут же увенчается английской короной?

Услышав приглушенные смешки собственных ратников, сэр Рейнолд задохнулся от ярости. Раненый и связанный, мальчишка дерзил ему так, что перетянул на свою сторону симпатии тех, кто служил шерифу Ноттингемшира. Бросив грозный взгляд на ратников, стоявших за спиной графа Хантингтона, шериф дернул подбородком. Ратники, повинувшись, подошли к Робину. Один из них ухватил его за ворот кольчуги, а второй со всей силы нанес удар под ребра. Робин задохнулся от боли в сжавшихся легких и не устоял на ногах. На него обрушились новые удары, пока он не растянулся на полу. Сэр Рейнолд жестом остановил ратников и молча наблюдал, как Робин пытается подняться.

– Лучше оставайтесь там, где вы сейчас, – посоветовал он, когда Робину удалось встать на колени.

– Никогда и никто из Рочестеров не преклонял колена перед подлецом, – ответил Робин, поднимаясь на ноги.

По знаку шерифа ратники новыми ударами опрокинули Робина на пол.

– Тогда полежите, – ласково предложил сэр Рейнолд. – Вы устали, отбиваясь от моих людей, не спали всю ночь, защищая свою резиденцию. Вы нуждаетесь в отдыхе, граф Роберт!

Но Робин с прежним упорством встал на ноги и выпрямился во весь рост. Взгляд синих глаз, холодный и пронизывающий, живо напомнил сэру Рейнолду графа Альрика, чье тело сей-

час лежало окоченевшее на дороге в окружении тел его ратников. Жестом остановив тех, кто хотел попытаться еще раз образумить пленника, сэр Рейнолд стал снова разглядывать Робина.

– А вы не менее упрямы, чем ваш отец, граф Роберт! – сказал он. – И будет только справедливо, если заслужите то, что заслужил он.

– Смерть от руки убийцы? – усмехнулся Робин. – Нет, сэр Рейнолд, наш род слишком известен в Англии и за ее пределами, чтобы гибель моего отца и моя сошли вам с рук. Ведь мой отец был убит по вашему наущению, не так ли?

Почувствовав себя очень неуютно под пронизательным взглядом графа Хантингтона, сэр Рейнолд тем не менее ответил Робину холодной усмешкой.

– Вы чересчур самоуверенны, ваша светлость. Хотя самоуверенность – отличительная черта вашего рода. Напрасно вы не верите, что я действую по приказу короля Генриха. Совершенно напрасно! Если бы поверили, то и повели бы себя благоразумнее.

– Я никогда не поверю, что король приказал вам расправиться с моим отцом!

– Если бы с ним одним! – вздохнул сэр Рейнолд. – Со всем вашим родом, граф Роберт!

Он поднялся с кресла и вновь принялся ходить по зале. Робин заметил, что шериф неосознанно избегает ставить ногу на полотнище с гербом Рочестеров, и усмехнулся. Поймав эту усмешку победителя, сэр Рейнолд стремительно подошел к нему и хотел ухватить за ворот кольчуги, но не посмел, столкнувшись с Робинем взглядом. В глазах молодого графа Хантингтона затаилась угроза, словно он только и ждал, когда шериф дотронется до него. Уронив занесенную было руку и отступив от Робина на несколько шагов, сэр Рейнолд сказал размеренным будничным тоном:

– Король Генрих одобрил мой замысел стереть с лица земли весь ваш род, чьим именем и гербом вы так гордитесь, граф Роберт. Ваш отец давно мне мешал! Он забрал слишком много власти во всех Средних землях, не только в своих владениях. Ваше обручение с маленькой леди из рода Невиллов многократно увеличило бы уже ваше влияние и могущество всех Рочестеров. Ведь она племянница правителя Уэльса и сами Невиллы в чести у короля. Да, Генрих благоволил вашему отцу, но до тех пор, пока ему не стало известно, что граф Альрик втайне оказывает помощь мятежному принцу Ричарду, а также его матери – королеве Алиеноре. И это понятно! Ведь в части аквитанских владений ваш отец являлся прежде всего вассалом королевы Алиеноры и принца Ричарда, и лишь потом – короля Генриха.

– Мой отец не был сторонником принца Ричарда в затеянном им мятеже, – медленно произнес Робин, начиная догадываться, что послужило причиной смерти отца и штурма Веардруна. – Он никогда не нарушал вассальную присягу, принесенную королю Генриху!

– Это так, – легко согласился сэр Рейнолд. – Но о том знаем лишь мы с вами. А лорд Гисборн представил королю неопровержимые доказательства того, что граф Альрик всеми способами поддерживает мятеж, что и вы вместе с отцом не скрываете своего участия в войне против короля на стороне принца Ричарда. Когда король Генрих убедился в том, что принц Ричард неоднократно находил убежище именно в ваших аквитанских владениях, его гнев не знал пределов. Он пожелал, чтобы в Англии позабыли само имя Рочестеров. А я, верный слуга короля, поспешил исполнить его волю.

Он улыбнулся онемевшему от возмущения Робину обезоруживающей улыбкой.

– Вы же и подделали доказательства нашей измены! – выдохнул Робин. – Вы и лорд Гисборн!

– Мир его праху! – подхватил сэр Рейнолд, осеняя себя крестным знаменем, и, поймав удивленный взгляд Робина, сокрушенно кивнул: – Да, ваша светлость, так оно и было. Граф Альрик, прежде чем погибнуть, нанес смертельный удар моему другу лорду Гисборну. Они умерли почти одновременно: сначала мой друг, следом за ним – ваш отец.

– А ведь вы рады смерти Лайонела Гисборна, – вдруг сказал Робин, пристально глядя на шерифа. – Теперь вам ни с кем не придется делиться властью, которую вы обретете, если наш род перестанет существовать.

Сэр Рейнолд бросил на Робина быстрый тяжелый взгляд, которым подтвердил, что граф Хантингтон не ошибся.

– Что говорить обо мне, граф Роберт? – усмехнулся сэр Рейнолд, смерил Робина взглядом и небрежно махнул рукой в его сторону. – Впрочем, и о вас говорить уже ни к чему.

Он подождал, не спросит ли граф Хантингтон, что его ждет, но Робин пожал плечами, словно собственная участь была ему безразлична. Так и не дождавшись от пленника ни вопроса, ни просто слова, сэр Рейнолд сказал:

– Можете считать себя покойником, – вытянув руку, он хотел ткнуть пальцем в грудь Робина, но вовремя спохватился. Держась от пленника на безопасном расстоянии, сэр Рейнолд произнес, выделяя каждое слово: – Но кроме вас мне нужна ваша сестра, а вместе с ней – и ваш брат-бастард.

– Если вы собрались убить меня, ради чего мне откровенничать с вами о брате и сестре? – поинтересовался Робин, заломив бровь.

Вылитый отец! Шерифа охватило сильное раздражение.

– Чтобы умереть легко и быстро. Вы все равно скажете, где их отыскать, – заметив ироничную улыбку, скользнувшую по губам Робина, его уверенный и спокойный взгляд, сэр Рейнолд с не меньшей уверенностью протянул: – Скажете, ваша светлость, непременно скажете! Никто не выдерживал долгого общения с моими заплечных дел мастерами. Вы не станете исключением, заверяю вас!

Устало прикрыв глаза, Робин из-под ресниц бросил на шерифа долгий задумчивый взгляд. Значит, сэр Рейнолд намерен сначала пытать его и только потом умертвить. Не то чтобы он боялся пыток. Робин был уверен, что стерпит любую боль, но не выдаст сестру и брата тому, кто повинен в смерти отца. Обученный медицине, он знал пределы выносливости тела и духа, чтобы не сомневаться в себе. И все же он так устал за последние два дня, что решил избежать новых испытаний, не поступившись при этом никем из тех, кого шериф желал заполучить в свои руки. Мысленно попросив у брата прощения, Робин сказал:

– Уильям – незаконнорожденный. Он не имеет права ни на имя, ни на герб, ни – тем более! – на титул и владения Рочестеров.

– Да, но в его жилах течет та же кровь, что и в ваших, а дух тверд и неукротим, как ваш собственный, граф Роберт. Поэтому, имеет он право или нет, мне нужен ваш брат, – усмехнулся сэр Рейнолд, внимательно глядя на Робина.

– Уильям поссорился с отцом до того, как тот отправился в Лондон. Он покинул Веардрун, сказав, что больше никогда не вернется. Я не знаю, куда он поехал и где нашел пристанище, – монотонным голосом ответил Робин.

Сэр Рейнолд склонил голову, раздумывая над тем, что сказал Робин, потом кивнул.

– Допустим, вы говорите правду. Где в таком случае ваша сестра, леди Эдит? Она-то без вашего ведома не могла покинуть Веардрун!

Робин не сразу понял, о какой леди Эдит его спрашивают. Эдит – таким именем сестру окрестили в церкви, но в Веардруне все ее называли иначе. Клэр, что по латыни означало «ясная». Сестра – белокурая, голубоглазая – и вправду походила на солнышко. Клэр, ласково – Клэрэнс. Домашнее имя так ей пристало, что все позабыли об имени, данном при крещении. Робин про себя улыбнулся, представив, как, встретив Клэрэнс, шериф не признает в ней ту, которую жаждет найти. А если признает?

– Вы не пощадите девочку, которой нет и семи лет?!

– Я отнюдь не чудовище, каким вы меня представляете, – рассмеялся сэр Рейнолд. – После вашей с братом смерти девочка станет единственной и бесспорной наследницей всего,

чем владеют Рочестеры, включая графский титул. Как у всякой королевской воспитанницы, у нее должен быть опекун.

– Вы! – догадался Робин и, отведя взгляд в сторону, ответил непреклонным тоном: – Узнав о гибели отца, я распорядился укрыть сестру в надежном месте.

– Где же, ваша светлость? – спросил сэр Рейнолд так ласково, словно разговаривал с ребенком.

– Те, кому я поручил сестру, не успели вернуться в Веардрун. Теперь они вообще вряд ли вернутся, узнав, что замок захвачен. Так что вы и я – мы одинаково не осведомлены о том, где сейчас пребывает моя сестра.

Сэр Рейнолд хотел похлопать его по плечу, но мгновенный взгляд Робина удержал шерифа от этого намерения.

– Лжете, граф Роберт, – вздохнул сэр Рейнолд, – хотя и весьма старательно. Вы знаете, где искать вашего брата и где укрыта ваша сестра. Хотите, скажу, почему я уверен в этом? Вы согласились отвечать на мои вопросы, словно были готовы открыть местопребывание и одного, и второй, только – вот беда! – сами оказались в неведении!

Отбросив отеческий тон, сэр Рейнолд крикнул Робину в лицо:

– Вы, Рочестеры, славитесь тем, что никогда и никого не предавали! А вы – вы-то, граф Роберт! – вдруг решили пооткровенничать со мной о сестре и брате, тем более зная, что ждет последнего. Думал обмануть меня, шенок? Решил обвести вокруг пальца?

– Куда мне! – презрительно рассмеялся Робин. – Вам удалось обмануть короля, несмотря на всю нашу добрую славу, о которой вы только что упомянули.

– Короля никто не обманывал – он сам хотел обмануться, что с успехом и сделал, – цинично ответил сэр Рейнолд и выжидательно посмотрел на Робина, но тот хранил молчание. – Не хочешь по-хорошему – будь по-твоему. Сейчас поздно, а завтра я побеседую с тобой в другой манере, и ты, дерзкий волчонок, будешь ползать у моих ног и умолять о пощаде!

В ответ Робин неожиданно расхохотался – весело, беззаботно, с абсолютной уверенностью в собственной стойкости и бесстрашии. Сэр Рейнолд едва не ударил его – наотмашь, так, чтобы снова сбить с ног и напустить на него ратников, которые вышибли бы дух из самоуверенного и дерзкого юнца. Но он сдержался и, не спуская с Робина глаз, отступил от него, взмахом руки подозвал ратников и приказал:

– Заприте его, не развязывайте, поставьте охрану. Тем, кто будет стоять в карауле, накажите не выполнять ни одной его просьбы, о чем бы он ни просил. Они не должны даже заходить к нему! Зная Рочестеров, уверен, что он и связанный представляет опасность.

Робин усмехнулся про себя: сэр Рейнолд, как и многие ему подобные, считал обаяние, присущее Рочестерам и влекущее к ним людские сердца, сродни колдовству и боялся, даже сейчас боялся пленника.

– Какой изысканный комплимент! – фыркнул он. – Жаль, не могу вам ответить такой же любезностью. Пока не могу, но когда-нибудь непременно отвечу!

– Рад бы ждать, да ожидание недолго продлится, – бросил сэр Рейнолд, почувствовав, что устал за час разговора с молодым Рочестером больше, чем за все время осады Веардруна.

Ратники вытолкали Робина из главной залы и потащили по галерее во двор. Робин заметил, что убитых успели разделить на тех, кто пришел с шерифом Ноттингемшира, и тех, кто служил Рочестерам. Он поискал среди последних наставника, но не нашел и не сдержал печального вздоха. Разве найдешь строгого, всегда ворчливого, а теперь навсегда умолкшего Эдрика в груде тел, сваленных возле стены? Вся оставшаяся в живых челядь Веардруна провожала молодого графа горестными взглядами и вздохами, полными сострадания. Один из юношей, работавший на конюшне, сжимая в руке топор, стал медленно, но решительно пробираться к ратникам, которые вели Робина. Заметив это, Робин остановился, вскинул голову и крикнул, оглушив всех властным громовым раскатом голоса:

– Не смей! Меня не спасешь, а сам погибнешь!

Конюх, не сводя с него взгляда, в котором читались бессилие и гнев, опустил топор и спрятал за спиной от глаз ратников, завертевших головами по сторонам. Не найдя того, кто пытался им угрожать, ратники привели Робина в амбар, где хранилось зерно. Они могли бы отвести его в подземелья, но, не зная Веардруна так, как знал его молодой граф и уцелевшие обитатели замка, преданные Рочестерам до последнего вздоха, ратники благоразумно решили, что к амбару никто не подберется, оставшись не замеченным для караула.

Когда его втолкнули внутрь и захлопнули дверь, Робин, утратив последние силы, опустился на мешки с зерном. В амбаре было темно: неяркий зимний свет просачивался сквозь щели в дверях, солнце садилось. Проведя языком по сухим потрескавшимся губам и проглотив царапавший горло комок, Робин уронил голову и закрыл глаза.

Сколько времени прошло с тех пор, как Веардрун узнал о гибели Альрика Рочестера, а Робин – о том, что лишился отца и стал новым графом Хантингтоном? День, ночь и еще половина дня. Но Робину казалось, что минула целая вечность с той минуты, когда примчался Рэйф – один из ратников, сопровождавших отца в поездке в Лондон. Его лошадь, с которой слетали клочья пены, повалилась на землю, едва ступив под арку первых ворот. Почувствовав неладное, ратники, стоявшие в карауле, бросились к товарищу, но тот на все вопросы твердил одно: он должен немедленно увидеть лорда Робина. Когда Робин, поспешив на зов, пришел к воротам, Рэйф упал перед ним на колени, воскликнув:

– Мой лорд! – он осекся и поправил себя: – Ваша светлость, граф Роберт!

Услышав титул, с которым обращались к отцу, Робин замер от недоброго предчувствия.

– Где мой отец?! – спросил он, слыша за спиной взволнованное дыхание Эдрика.

Весть о приезде Рэйфа застала их в зале для ратных тренировок, где Робин с наставником отрабатывали сложные приемы владения мечом.

Лицо Рэйфа исказила судорога. По знаку Робина он поднялся с колен и протянул ему седельную сумку. Среди пергаментных свитков Робин нащупал что-то тяжелое и холодное и, потянув, вытащил массивную золотую цепь с гербом Рочестеров – нагрудную цепь главы рода и графа Хантингтона.

– Ваш отец, граф Альрик, убит, – сказал Рэйф.

Ратники, слуги, мастеровые – все, кто собрался у ворот, ахнули. Рэйфу не поверили, забросали вопросами, и только Робин молчал, не сводя с него неподвижного взгляда.

– Кто? – только и сказал он, когда к нему вернулась способность говорить.

– На нас напали из засады, – торопливо говорил Рэйф. – Большая часть сразу полегла под шквалом стрел, но графа мы уберегли, заслоня собой. Потом из леса появились люди, вооруженные мечами, и набросились на тех, кто остался в живых. Битва была страшная, граф Роберт, но нападавших было много больше, чем нас. Против самого графа Альрика, когда его измотали пятеро, вышел человек в шлеме, скрывавшим лицо, и в доспехах, на которых не было герба. Пока они сражались, никто не посмел подступить к ним. Ваш отец... – Рэйф судорожно сглотнул слюну, – они буквально изрубили друг друга. Когда же оба повалились на землю, те, кто напал на нас, скрылись так же внезапно, как и появились. Граф Альрик был еще жив, когда я добрался до него. Он приказал мне не мешкая мчаться в Веардрун и предупредить вас об опасности, которая грозит и вам, и Веардруну. Он сказал, что тот, кто напал на нас, замыслил истребить и вас, ваша светлость. После этих слов он умер на моих руках.

– Граф Альрик умер, а ты остался жив?! – загрохотал негодующий голос Эдрика.

Отстранив Робина, Эдрик шагнул к Рэйфу и схватил его за плечо.

– Ты, конечно, позаботился о его погребении? – и, когда Рэйф молча опустил глаза, Эдрик пришел в еще большую ярость. – Трус! Ты допустил, чтобы твой лорд погиб, хотя должен был оберегать его! А потом оставил его на растерзание воронью и волкам? Как же ты осмелился после этого предстать перед графом Робертом?!

– Я выполнял приказ графа Альрика, – с трудом шевеля губами, ответил ратник, стремительно бледнея прямо на глазах. – А теперь, когда он исполнен, я...

Не договорив, он упал к ногам Эдрика. Робин бросился к его распростертому телу и, ножом вспоров сюрко, оттянул на груди кольчужную рубаху.

– О Бог ты мой! – воскликнул Эдрик, морщась от невольного сочувствия, – Напрасно я упрекал его!

Грудь и плечи Рэйфа были иссечены клинками, и только стремление исполнить приказ графа Альрика и преданность погибшему господину позволили ему добраться до Веардруна. Положив ладонь на грудь ратника, Робин не услышал биения сердца и медленно выпрямился. Все тут же смолкли, отдавая умершему последнюю дань уважения.

Потом бег времени ускорился до предела. Робин приказал поднять мост, всем перебраться из наружного двора во внутренний, закрыть и первые, и вторые ворота. В ушах стояло громкое испуганное мычание коров, которых пастухи поспешно сгоняли с лугов за крепостные стены. Было некогда горевать, некогда оплакивать утрату. Не мешкая он разослал гонцов к вассалам, требуя поспешить с оружием и дружинами на защиту Веардруна. Находившегося в замке гарнизона было достаточно, чтобы отбить нападение, если оно произойдет. Веардрус считался неприступным: построенный на скале, которая обрывалась в море, он мог подвергнуться штурму только со стороны ворот. Но лишние силы все равно не помешали бы.

Робин отдавал распоряжения, расставлял ратников и лучников на стенах, следил, чтобы под смоляными котлами разводили огонь, и его властный спокойный голос удерживал обитателей Веардруна от паники, в которую многие были готовы впасть, узнав о гибели графа Альрика. Все быстро привыкли обращаться к Робину с упоминанием графского титула, но сам он никак не мог поверить, что отец мертв. Ему страстно хотелось, чтобы все, что происходило в Веардруне, оказалось дурным наваждением, страшной ошибкой. А еще он отчаянно жаждал, чтобы рядом с ним в эти минуты был брат. Но путь до Локсли, куда уехал Вилл, занимал полтора дня, и Робин, дорожа каждым человеком в преддверии возможного штурма, не мог позволить себе роскошь послать за Виллом гонца.

Прошло несколько часов, и у стен Веардруна появились ратники. Они выстроились в ряды, за которыми трепетал на ветру стяг с гербом Ноттингемшира. Заметив этот герб, Робин начал догадываться, чьих рук дело смерть его отца, если граф Альрик все же убит, во что его сын никак не мог поверить.

Между графом Хантингтоном и шерифом Ноттингемшира давно зародилась глухая вражда. Не однажды граф Альрик требовал от сэра Рейнолда пересмотра решений, вынесенных шерифом не в пользу лордов, которые не отличались ни могуществом, ни знатностью и в большинстве своем принадлежали к саксонским родам. Согласно этим решениям земли лордов переходили к шерифу, а тот старался удержать их за собой либо передать тому, кто был ему верен. Только настойчивость, а иной раз и прямые угрозы графа Альрика заставляли сэра Рейнолда признавать допущенную несправедливость и возвращать имущество законным владельцам. Последние пару лет в Средних землях, заводя разговоры о справедливости, неизменно упоминали имя графа Хантингтона, а имя шерифа Ноттингемшира служило примером алчности и предвзятости. Сэр Рейнолд стал напоминать затравленную лису, которая забилась в нору и притаилась, не осмеливаясь высунуть нос.

И вот что-то изменилось, позволив сэру Рейнолду поквитаться с могущественным недругом. Но имя Рочестеров было известно всему королевству и далеко за его пределами. Рочестеры были крепко связаны родственными узами со многими знатными семьями как на острове, так и на континенте. Один из самых знатных, богатых, славных родов! Граф Альрик неизменно оставался в милости у короля Генриха, и Робин не мог понять оснований, на которых сэр Рейнолд – если это именно он замыслил убийство графа Альрика – рассчитывал остаться безнаказанным.

Отчасти дело прояснил сам сэр Рейнолд, явившись к воротам Веардруна парламентаром. Он потребовал от Робина незамедлительно сдать замок, а самому последовать за шерифом в Ноттингем. Робин в ответ осведомился, на чем основаны требования сэра Рейнолда.

– Воля короля Генриха! – напыщенно ответил тот.

Если он думал, что такой ответ произведет на Робина должное впечатление, то заблуждался. Ни на мгновение не утратив самообладания, Робин в свой черед потребовал предъявить королевский приказ о сдаче Веардруна шерифу Ноттингемшира. Его слова, сказанные властным и невозмутимым тоном, привели сэра Рейнолда в неистовство, и Робин решил, что шериф действует по собственному разумению. Оказывается, он ошибся, и воля короля все-таки существовала, пусть не запечатленная чернилами на пергаменте.

Сэр Рейнолд отступил от ворот ни с чем, и через час его ратники пошли на штурм Веардруна. Ни Робин, ни Эдрик, не отходивший ни на шаг от молодого графа, не восприняли попытку штурмовать Веардрун всерьез. Некоторые вассалы успели прибыть до подхода ноттингемских ратников, другие нет. Робин надеялся на помощь тех, кто отстал: можно было ударить в тыл ратникам шерифа, одновременно атаковав их из замка. Но больше никто не пришел. Были ли перехвачены гонцы или вассалы еще торопились к Веардруну, Робин не знал, но продолжал надеяться.

Ратники шерифа штурмовали Веардрун до глубокой ночи, и Робин не покидал стен, командуя защитниками замка. На атакующих обрушивались стрелы, лились потоки кипящей смолы, и они были вынуждены отступить, дав передышку и себе, и защитникам замка. Сам Робин потерял несколько человек и получил в плечо стрелу ноттингемского лучника.

– Ваша светлость, как вы можете так рисковать?! – взревел Эдрик, когда Робин отшатнулся от бойницы и схватился за пробитое плечо. – Почему вы без кольчуги?!

Подозвав к себе двух ратников, он толкнул к ним Робина и приказал безоговорочным тоном:

– Проследите, чтобы его светлость перевязали, а потом облачите в кольчугу до колен! Только так, граф Робин!

Догадавшись, что лучники сэра Рейнолда намеренно ищут в прицел молодого графа, Эдрик, когда Робин после перевязки и в полном ратном облачении вернулся на стены, старался предупредить каждое его появление возле бойниц.

Робин не питал ложных надежд на то, что сэр Рейнолд сдаст позиции и отступит от Веардруна. Однако то, что в полдень ратники шерифа пошли на новый приступ, его удивило и насторожило. Шериф был подлым и алчным, но никак не глупцом или невеждой в ратном деле. Сомнения Робина разрешились, когда он увидел со стены, как подъемный мост начал опускаться. Вопль возмущения вырвался у защитников Веардруна. Неотступно сопровождаемый Эдриком, Робин бросился вниз, к первым воротам.

Там вповалку лежали тела ратников с единорогом на гербе, а один из вассалов Рочестеров, сэр Эльфрид, под прикрытием собственных ратников открывал ворота осаждавшим. Не помня себя от ярости, Робин выхватил меч. Опередив его, Эдрик разогнал ратников, оттащил сэра Эльфрида от ворот и швырнул его под ноги Робину.

– Как ты посмел, предатель?! – задыхаясь от гнева, крикнул Робин.

Опущенный мост и наполовину открытые ворота, которые под командованием Эдрика безуспешно пытались закрыть, означали неизбежное падение Веардруна. Подтверждая мысли Робина, в ворота забились осадные орудия. Сэр Эльфрид, старше Робина втрое, стоял на коленях, но, прикрыв глаза от страха, нашел в себе силы крикнуть:

– Предатель не я! Это вы и ваш отец предали короля, а я не служу изменникам короны!

Робин изо всех сил опустил меч и косым ударом рассек грудь неверного вассала. Со стены над воротами опрокинулись новые чаны со смолой, обрушился поток стрел, обмотанных горячей паклей, но все это уже не могло остановить ратников, штурмовавших Веардрун. Теперь,

когда они смогли подобраться вплотную к стенам, потери защитников замка возросли: стрелы ноттингемских лучников косили ряды ратников Веардруна.

Наружные ворота не устояли, бой завязался между стенами и перешел во внутренний двор, когда пали вторые ворота. Робину казалось, что он заговорен от ударов мечей: с таким неистовством он громил ноттингемских ратников, почти не получая ответных ударов. Сейчас он понимал, что хранившим его божеством был Эдрик, который погиб, приняв на себя удар, предназначенный Робину.

Он опомнился, когда заметил, что остался один среди окруживших его врагов, но и тогда не опустил меч, не стал сдаваться, о чем ему кричали со всех сторон. Он помнил науку отца и Эдрика: гибель в бою предпочтительнее плена. Но Робин был нужен шерифу живым, и его сумели обезоружить и связать. Теперь-то он знал, для чего понадобился сэру Рейнолду.

Вилл пока в безопасности. О Локсли мало кто слышал, и, конечно, не сэр Рейнолд. Но только пока. А потом Вилл неизбежно узнает о гибели отца и бросится в Веардрун – в этом Робин не сомневался. И все же время оставалось. А вот как быть с сестрой? Перед последним штурмом Веардруна он отвел Клэр и ее подружку, дочь Эдрика, в тайные покои. Где находится дверь этих покоев и как она открывается, знали только отец, Эдрик, Вилл и сам Робин. Сколько девочки смогут пробыть взаперти, почти в полной темноте, не обезумев от страха, а потом – не умерев от голода и жажды? Их можно и нужно спасти, открыв шерифу их убежище, тем более что тот имел на Клэрэнс иные планы и не собирался убивать, как Робина или Вилла. Можно, но сердце Робина яростно протестовало против такого решения: это все равно что вручить беззащитных овечек голодному волку и верить, что они будут в безопасности.

Он потерял счет времени, то приходя в себя, то вновь погружаясь в тяжелое забытие. Раненое плечо ломило от боли, горло пылало огнем, требуя хотя бы глотка воды, и когда на губы внезапно упали прохладные капли, Робин подумал, что у него начался бред. С трудом открыв глаза, он увидел Гиту – молодую женщину лет двадцати, одну из служанок Веардруна. Опустившись возле Робина на колени, она с усилием приподняла его голову и приставила к губам кружку с водой.

– Как ты здесь очутилась?! – хрипло спросил Робин, жадно глотая воду и чувствуя, как вместе с живительной влагой возвращаются силы.

– Уговорила караульных пустить, – улыбнулась Гита и ласково провела ладонью по щеке Робина. – Снимать с вас веревки и перевязывать запретили, но напоить позволили.

– И как тебе удалось их уговорить? – настороженно спросил Робин. Заметив соломинки в растрепанных волосах Гиты и не затянутую на груди шнуровку платья, он догадался сам и шумно вздохнул: – Право же, Гита!

– Глупости, мой лорд! – ворчливо ответила она, вновь наливая воду из кувшина и поднося полную кружку Робину. – Тоже мне богатство! Зато к вам пустили. Но, скажу я вам, – по ее губам пробежала пренебрежительная усмешка, и Гита понизила голос до шепота, – пусть им удалось захватить Веардрун с помощью поганого сэра Эльфрида, а как мужчина никто из них не стоит и мизинца ни вашей светлости, ни лорда Уильяма!

Как ни тяжело было на душе у Робина, услышав признание Гиты, он расхохотался.

– Гита, ты что, умудрялась оказывать расположение и мне, и Виллу?!

– Да, мой лорд! – улыбнулась Гита, довольная, что ее граф вновь стал походить на самого себя искрящейся синью глаз и лукавой улыбкой, заигравшей в уголках рта. – Скажу больше: с тех пор как вы, а потом и лорд Уильям обратили на меня благосклонные взгляды, я думать забыла о прочих мужчинах в Веардруне. Вот только так и не успела решить, кто же из вас лучше!

– А различие есть? – фыркнул Робин, расплескав воду.

– Конечно, – подхватила Гита, лишь бы он продолжал улыбаться. – Оно уже в том, как вы приглашаете провести с вами ночь. Вы, например, обнимаете за стан, целуете в висок и

смотрите таким веселым и вопросительным взглядом, что вам невозможно отказать. А лорд Уильям идет мимо, вдруг останавливается и, не повернув головы, молча протягивает руку, ждет, пока я не вложу в нее свою, и лишь потом достаивает взглядом и ласково усмехается.

Робин окончательно развеселился и, подтянувшись на локтях, сел, привалившись спиной к сложенным мешкам.

– Лорд Робин, могу я хоть чем-то помочь вам? – совсем тихо спросила Гита, низко пригнувшись к нему. – Я все сделаю для вас. Скажите только словечко!

Попросить развязать ему руки? А что потом? Раненый и безоружный, он недалеко уйдет от амбара, а Гиту убьют. Открыть ей убежище сестры? Если не сумеет вывести девочку из замка, то хотя бы принесет еду и воду. Но ее могут выследить. Лучше всего отправить Гиту к Виллу, с предупреждением и близко не подходить к Веардруну. Но тогда придется сказать ей, где Вилл. А если ее подвергнут пыткам? В себе Робин был уверен, но только в себе. Все эти мысли вихрем пронесли в его голове, и он, улыбнувшись Гите, чуть слышно сказал:

– Ты уже помогла мне. Ни о чем большем я просить тебя не могу и не стану.

Она хотела возразить, но в это мгновение дверь амбара открылась и на пороге замаячил темный силуэт ноттингемского ратника.

– Хватит, женщина! Сколько он может пить? Идем, еще нашлись охотники повалить тебя на соломе.

Лицо Гиты приняло гневное и обреченное выражение, Робин скрипнул зубами, жалея Гиту и не зная, как ей помочь.

– Идем же! – настойчиво повторил ратник, помня приказ шерифа и не сходя с порога.

Робин тоже вспомнил о нем и, усмехнувшись, громко сказал:

– Остаься. Они не смогут забрать тебя отсюда, не нарушив приказ своего господина.

Гита с надеждой посмотрела на Робина и, заметив насмешливую уверенность в его глазах, осталась сидеть возле Робина. Но и ратник не оказался простаком.

– Приказы исполняются ровно так, как даются. Караульным сюда входить нельзя, а тем, кто сейчас не в карауле, кто запретит? Сэр Рейнолд спит. Так что выбирай, женщина. Моим товарищам все равно, где развлекаться с тобой: на сеновале или здесь, на глазах у твоего графа.

– Нет, такому позору не бывать! – решительно воскликнула Гита.

Она хотела поцеловать Робина на прощание, но посчитала свои губы оскверненными ноттингемскими ратниками и осенила Робина крестным знаменем.

– Я буду неустанно молиться за вас, мой лорд! – сказала она, поднимаясь с колен.

– Ночью ты едва ли найдешь время для благочестия и молитв, – хмыкнул ратник, крепко ухватив ее за руку и выводя из амбара. – А завтра днем хоть лоб разбей за упокой души своего графа.

Дверь закрылась, и Робин вновь остался один. Боль и усталость навалились на него с новой силой, потом к ним прибавилась и естественная потребность. Понимая, что иначе утром он опозорится перед шерифом, доставив тому удовольствие, Робин, стиснув зубы и приказав себе не обращать внимания на дергающую боль в простреленном плече, смог извернуться так, чтобы связанные в кистях руки оказались не за спиной, а спереди. Справив нужду, он уже не завалился на мешки, а сел прямо и принялся дергать зубами узел на веревках, которыми были скручены запястья. Медленно, но узел начал поддаваться. Однако Робину удалось только чуть-чуть ослабить веревки, как дверь распахнулась и в амбар хлынул поток утреннего света.

– Ты посмотри на него! – едва ли не с восхищением воскликнул сэр Рейнолд, бросив на пленника быстрый внимательный взгляд. – Почти сумел освободиться! Еще час, и я бы не дал ломаного пенни за всех, кто его сторожил! Вот это дух, вот это воля! Вы неукротимы, ваша светлость. Сожалею, что помешал вам, но пора вернуться к делам.

Он пропустил мимо себя ратников, которые рывком подняли Робина на ноги и вывели из амбара. Отвыкшие за ночь от света глаза на миг ослепли. Шериф тем временем огляделся по сторонам и указал на конюшню.

– Ведите его туда!

Когда они вошли в конюшню, шериф приказал стащить с Робина накидку ратника, кольчугу и рубашку под ней, и Робин остался только в штанах, заправленных в высокие сапоги. Исполняя приказ шерифа, ратники подтащили его к одному из столбов, подпиравших крышу, и привязали так, что он едва мог пошевелиться. Заметив на его плече повязку, сэр Рейнолд недовольно поморщился.

– Я же сказал: снять с него все до пояса!

Достав нож, он сам взрезал повязку и с силой рванул, содрав вместе с узкой полосой полотна корку засохшей крови. Робин не удержал короткого крика, но тут же опомнился и крепко стиснул зубы, пытаясь унять дыхание. На лбу бисером высыпал пот.

– Скверная рана! – протянул шериф. – Сейчас мы ее подлечим, а вы тем временем подумаете над моим вчерашним предложением. Раздуйте в горне угли и найдите мне какое-нибудь железо!

Стараниями ратников в переносном горне, который в конюшне использовали дляковки лошадей, заалели угли, в них сунули железные щипцы – ими коваль после подгонки доставал подкову, чтобы охладить в бочке с водой. Когда кончики щипцов накалились, сэр Рейнолд извлек их из горна и, помахав вначале перед лицом Робина, прижал раскаленный край к ране. По горлу Робина прокатился полурык-полустон, но от нового крика он удержался. Глядя в его резко побледневшее лицо, сэр Рейнолд уважительно хмыкнул.

– Поражен вашей выдержкой, граф Роберт! Но эта боль – пустяки в сравнении с той, что вас ждет, – отняв щипцы от плеча Робина, он отшвырнул их прочь и, глядя в его потемневшие глаза, отчетливо произнес: – Сестра и брат, граф Роберт! Где они?

Робин молчал. Глубоко вздохнув, шериф провел пальцем по его торсу от грудины до паха.

– Смотри, упрямец: здесь палач сделает надрез. Нож не заденет сердце, но прочие внутренности вывалятся наружу прямо на твоих глазах. Сизые, источающие пар и зловоние, – ведь все люди устроены одинаково. Ты можешь сказать мне, что даже вид твоих кишок не заставит тебя говорить. Но, как я знаю, ты причуды ради учился медицине, граф Роберт. Раз так, ты знаешь, что тебе предстоит испытать и сколько продлятся твои мучения. Ты все равно откроешь мне, где скрываются брат и сестра, только ради того чтобы палач перерезал тебе горло, избавив от страданий. Может быть, не станем прибегать к подобному допросу и ты сейчас все расскажешь мне?

Вопросительно выгнув бровь, сэр Рейнолд посмотрел на Робина, но тот лишь сильнее закусил губы.

– Вот ведь волчонок! – рассмеялся шериф. – Ну, как знаешь. Хотел пожалеть тебя, а ты сам нарываешься на мучительную смерть.

Повернувшись к ратникам, он указал им на пленника.

– Охраняйте его, а я пришлю палача. Вопросы, на которые граф Роберт должен ответить, вы слышали. Пока он не даст ответ, пусть палач хоть ремни режет из его кожи, но я должен узнать то, о чем спрашивал. Поняли?

Ратники ответили стройным гулом. Не удостоив Робина больше ни взглядом, ни словом, сэр Рейнолд покинул конюшню. Один из ратников подошел к Робину, проверил надежность веревок, которыми тот был прикручен к столбу, и, одобрительно кивнув, вернулся к товарищам. Ратники устроились у входа в конюшню, растрепав по полу несколько охапок сена и завалившись на него. Сложив рядом оружие и щиты, они пили вино, передавая флягу по кругу.

Вспоминая все, чем грозил шериф, Робин напряженно раздумывал, на сколько его хватит. Боль будет адская, но чем она сильнее, тем быстрее отключится сознание. Однако и тело

у него закаленное, приученное терпеть боль. Смог же он сражаться и крепко держать меч, и не один, а сразу два, не обращая внимания на рану в плече. Это потом она напомнила о себе, а в сражении он и думать о ней забыл. Вот когда в пору пожалеть о беспощадной к воспитанникам ратной науке Эдрика!

В дверном проеме показался человек, лицо которого было закрыто полотняным колпаком-маской по заведенному обычаю заплечных дел мастеров. Его руки бугрились мускулами, а голый торс был испещрен шрамами. Палач больше походил на ратника, да и на поясе у него был меч.

– Пьете вино, а горн почти затух?! – рыкнул он.

Услышав этот голос, Робин вздрогнул и бросил внимательный взгляд на палача. Слишком часто он слышал подобный рык, и не в последнюю очередь в свой адрес, когда, по разумению наставника, не проявлял должного усердия на тренировке. Палач тоже бросил быстрый взгляд в сторону Робина, и тот с трудом подавил радостный возглас, увидев в прорези маски знакомые суровые голубые глаза. Значит, Эдрик не погиб, как думал Робин.

Переодетый палачом Эдрик тем временем продолжал распекать ноттингемских ратников.

– Что развалились, как свиньи? Поднимайтесь, поможете мне!

Ратники ответили презрительными смешками: палачей не жаловал и не уважал никто.

– Мы за тебя твою работу делать не нанимались. Наша забота – передать лорду шерифу то, что скажет твой подопечный. А уж как ты добьешься от него нужных ответов – твое дело!

– На какие вопросы он должен ответить?

– Открыть, где укрываются его брат-бастард и сестра.

– Всего-то? – усмехнулся Эдрик и, выхватив меч, сделал несколько резких скользящих движений и убрал его обратно в ножны.

На полу осталась лежать груда окровавленных тел. Не мешкая Эдрик подскочил к Робину и ножом перерезал веревки. Робин попытался устоять на ногах, но стал оседать на пол. Эдрик подхватил его, и Робин улыбнулся:

– Ты жив! А я думал, что ты погиб!

– Со мной все в порядке, – ответил Эдрик, и его голос смягчился. – Держись, мой мальчик! Ты больше не один, я с тобой. Сейчас мы выберемся из замка, и шериф останется с носом.

– Клэр! – выдохнул Робин.

– Я о ней уже позаботился, – ответил Эдрик и одним мощным усилием вскинул Робина на плечо.

Робин хотел спросить, как Эдрик мыслит покинуть Веардрун, кишаций ратниками шерифа, но не успел, потеряв сознание.

****

Он пришел в себя, почувствовав на лице брызги воды и прикосновение к щекам маленьких теплых ладошек.

– Робин! Робин! – услышал он тонкий голосок, перемежавшийся всхлипыванием. – Ты умер?!

– Нет, леди Клэр, – раздался следом голос Эдрика, – ваш брат жив, но ему нелегко пришлось.

Робин открыл глаза и приподнялся на локте. Он обнаружил, что лежит на плаще, растеленном на земле, а вокруг высится густой лес. Судя по всему, он долго пребывал без сознания: леса начинались на довольно большом удалении от Веардруна. Клэрэнс с радостным визгом бросилась Робину на шею, но Эдрик успел перехватить девочку.

– Пусти меня! Как ты смеешь?! – возмутилась она, выбиваясь из рук Эдрика.

– Леди Клэр, – строго сказал Эдрик, – граф Робин ранен. Едва ли ему станет лучше, если вы невзначай заденете рану.

Вняв его словам, Клэрэнс притихла и села на траву рядом с Робинем. Не удержавшись, она завладела рукой брата и принялась гладить ее ладонями. Робин бросил взгляд по сторонам. Эдрик нашел его в Веардруне утром, а сейчас уже смеркалось.

– Да, милорд, – вздохнул Эдрик, заметив в глазах Робина удивление, – я уже начал беспокоиться за вас: вы долго не могли очнуться. Клятые псы шерифа Ноттингемшира, видно, старались, когда вас били!

Наградив сэра Рейнолда и его ратников еще несколькими бранными словами, Эдрик принялся неумело перевязывать Робину плечо.

– Вот зачем вы тогда сунулись к бойнице? Не воспалилась бы теперь! – бормотал он.

– Благодаря заботе сэра Рейнолда не воспалится, – усмехнулся Робин. – Оказывается, он мнит себя не только властителем Средних земель, но и лучшим врачом королевства.

– Вижу, вы приходите в себя! – ухмыльнулся Эдрик.

Робин с наслаждением вдохнул свежий лесной воздух и устало прикрыл глаза.

– Я уже оплакал тебя, мой добрый наставник! – тихо сказал он, положив ладонь на руку Эдрика.

– Значит, горевали от души, раз назвали добрым! – хмыкнул Эдрик, ответив дружеским пожатием, но не сдержал сердечного порыва и обнял Робина. – Ох, милорд, я и сам думал, что открою глаза в мире ином! Но нет! Ночью очнулся и с трудом сообразил, кто я и где нахожусь. Оказалось, меня бросили к убитым ратникам Веардруна. Я чуть не задохнулся, пока выбирался из-под груды тел! Но выбрался, а потом позаимствовал одежду и доспехи у одного из ратников шерифа Ноттингемшира, будь он проклят во веки веков, и отправился вас искать. Сначала искал в графском доме, едва не угодил прямо к шерифу, который занял покои вашего отца. Ох и разозлили же вы его, лорд Робин! Он метался по комнатам, как пес на цепи, и иначе как дерзким щенком, вас не называл!

Робин вспомнил разговор с шерифом в главной зале Веардруна и расхохотался. Эдрик, радуясь, что к Робину вернулось обычное расположение духа – легкое, веселое, чаровавшее всех, кто его знал, – потрепал его по здоровому плечу.

– Но когда я услышал, что он собирается сотворить с вами поутру, мне стало не по себе. К счастью, во дворе я наткнулся на эту потаскушку – Гиту, и она рассказала, где вас держат под замком.

– Не называй ее так, – отозвался Робин.

– А как мне ее называть?! – рассердился Эдрик. – Мало того что она переспала с добрым десятком ратников Веардруна за годы, что я ее знал, так ей и ноттингемские псы сгодились!

– Она сделала это только ради того, чтобы ее пустили напоить меня водой, – тихо ответил Робин.

– Вот как? – хмыкнул Эдрик и, помедлив, признал: – Тогда я погорячился. Вообще-то она сильно помогла мне потом. А ночью я сразу попытался пробраться в амбар, где вас заперли, но едва сам не угодил к вам в компанию.

Закончив перевязывать Робина, Эдрик принес ему одежду и, пока тот одевался, продолжил рассказ.

– Когда я понял, что из амбара мне вас не увести, то решил вначале заняться вашей сестрой и отправился в тайные покои, где ее оставили на время осады. Вовремя же я пришел! Леди Клэр заходила таким ревом, что ее платье промокло от слез!

– И ничуть я не плакала, – насупившись, встряла Клэрэнс. – Это Тиль ревела, а я ее обнимала и успокаивала, вот и промокла от ее слез!

Из-за груды сваленных на землю вьючных тюков показалась еще одна светловолосая голова и пара голубых глаз – таких же, как у Эдрика.

– Но это же неправда, леди Клэр! – прозвенел негодующий голосок. – Я ни разу не заплакала!

Эдрик властно повел ладонью в сторону дочери, и голосок немедленно смолк.

– Идите ко мне, обе! – улыбнулся Робин, застегивая пояс поверх куртки.

Клэрэнс и Тиль радостно бросились к нему с обеих сторон невзирая на суровые окрики Эдрика. Робин смеясь обнял девочек, которые тут же прильнули к нему, и ласково подергал за косички.

– Бедные мои! – выдохнул он, целую каждую в затылок. – Как же вы пробыли столько времени в одиночестве и ни разу не заплакали?

– Плакали – не то слово! – фыркнул Эдрик. – Когда я пришел за ними, то испугался, что они своим ревом перебудят всех ратников шерифа, будь он неладен! Я вынес их из Веардруна, укрыв в прибрежных скалах и велел сидеть тихо, пока я схожу за вами.

Робин подивился силе духа Эдрика, который после тяжкого боя и оглушившего его удара мечом провел на ногах бессонную ночь и едва ли спал хотя бы минуту днем, стараясь увезти детей графа Альрика и собственную дочь как можно дальше от Веардруна. Заметив в глазах Робина откровенное восхищение, Эдрик довольно улыбнулся в усы.

– Все было не так сложно, милорд. Гита подсыпала в бочки с вином сонный порошок. Потом я нашел Вульфгара, который сказал, что вас сволокли на конюшню, подслушал ваш разговор с сэром Рейнолдом и как он послал за палачом. Подстеречь палача и заставить его поделиться одеждой было делом нескольких минут. Остальное вы видели сами.

– А выбраться из Веардруна, да еще взяв с собой столько лошадей? – спросил Робин.

Эдрик глубоко вздохнул.

– Сэр Рейнолд допустил ошибку. Ему надо было запереть всех, кто уцелел при защите замка. Но он не опасался челяди, а зря. Слуги и служанки, конюхи, пастухи, пекари, мастеровые – все преданы вам до последнего вздоха. Они-то и помогли мне выбраться вместе с вами из Веардруна, да так, чтобы мы не терпели недостатка ни в лошадях, ни в припасах. Лишь бы помочь вам, граф Робин!

Эдрик принялся разводить костер. С наступлением сумерек ощутимо похолодало.

– Робин! – раздался полный тревоги голосок Клэрэнс, – почему сэр Эдрик называет тебя графом? Разве наш отец и вправду убит?

Робин заглянул в доверчивые, широко распахнутые глаза сестры, прижался лбом к ее лбу, обрамленному белокуроыми кудряшками, и ничего не ответил. Клэрэнс всхлипнула. Робин сжал ее хрупкие плечи и негромко сказал:

– Так или иначе, Клэр, родители однажды уходят. Ведь и матушка когда-то покинула нас, хотя мы очень любили ее!

– Матушку я не помню, – всхлипывая, возразила Клэрэнс. – А вот отец!..

Эдрик, поглядывая в сторону брата и сестры, тесно прильнувших друг к другу, тяжело вздохнул. Он сам страдал при мысли о гибели графа Альрика, которого любил, как родного брата. Но как бы ни было ему горько, Эдрик не мог не признать, что не ожидал от Робина такой силы духа, выдержки и самообладания, как в последние два дня. Отражение атак на Веардрун, плен, рана – молодой лорд держался с таким мужеством, которого едва ли возможно было ожидать от юноши в возрасте Робина. Граф Альрик мог бы гордиться своим наследником. Да он всегда и гордился им, как гордился воспитанником сам Эдрик.

– Давайте поужинаем! – как можно веселее предложил он. – У меня тут есть кое-что!

Он достал из вьюка небольшой сверток. Развернув льняную салфетку, Эдрик разложил на ней хлеб, холодное мясо, ломти мягкого сыра и сходил за водой к роднику, журчавшему неподалеку. Вино он решил беречь. Робин, не ощущавший голода, наконец-то вспомнил, что у него с прошлого утра не было во рту ни крошки. Клэрэнс поторопилась набить рот сыром. Тиль скромно потянула с салфетки ломтик копченого мяса. Бросив взгляд в сторону других седельных вьюков, Робин посмотрел на Эдрика и вопросительно надломил бровь.

– Деньги, фамильные драгоценности Рочестеров, документы – те, что привез с собой Рэйф, и те, что хранились в тайнике графа Альрика, – пояснил Эдрик. – Еще запас одежды, еды и оружие.

Робин не нашел что сказать в ответ. Эдрик и вправду провел очень деятельную и беспокойную ночь!

– Как ты думаешь, мы могли удержать Веардрун после того, как открылись первые ворота? – задумчиво спросил Робин, решая в уме тактическую задачу.

– Нет, – уверенно заявил Эдрик.

– Могли! – с усмешкой протянул Робин. – Но не удержали. Почему в какой-то момент с внутренней стены перестали стрелять и лить смолу?

– Перестали, когда ворота пали и бой завязался между наружной и внутренней стенами, – ответил Эдрик. – На чьи головы защитники второго кольца стен лили бы смолу и в кого бы стреляли? В соратников с первой стены, вступивших в сражение во внешнем дворе? В меня или в вас?

Взвесив в уме то, что сказал Эдрик, Робин прикусил губу и с досадой стукнул кулаком себя по колену.

– Я допустил ошибку.

– В чем она заключалась? – поинтересовался Эдрик, внимательно глядя на Робина.

– При первом же ударе осадных орудий в ворота следовало подать сигнал отступления защитникам наружной стены, – бесстрастно ответил Робин.

Эдрика не обманул его тон. Эдрик гордился первым военным опытом своего лорда и воспитанника, помня, как за немислимо короткое время тот наладил оборону Веардруна и поднял боевой дух защитников. Робин оценивал свои действия исключительно по результату: Веардрун пал, а значит, он потерпел поражение. Чтобы отвлечь его от подобных мыслей, Эдрик проворчал:

– Вы совершили две ошибки, милорд, но другие, не ту, в которой себя упрекнули. Во-первых, высунулись в бойницу и стали мишенью для лучника. Во-вторых, поддались гневу и бросились к воротам. Неужели без вас не сумели бы покарать предателя? Что до призыва к ратникам с наружной стены отступить за внутреннюю стену... Нет, милорд, тут я с вами не согласен. Вторую стену удерживать много труднее, чем первую!

– Сохранив большую часть гарнизона, мы бы ее удержали, – отозвался Робин, – вынудив сэра Рейнолда перейти от штурма стены к осаде.

– Чем это лучше?

– Ты прекрасно знаешь, что осада требует времени и припасов. Бросать людей на стены проще, чем поддерживать среди них дисциплину, когда они изнывают от безделья, томясь в ожидании.

– Ваша светлость, если шериф исполнял волю короля, то осада стала бы затяжной и продолжалась до тех пор, пока все, кто остался в Веардруне, не умерли бы от голода, – возразил Эдрик.

– И все же не думаю, что сэр Рейнолд продержался бы дольше нашего! А так я потерял и Веардрун, и всех ратников, кроме тебя, – прежним тоном ответил Робин, но Эдрик услышал в его голосе беспощадное осуждение себя самого.

Наклонившись к Робину, он накрыл ладонью его руку и проникновенно сказал:

– Мой лорд, вы сделали все, что могли. Вам не в чем себя упрекнуть. Как только стараниями предателя опустился мост и открылись первые ворота, Веардрун был обречен. Утешьтесь тем, что сотни мирных обитателей замка остались живы. Уверен, что и ратники погибли не все. Вот меня, к примеру, тоже приняли за мертвого, но я жив, и на мне не царапины! Не сомневаюсь, что многие не убиты, а ранены. Им помогут люди из челяди, спрячут и вылечат.

Вы еще соберете их под свой штандарт с белым единорогом на лазурном поле! Больше мне нечего добавить.

Встретившись с Эдриком взглядом и прочитав в его глазах непоколебимую веру в сказанное, Робин улыбнулся и благодарно сжал руку наставника.

– А где лорд Вилл? – вдруг осведомилась Тиль и повертела головой по сторонам, словно ожидала найти Вилла где-то поблизости.

– Не упоминай это имя! – разъярился Эдрик, но сдержал гнев и взял дочь на колени. – Чтобы я больше не слышал его из твоих уст! И вправду, где был лорд Уильям, когда мы защищали Веардрун?

– Но лорд Вилл ни о чем не знал! – резонно возразила Тиль. – Будь он рядом с графом Робинем, то и он защищал бы Веардрун.

– Но его не было рядом! – рыкнул Эдрик. – Он предпочел сбежать и остаться в стороне, что очень присуще лорду Виллу!

– Эдрик! – голос Робина прозвенел натянутой струной. – Ты говоришь о моем брате.

Эдрик шумно выдохнул и взял себя в руки.

– Простите, ваша светлость, – примирительно пробурчал он. – Но когда я вспоминаю, в каком тоне он разговаривал с графом Альриком!..

– А я люблю лорда Вилла! – заявила Тиль, поблескивая голубыми глазами.

Эдрик негодуя фыркнул, но поймал быстрый взгляд Робина и промолчал.

– Я знаю, малышка Тиль, – ласково сказал Робин. – Отец даже подумывал, не обручить ли вас.

– Правда?! – глаза Тиль вспыхнули безудержной радостью. – И что же решил граф Альрик?

Робин хотел сказать, что отец говорил об обручении Вилла и Тиль в шутку, заметив откровенное обожание Вилла дочерью Эдрика. Ну о какой помолвке граф Альрик думал бы всерьез, если Вилл старше Тиль почти на тринадцать лет? Но глядя в широко распахнутые, полные восторженного ожидания глаза девочки, Робин понял, что подобный ответ уязвит маленькую Тиль в самое сердце. Пожалев ее чувства, он предпочел отговориться.

– Ничего не решил, Тиль. Ведь чтобы решать, наш с Виллом отец должен был поговорить с твоим отцом.

– Граф Альрик не успел поговорить с моим отцом! – огорчилась Тиль, сделав из слов Робина собственный, более благоприятный для себя вывод.

Эдрик счел нужным вмешаться, чтобы мечтания не унесли Тиль невесть куда, и заявил:

– Вы – новый граф Хантингтон, а отец Тиль перед вами. Так вот: никогда, ни при каких условиях я не соглашусь на это обручение. Я знаю, лорд Робин, вы любите брата, хотя он не стоит вашей любви. Пусть так думаю я один...

– Нет! – раздался в ответ гордый голос Клэрэнс. – Ты не одинок, сэр Эдрик. Я тоже не люблю Вилла. И если мой голос имеет для тебя значение, брат, прими его во внимание. От Вилла всегда были одни беды и неприятности. Я помню, как отец, когда Вилл покинул Веардрун, заперся в своих покоях почти на два дня. Он даже меня не пускал к себе!

Не сводя глаз с Робина, Клэрэнс с размаху шлепнула ладонью по широкой ладони Эдрика, которую он поднял ей навстречу. Взгляды брата и сестры скрестились, и Эдрик решил положить конец этому безмолвному поединку. Он устроил постель из густого лапника и отнес на нее обеих девочек. Не успели они укутаться в плащ, один на двоих, как уснули крепким сном. Вернувшись к костру, Эдрик достал флягу и подал Робину. Тот отпил из нее и поперхнулся: это было не вино, а обжигающая горло можжевелевая водка, которую Робину до сих пор не доводилось пробовать. Забрав флягу, Эдрик сделал несколько глотков и с довольным вздохом вытянулся поверх плаща, застилавшего лапник.

– До рассвета отдохнем, а утром тронемся в путь, – сказал он.

Ладонь Робина мягко, но настойчиво легла ему на плечо.

– Рэйф говорил, что отец погиб на дороге неподалеку от Рэтфорда, – тихо сказал Робин. – Я хочу достойно похоронить отца.

– Для этого я отправил туда Вульфгара. Он толковый малый, справится, – ответил Эдрик и, заметив, что Робин хочет возразить, непреклонным тоном сказал: – Ложитесь спать, лорд Робин, и постарайтесь уснуть. А то мне и завтра придется везти вас бесчувственным в седле. Невеселое занятие, замечу я вам!

Не вступая в спор, Робин перебрался на постель, приготовленную вездесущим Эдриком. Повалившись на пахучий лапник и укрывшись плащом с головой, он думал, что сразу уснет, но целительный сон все не шел и не шел. Сбоку сладко посапывали Клэрэнс и Тиль, Эдрик, прислонившись спиной к дереву, дремал вполглаза, не выпуская из рук обнаженный меч, и только Робин не смог уснуть. В какой-то момент он перестал противиться бессоннице, откинул с лица полу плаща и посмотрел на небо, ярко усыпанное звездами.

Теперь, когда угроза гибели отступила, а будущее представлялось неясным, сердце Робина исполнилось нестерпимо острой болью, едва он подумал об отце. В Веардруне ему было некогда предаваться горю: на молодого графа смотрели вассалы, ратники и слуги. Хотел он того или нет, но был обязан держаться. Сейчас же...

Робин вспоминал отца. Вспоминал таким, каким тот был, покидая Веардрун перед поездкой в Лондон. Граф Альрик подхватил Клэрэнс в объятия, подкинул ее так, что девочка завизжала от восторга, потом обернулся к нему. Сейчас Робин горячо жалел о том, что из юношеской гордости слишком быстро высвободился из объятий отца. Граф Альрик его не удерживал, помня себя в таком же возрасте, рассмеялся и потрепал сына по плечу.

– Будь молодцом! Веардрун остается на тебе. И береги Клэр. Я надеюсь вернуться до февраля, если на то будет соизволение короля Генриха. Эдрика я оставляю с тобой, – взяв поводья подведенного к нему коня, отец вполголоса добавил: – Постарайся уговорить Вилла вернуться, убеди его в том, что он такой же сын мне, как и ты. Черт бы побрал Эдрика! – в сердцах воскликнул граф Альрик, бросив недобрый взгляд на командира своих ратников и наставника обоих сыновей.

Сколько себя помнил Робин, отец был его кумиром. Он гордился тем, что само имя отца производило на всех волшебное действие. Все, кто знал графа Альрика, проникались достоинством, которое было изначально ему присуще. И вот отца больше нет.

Эдрик проснулся от звука приглушенных рыданий. Вскинув голову, он прежде всего бросил взгляд на Клэрэнс, но девочка сладко спала, обнявшись с Тиль. Тогда Эдрик поднялся и медленно подошел к Робину, закутавшемуся в плащ с головой. Опустившись рядом, Эдрик так ласково, как только умел, погладил его по вздрагивающим плечам. Почувствовав прикосновение наставника, Робин немедленно стих.

– Ничего, сынок, не стыдись! – сказал Эдрик, не снимая руки с его плеча. – Так тебе станет легче.

Робин рывком отбросил плащ с лица и перевернулся на спину, устремив невидящие, блестящие влагой глаза в звездное небо. Вполголоса, чтобы не потревожить сон девочек, он пересказал Эдрику разговор с шерифом Ноттингемшира. Эдрик долго молчал, обдумывая то, что услышал.

– Меня и Клэр станут искать, – тихо сказал Робин, думая вслух.

– Даже не сомневайтесь в этом! – угрюмо подтвердил Эдрик.

– И Вилла тоже.

– Вилл! – пренебрежительно фыркнул Эдрик, но, поймав предостерегающий взгляд Робина, заговорил абсолютно серьезно: – Да, ему, как и вам, грозит опасность, но о нем вспомнят только тогда, когда доберутся до вас, лорд Робин. Пока вы живы, лорд Вилл ни для кого

не представляет угрозы. Вам не стоит так сильно беспокоиться о брате. Кто знает о маленьком селении среди лесов? Уж точно не сэр Рейнолд!

– Я поеду в Лондон, к королю, – не слушая Эдрика, продолжал Робин. – Я сделаю все, чтобы убедить Генриха, что и мой отец, и я, и мой брат пали жертвой гнусной клеветы.

– Нет, милорд! – неожиданно твердо перебил его Эдрик. – Вначале вам надо повидаться с кем-то из знатной родни, той, что вхожа в королевские покои. И вот тогда, узнав обо всем, вы и примете решение. До тех пор вам не следует торопиться в Лондон. Ну-ка, глотните и постарайтесь уснуть!

Эдрик вновь подал Робину флягу с можжевелевой водкой, и на этот раз крепкий напиток оказал на Робина то воздействие, которого Эдрик добивался...

На рассвете они позавтракали, не разводя костра. Эдрик оседлал лошадей и погрузил сумки на вьючную лошадь. Он подал сонную Клэрэнс Робину, усадил в свое седло не менее сонную дочь и засыпал костровище щедрыми горстями земли, после чего разбросал по опушке едкий перец, чтобы сбить со следа собак. Вскочив на коня, Эдрик сделал знак Робину, и всадники растворились в плотном белесом тумане зимнего утра.

Глава третья

Вернувшись с площади, Вилл, не медля ни секунды, вывел из конюшни жеребца и оседлал его. Потом стремительным шагом вошел в дом и, не отвечая на вопросы Элизабет, – мать оставалась в спальне, поднялся по лестнице в свою комнату. Спустился он облаченный в дорожный наряд, с мечом, убранным в ножны, с колчаном, полным стрел, и с луком в руке. Убирая лук в колчан, Вилл зашел в спальню матери.

Барбара лежала на кровати, отвернувшись лицом к стене, ее плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Дотронувшись до ее руки, Вилл негромко сказал:

– Матушка, я уезжаю.

Немедленно забыв о своем горе, Барбара повернулась к сыну и впилась взглядом в мрачное, полное решимости лицо Вилла.

– Нет, Вилл! – задыхаясь, прошептала она. – Я просила тебя уехать, но теперь заклинаю: останься!

– Я не имею права, – жестко ответил Вилл. – Весть о гибели отца всеми толкуется однозначно. Но таких же сведений о гибели Робина нет. Я должен сам все узнать. Если Робину удалось спастись, я обязан помочь ему и ради него самого, и перед памятью отца. Это мой долг, мама. А еще есть Клэр. Что с ней – вообще покрыто туманом!

Барбара вскочила на колени и вцепилась в руки Вилла, силясь удержать сына.

– Мальчик мой, Вилл! Если то, что произошло, означает полное истребление Рочестеров, тебе грозит опасность! Останься, прошу тебя! Здесь тебя никто не отыщет!

– Меня никто не станет искать, – хмуро усмехнулся Вилл. – Бастард, кому я нужен?

– Ты ошибаешься! Бастард или законный сын, ты все равно Рочестер, а значит, будут искать и тебя!

– Меня не просто поймать, – ответил Вилл, мягко высвобождаясь из рук матери. – Лиззи побудет с тобой, пока я не вернусь или не дам знать о себе. Приглядишь за матушкой, Лиз?

Элизабет с готовностью кивнула.

– Не сомневайся во мне, Вилл! Делай, что считаешь должным. Только будь осторожен и береги себя!

Вилл, усмехнувшись, поцеловал мать в лоб, Элизабет – в губы и почти бегом вышел из дома.

– Вилл! – донеслось до него уже за порогом и, оглянувшись, он увидел тоненькую фигурку Элизабет, маячившую в дверном проеме.

Сейчас он услышал в собственном имени не только просьбу беречь себя, но и твердое нежелание жить без него. Последнее Виллу не понравилось. Он вернулся обратно, сжал в ладонях виски Элизабет и клятвенно пообещал:

– Мы обязательно увидимся! Со мной все обойдется. Только сбереги мою мать, будь с ней рядом!

Элизабет закивала, а Вилл направился к лошади, но на полпути вспомнил о земных материях и обернулся к девушке.

– Скажи родителям, что я щедро заплачу тебе, когда вернусь, за то, что ты присматривала за моей матерью.

– Вилл! – вновь вырвалось из самой глубины ее души, и в звуке своего имени он явственно услышал упрек, но не было времени разбираться, что хотела сказать Элизабет.

Поэтому он на миг задержался, подождал, пока она подбежит к нему и, крепко сжав ее руки, спросил:

– Ты моя, Лиз?

Не найдя слов для ответа, Элизабет кивнула, не сводя с Вилла глаз.

– Тогда верь в меня, помогай силой своего духа, и мне будет сопутствовать удача, со мной не случится никакой беды! – выдохнул Вилл, на краткое мгновение прижал ее руки к губам и вскочил на коня.

Элизабет распахнула ворота, и Вилл погнал жеребца галопом по сельской улице, потом по дороге. Элизабет провожала его взглядом, пока Вилл не скрылся из виду, и творила руками знаки, ограждающие в пути от бед, отводящие напасти. Этим знакам она выучилась у подруги Эллен. Зачем – она и сама не знала, но сейчас сердцем чувствовала, что наука пригодилась.

Вилл сделал остановку на первом встретившемся на дороге постоялом дворе. Не ради того чтобы дать лошади отдохнуть: жеребец застоялся за две недели и теперь с буйной радостью глотал милю за милей резвым галопом. Вилл хотел послушать, что говорят люди. Приняв от хозяина кружку эля, он сел за стол и, прихлебывая мелкими глотками эль, внимательно прислушивался к разговорам, стараясь не упустить ни слова. А разговоры, как он и ожидал, велись об одном: о гибели графа Альрика и разгроме всего рода Рочестеров.

– Теперь у сэра Рейнолда руки развязаны! Раньше граф Хантингтон мог вмешаться и окоротить шерифа Ноттингемшира, а нынче мы все в любой момент можем лишиться земли и дома. И что нам останется? Помирать с голоду или распрощаться со свободой и стать вилланами?

– Граф Альрик погиб, но ему наследовал сын – граф Роберт. Говорят, он весь в отца и такой же справедливый, каким был граф Альрик!

– А что, разве графу Роберту удалось спастись? Ведь резиденцию Рочестеров взяли штурмом.

Услышав имя брата, Вилл весь обратился в слух.

– Говорят, молодой граф погиб, защищая Веардрун. Его зарубили мечами, а тело сбросили со стены.

– Вот как? А я слышал другое! Будто бы ратникам шерифа удалось пленить его и сэр Рейнолд сам перерезал графу Роберту горло.

– Что так, что этак! Сначала убили отца, потом сына. Давайте выпьем в память о них!

Вилл сжал кулаки и стиснул зубы до скрежета. Не может быть! Он еще не смирился и с потерей отца, в душе надеясь, что глашатаи шерифа выдали желаемое за действительное. Но в смерть брата он попросту не мог поверить. Младший брат, всегда излучавший свет, такой жизнелюбивый, веселый, – невозможно было представить Робина мертвым. Вилл как наяву увидел озорной блеск его темно-синих глаз, улыбку, мгновенно появлявшуюся и исчезающую в уголках подвижного рта, услышал его заразительный смех, голос. Нет, Робин не мог умереть! Ученик Эдрика, Вилл знал: брата нельзя одолеть в бою на мечах, тем более обезоружить, даже если Робин сражался один против нескольких противников. А вдруг это «несколько» означало десятки?

Вилл одним глотком допил эль и поднялся из-за стола. Он не верил в смерть Робина, а кроме того, оставалась сестра, о которой следует позаботиться. Он услышал все, что хотел, пора продолжить путь.

Пока он молча сидел за столом, на него никто не обратил внимания: новостей не рассказывает, в разговор не вступает, пьет себе эль и пьет. Но едва Вилл, подхватив через руку полу длинного плаща, стремительно пошел к двери, как голоса невольно умолкли, а глаза так и впилась ему в спину. Фамильная стать и черты лица с головой выдавали в нем Рочестера. Графа Альрика многим доводилось видеть собственными глазами, и в Вилле узнали одного из сыновей графа, догадались, который это из двух.

Удивившись, что вдруг стало тихо, Вилл на миг обернулся, скользнул по людям быстрым взглядом никого не видящих глаз и вышел за порог, захлопнув за собой дверь.

– Это же... – ошеломленно выдохнул один из посетителей постоянного двора, но ему не дали договорить, оборвав на полуслове.

– Молчи, если не хочешь беды и лорду Уильяму!

К следующей придорожной гостинице Вилл подъехал уже в глубокой темноте. Он был готов ехать и дальше: ночь не казалась ему помехой. Но жеребец устал и шумно вздыхал, настоятельно требуя отдыха. Обирав коня и проследив, чтобы его кормушка была полна размоленного зерна, Вилл, не задерживаясь в общей трапезной, спросил себе комнату для ночлега и, получив просимое, бросился на кровать, сняв с себя только плащ. Сон не шел. Закинув руки за голову, Вилл смотрел в потолок и напряженно думал: что же могло случиться? Кто и зачем поднял руку на отца? Как мог пасть Веардрун, который нельзя захватить, словно обычный замок? Почему шериф Ноттингемшира вообще осмелился штурмовать резиденцию Рочестеров? Услышанные новости, разговоры, обрывки фраз, недомолвки выстраивались в голове Вилла в ряд, который приводил к единственному выводу. Мать права: это истребление всего рода Рочестеров. Тщательно продуманное, очевидно, замышленное задолго до того, как удар был нанесен. Поразительная наглость действий сэра Рейнолда могла быть оправдана только одним: за шерифом Ноттингемшира угадывалась тень самого короля. Но чем отец мог разгневать короля Генриха, Вилл понять не мог, как ни пытался.

Он впервые пожалел, что, поссорившись с отцом, лишил себя возможности стать признанным сыном графа Альрика, получить равные с Робинем права на имя и герб Рочестеров, а с ними и посвящение в рыцарское звание. Пожалел не из гордости, а потому, что теперь ему будет труднее заместить брата, если Робин погиб. Но заступить на место Робина и заявить о правах на все, что принадлежит Рочестерам, включая титул графа Хантингтона, придется. Вилл, как бы его в том ни подозревали многие, кроме отца и брата, никогда не хотел оказаться наследником графа Альрика. Наблюдая за отцом все годы, что он провел рядом с ним, Вилл уяснил, какая это тяжесть – графский венец! Не жизнь, а непрерывное служение, сопряженное с постоянной заботой о тех, над кем имеешь власть. Виллу не то чтобы графский титул был не по силам, он попросту не желал его, как лошадь не желает чрезмерно тяжелой ноши. Но теперь желания Вилла не имели значения. Это его долг перед отцом и братом – не дать Рочестерам впасть в забвение и лишить врагов права торжествовать. Если бы Робин все-таки был жив!

Заставив себя не думать об отце и помнить только о Робине и Клэрэнс, Вилл забылся сном, но открыл глаза с первыми лучами солнца. Быстро покончив с умыванием, бритьем и прочими утренними надобностями, он спустился в трапезную. Из-за тревоги он не чувствовал голода, но понимал, что должен поесть, если не хочет свалиться с ног. Попросив на завтрак пшеничную кашу и кружку молока, он сел за стол. В трапезной было уже довольно много людей. Они ели, пили сидр и эль и разговаривали. Все разговоры сводились к тому, что Вилл уже слышал накануне днем. Но вдруг до него донеслось нечто новое.

– Вот все твердят: молодой граф тоже убит. Но послушайте, что я вам скажу! Вчера вечером в Мэнсфилд приезжал посыльный шерифа и объявил о награде, которая назначена за поимку юноши семнадцати лет. И как же описали этого юношу? Ростом высок, сложения статного, волосы темные, глаза синие. Я не однажды видел молодого Рочестера и первым делом подумал о нем. Да и награда слишком высока, если бы шериф разыскивал простого бродягу!

Забыв о еде, Вилл слушал, боясь пропустить хотя бы слово.

– Не может быть?! – пролетел по трапезной общий радостный вздох. – Выходит, граф Роберт жив?!

– Выходит так. Но слуги шерифа ищут его только что не с собаками, и если найдут!..

Дальнейшее обсуждение участи Робина, попади он в руки шерифа, Вилл слушать не стал. Задохнувшись от волнения, он резко отдернул ворот куртки. Значит, Робин жив, но его ищут, и ему грозит смертельная опасность.

На плечо вдруг легла чья-то ладонь, и пальцы Вилла немедленно сцепились вокруг рукояти меча.

– Лорд Уильям! – раздался шепот над его ухом. – Это я, Вульфгар!

Вилл поднял глаза и увидел молодого конюха из Веардруна. Тот бросил настороженный взгляд по сторонам, и Вилл, поняв его без слов, поднялся из-за стола и увлек Вульфгара вверх по лестнице, в комнату, где ночевал. Накрепко заперев дверь, Вилл обернулся к конюху.

– Что с моим братом?! – спросил он. – Лорд Робин жив?!

– Граф жив! Я сам вместе с сэром Эдриком помог и ему, и леди Клэр выбраться из Веардруна, – поспешил сказать Вульфгар, и сердце Вилла исполнилось одновременно и радостью, и горечью, когда он услышал, как конюх назвал брата титулом, который раньше принадлежал отцу.

Они сели бок о бок на кровать, и Вульфгар шепотом поведал Виллу в подробностях о штурме и падении Веардруна, о том, как Робина захватили в плен и как удалось освободить его из рук шерифа Ноттингемшира.

– Учтите, лорд Уильям, шериф ищет и вас, – предупредил Вульфгар. – Он так и сказал графу: чтобы леди Клэр, то есть леди Эдит, стала полноправной наследницей, и граф и вы должны умереть.

– Куда они направились, выбравшись из Веардруна? – быстро спросил Вилл, пропустив предупреждение Вульфгара мимо ушей.

Сейчас собственная жизнь заботила его ровно настолько, насколько была нужна, чтобы найти Робина и помочь ему.

Вульфгар не смог ответить на вопрос Вилла, обескураженно пожав плечами. Вилл усмехнулся: он понял, что Эдрик осторожности ради не выдал бы путь, по которому увез Робина, даже на исповеди, не то что доверил конюху, пусть тот и доказал свою преданность Рочестерам. Но где же искать брата?

Заметив на лице Вилла выражение глубокой досады, Вульфгар неуклюже попытался утешить его и простодушно сказал:

– Граф Роберт очень сожалел, что вас не было рядом с ним в Веардруне, а потом, наоборот, порадовался вашему отсутствию.

Слова Вульфгара словно огнем обожгли Вилла. Он был нужен Робину, когда тот один встретил натиск врага и отбил бы его, если бы не предательство сэра Эльфрида. А потом Робин радовался, что один примет смерть, но брата не выдаст! Вилл твердо решил отправиться к Веардруну и начать поиски следов Робина, по которым найдет и его самого. Но сначала он хотел пусть в малости, но искупить вину перед отцом.

– Куда вы направитесь, лорд Уильям? – спросил Вульфгар.

– Я хочу похоронить отца, – ответил Вилл.

При упоминании о графе Альрике голос Вилла невольно дрогнул. Вульфгар сжал его руку в корявой ладони и откликнулся голосом, полным скорби:

– Значит, нам по пути. Сэр Эдрик приказал мне сделать то же самое.

Они покинули гостиницу. Вилл, хорошо знавший эти места, решил избегать проезжих дорог, а заодно спрямить путь, поэтому они отправились через лес и к двум часам пополудни были на дороге неподалеку от Рэтфорда.

Место гибели графа Альрика и его ратников было легко отыскать по черной туче воронья, поднявшейся в воздух, едва Вилл и Вульфгар подъехали ближе к повороту дороги, на котором разыгралось сражение. Вилл спрыгнул с коня и, ведя его в поводу, пошел к телам, распростертым на обочине.

Прошло четыре дня, и хотя волки не вышли из леса и не тронули погибших, но и без волков птицы постарались на славу. Вилл краем глаза заметил, как Вульфгара чуть не вывернуло наизнанку при виде расклеванных до неузнаваемости лиц и тел, растерзанных клювами и ког-

тями воронов там, где зияли раны. Но до одного тела вороны не сумели добраться. Оно было целиком закрыто тяжелыми щитами, которые птицы не смогли ни опрокинуть, ни сдвинуть с места. Из-под щитов виднелись края плаща, придавленные к земле камнями. Вилл понял, кого укрывают плащ и щиты. Рэйф, прежде чем помчаться в Веардрун, сделал все, чтобы тело графа Альрика сохранилось в неприкосновенности от воронов и волков.

– И ни одной лошади! – с горечью усмехнулся Вилл. – Даже одежду с погибших сняли, но похоронить не потрудились! Что за люди? Как к ним относиться после такого?

Граф Альрик внушал сыновьям любовь и уважение к людям, будь те знатного или простого звания. Но сейчас Вилл не находил в своем сердце ни любви, ни уважения. Удивительно, что мародеры – иначе он их не мог назвать – не осмелились и близко подойти к телу графа.

– Ох, лорд Уильям, нелегкая же задача нам предстоит! – вздохнул Вульфгар, приходя в себя и стараясь не смотреть на расклеванные трупы. – Мы не подумали запастись лошадьми и повозками, да и лопаты бы не помешали! Хотя земля еще мерзлая – мы и с лопатами бы до ночи не управились!

– Здесь копать могилы нельзя, – задумчиво сказал Вилл, посмотрев по сторонам. – Это не кладбище, а обочина проезжей дороги. Могилы разорят на следующей же день ничем не брезгующие охотники до наживы.

– Но мы можем отвезти тела к какой-нибудь церкви и оставить их там. Давайте отправимся в ближайшее селение, и я попрошу лошадей и повозки. Вам-то сейчас на людях лучше не показываться, чтобы вас не узнали!

Вилл невесело улыбнулся. Незадолго до того, как он покинул Веардрун и они с отцом еще не поссорились, граф Альрик пошутил, что зажился спокойной жизнью. Пожалуй, он даже обустроит семейную усыпальницу, сказал он, тем самым положив конец сложившейся у Рочестеров традиции встречать последний час где угодно, только не в своей постели. Но рок, тяготевавший над их родом, не миновал и графа Альрика. У них так и не будет усыпальницы, достойной знатной семьи.

Поиски повозок, лошадей, церкви, на ступенях которой Вульфгар предлагал оставить тела, – на все это ушел бы не только остаток дня, но и следующий день. Вилл не считал себя вправе терять столько времени, да и не хотел оставлять тело отца пусть возле церкви, но все равно без погребения. Откуда он знает, как о графе Альрике позаботится приходской священник, да и позаботится ли вообще? Не зароет ли всех в общей яме?

Он давно заметил неподалеку делянку, где заготавливали дрова. На ней не было ни души: на этот день выпал церковный праздник. Вилл вспомнил о древней воинской традиции хоронить погибших товарищей по оружию и решил ей последовать. Тем более что отец сам рассказывал о ней Робину и ему, Виллу.

– Тебе не надо ехать в незнакомое селение, – сказал он и указал подбородком на делянку. – Смотри: там есть бревна, дрова, хворост, а больше нам ничего не нужно. Только огонь.

– Как-то это не по-христиански, лорд Уильям, – попытался возразить Вульфгар. – Точно мы хороним язычников!

– Мы хороним воинов, Вульфгар, – тихо ответил Вилл, – и сделаем это так, как делалось испокон веков.

Бросив взгляд на неподвижно застывшее, полное скорби лицо Вилла, Вульфгар не стал спорить. На самом деле и он не забыл старых обрядов. Они расседлали лошадей и с их помощью перетасили все бревна на опушку в четверти мили от дороги. Из бревен соорудили уступами постамент, перенесли с дороги тела и положили на уступы. Промежутки между бревнами заполнили дровами и обнесли постамент вязанками хвороста. Лишь когда погребальный костер был готов и оставалось только поджечь его, они вернулись за графом Альриком.

Вдвоем они отложили в сторону щиты, Вилл, опустившись на колени, отбросил камни и откинул край плаща, которым было укрыто тело отца. Щиты спасли его от птиц, мороз – от тления, и граф Альрик выглядел так, словно спал. Он и вправду спал, только его сон никогда не закончится. За спиной Вилла раздался горестный вздох Вульфгара, но Вилл ничего не слышал и не видел.

Его глаза не отрывались от лица графа Альрика. Оно было умиротворенным и исполненным странной светлой печали. Такие же темные, как у сыновей, не тронутые сединой кудри рассыпались по земле и примерзли к ней. Подводя ладонь под каждую прядку, Вилл бережно освободил волосы отца ото льда. Он совсем сбросил с графа Альрика плащ, и увидел, что его тело сплошь покрыто запекшимися ранами, нанесенными мечами. Вилл скрипнул зубами от гнева на тех, кто это сделал. Рука графа Альрика продолжала сжимать рукоять меча. Вилл осторожно разогнул окаменевшие пальцы и забрал меч.

Знаменитый Элбион! Меч, доставшийся графу Альрику от его отца и деда Вилла – графа Уильяма. Вилл знал, что по крепости стали Элбион не знает себе равных. Отец всегда предпочитал его любому другому мечу. Вилл не раз слышал рассказ о том, что этот длинный тяжелый меч был выкован самим Веландом, легендарным богом-кузнецом, и потому он вовек не будет знать поражений. В последнем Вилл сейчас усомнился: магическая сила, если Элбион обладал таковой, не защитила отца. Но в то, что Элбион не знает себе равных среди прочих мечей, Вилл свято верил и в эту минуту.

Элбион продолжит свой путь и от графа Альрика перейдет к его сыну. Вилл убрал меч в ножны и поднялся с колен. Вместе с Вульфгаром они перенесли тело графа Альрика к погребальному костру и уложили на самый верх. Все было готово, и Вульфгар протянул Виллу смолистую ветку, которую оставалось поджечь.

– Подожди! – сказал Вилл, не сводя глаз с отца. – Побудь поодаль. Я хочу попрощаться.

Проворный, как дикий кот, Вилл легко забрался по уступам из бревен наверх, так что ни одно бревно не покачнулось под его ногами. Вульфгар увидел, как старший сын графа Альрика опустился на колени рядом с отцом и взял его руку в свою. Уважая желание Вилла, Вульфгар ушел с опушки в лес, к лошадям, которые ворошили мерзлые прошлогодние листья, пытаясь добраться до пожелтой травы.

– Отец! – тихо произнес Вилл, не в силах оторвать взгляд от неподвижного бледного лица графа Альрика.

Он живо вспомнил тот день, когда впервые увидел его, да еще так близко – всего в двух шагах от себя. Оробев и почти онемев от восторга, он смотрел на графа Хантингтона, задрав голову, а тот улыбался и милостиво беседовал с маленьким Виллом, предвкушавшим, как он будет хвалиться перед друзьями, которые побоялись подойти к господскому дому. Но что потом случилось с графом, едва он услышал, кто мать Вилла? Еще до того как прозвучало имя Барбары Скарлет, граф рассматривал его долгим пристальным взглядом, а тут прямо-таки изменился в лице, вдруг подхватил Вилла на руки и попросил указать дом, где он живет. Лоб Вилла потеплел от воспоминания, как отцовские губы прижались к его виску, опалив жарким шепотом:

– Сын!

Он забрал Вилла в Веардрун, представил всем как своего сына. Никогда граф Альрик не отличал его от Робина, и только сейчас Вилл, терзаясь раскаянием, понял: отец делал все, чтобы он не чувствовал себя бастардом. Он подарил ему свою любовь так же, как Робину или Клэрэнс, а чем отплатил ему Вилл?

Вилл вспомнил свои последние слова, сказанные отцу, пока тот был жив, и глухо застонал от ярости на самого себя. «Лучше мне быть последним в Англии нищим, чем и дальше оставаться бастардом вашей светлости!» Если бы он ударил отца, то не причинил бы боли сильнее, чем этими безжалостными словами. Почему он не остановился, когда Робин во дворе

Веардруна пытался удержать его? Почему не вернулся, когда отец сам посылал за ним, когда приезжал Робин, пытаясь уговорить брата поехать вместе с ним Веардрун? Поздно! Слишком поздно!

Вилл содрогнулся от глухих рыданий. Как безумный, он гладил руку отца и шептал:

– Я люблю тебя! Не было ни одного дня, когда бы я не гордился, что ты мой отец! Прости меня! Если ты сейчас слышишь меня, если твоя душа рядом, прости меня!

Но лицо графа Альрика, прекрасное и в смерти, оставалось неподвижным. Подавив рыдания, Вилл низко склонился над отцом и припал к его руке мокрыми от слез губами.

– Я всегда был верен тебе и никогда не стремился завладеть твоим титулом в обход Робина. Я останусь преданным и ему. Я отыщу его и сделаю все, чтобы помочь ему возродить наш род и вернуть Рочестерам былое величие. Не тревожься за Элбион, отец! Я передам его Робину, как пожелал бы этого ты сам.

Наконец он сделал над собой усилие, приложил губы к холодному лбу графа Альрика и заставил себя выпустить из ладоней его руку. Выпрямившись, Вилл посмотрел на него в последний раз и тихо сказал:

– Прощай, отец!

Он спустился, поднял упавшую на землю смолистую ветку и высек огонь. Ветка с треском занялась, разбрасывая искры. Вилл обошел постамент, поджигая хворост и, когда бревна оказались заключенными в кольцо огня, бросил ветку в костер, отступил на несколько шагов и замер.

Огонь заиграл в хворосте яркими языками, облизал бревна, нашел между ними дрова и с силой взмыл вверх. Вилл стоял, сложив руки на груди, и не сводил глаз с отца, которого от него очень скоро скрыли мощные огненные столбы. К Виллу подошел Вульфгар и обнял его за плечи.

– Он не сердился на вас, лорд Уильям, ни одной минуты. Граф сердился на сэра Эдрика за то, что тот помешал вам обоим. Он верил, что вы сумеете понять его, а поняв, вернетесь домой, в Веардрун.

По расчетам Вилла, до утра погребальный костер должен был прогореть. Они с Вульфгаром устроились неподалеку, соорудив из веток шалаш.

– Что теперь, лорд Уильям? – спросил Вульфгар, когда они ужинали хлебом и сыром, запивая еду элем из фляги, которую передавали друг другу.

Вилл долго молчал, не поднимая покрасневших хмурых глаз, потом негромко сказал:

– Я отправлюсь к Веардруну. Мне надо отыскать Робина.

Вульфгар в ответ яростно замотал головой.

– Даже не думайте, лорд Уильям! Не показывайтесь возле Веардруна! Вас кто-нибудь обязательно узнает. А вдруг не только узнает, но и выдаст сэру Рейнолду? К тому же сэр Эдрик изрядно осторожен и хитер, чтобы так долго оставаться неподалеку от Веардруна!

Поразмыслив над словами Вульфгара, Вилл не мог не признать его правоту. Тогда он решил отправиться к графу Лестеру. Скорее всего, Робин тоже поедет именно к нему. Но о своих мыслях и планах Вилл не стал говорить Вульфгару. Он не сомневался в его верности, но Вульфгар мог попасть в руки ноттингемских ратников, и не надо, чтобы он знал больше, чем уже знает.

– Тебе есть где укрыться? – спросил Вилл.

Вульфгар угрюмо нахмурился.

– Неужели же я отпущу вас одного?

Вилл вместо ответа бросил выразительный взгляд на коня Вульфгара. Коренастая, тяжелая лошадь годилась скорее для плуга или повозки, но не под седло. Жеребец Вилла легко обгонит ее на рыси, а уж если поскачет галопом!..

– Некогда было выбирать коня для себя, – вздохнул Вульфгар, прекрасно понимая, на что намекает Вилл. – Надо было оседлать лошадей для графа и сэра Эдрика, да еще двух вьючных, вывести их из Веардруна, помочь сэру Эдрику с девочками и самим графом: лорд Робин был без сознания. Взял первую, что попала под руку. Но это ничего, лорд Вилл! Утром поменяем ее на верховую, которая сможет угнаться за вашим жеребцом!

– И в каких же конюшнях мы отыщем такую лошадь? – усмехнулся Вилл. – Ты же сам знаешь, что с нашими лошадьми мало чьи кони могут поспорить. Если только барона Невилла, а до Фледстана отсюда добрый день пути. Нет, Вульфгар. Я отправлюсь один. А ты поезжай в Локсли. Знаешь дорогу?

– Конечно! – ответил Вульфгар. – Я ведь бывал там, сопровождая вас и лорда – простите! – графа Робина.

– Вот и отлично. Найдешь приют в доме моей матери, заодно успокоишь ее известием о том, что я жив и здоров. И еще одно, Вульфгар, – помедлив, Вилл добавил: – Расскажи ей, как мы нашли отца, о его погребении.

Вульфгар тяжело вздохнул, все еще не согласный с решением Вилла, но кивнул. Завернувшись в плащи, они уснули, а утром, едва открыв глаза, Вилл увидел, что погребальный костер графа Альрика догорел. Вскочив на ноги, он подошел к раскаленным углям, призвал силы Посвященного воина и наложил на место костра заклятие, очертив его магическим кругом. Морозы скоро сменятся теплой погодой, выпадут обильные дожди и союют пепел. Прах отца впитает земля, прорастет новой травой. Но никогда ни одна злая рука не сможет прикоснуться к тому месту, где в пламени истаяло тело Альрика Рочестера, графа Хантингтона. Так пожелал его старший сын – Воин, Посвященный служению Одину.

Быстро позавтракав, Вилл и Вульфгар попрощались. Конюх отправился в Локсли, а Вилл – в Лестер, где надеялся встретить Робина.

****

– Все очень просто и очень печально, племянник. Генрих одновременно и благоволил твоему отцу, и впадал в раздражение. Альрик был неизменно учтив и почтителен в обращении с королем, но ореол независимости, всегда его окружавший!.. Ты понимаешь, о чем я.

Робин молча склонил голову, подтверждая слова дяди. Да, он понимал, что подразумевал граф Лестер. Отца всегда отличало достоинство, подобающее скорее королю, чем графу. Робин отлично помнил, как при посвящении его в рыцари вместе со старшими сыновьями нескольких графских семей распорядитель церемонии, обращаясь к королю, по ошибке едва не преклонил колено и не подал меч графу Альрику, стоявшему рядом с королевским тронном. Он вовремя спохватился, но недостаточно быстро, чтобы король ничего не заметил. Генрих развеселился, пошутил, рассмеялся и даже по-дружески ударил графа Альрика по плечу. Но Робин не забыл, как на одно мгновение голубые глаза Генриха сверкнули гневным блеском. На кого был обращен гнев короля? На распорядителя церемонии или на графа Хантингтона? Робин был уверен, что на обоих, но в большей части – все-таки на того, кто едва не затмил короля. Генрих очень ревнив к своей власти. Всем памятно, как он жестоко карал проявление малейшего неуважения к нему как к сюзерену.

– И вот сэр Рейнолд начал плести козни против твоего отца! Я предупредил Альрика: не связывайся с шерифом Ноттингемшира. Да, он чинит произвол ради обогащения, но не в твоих владениях. А ты ведешь себя так, словно на тебе лежит ответственность за справедливость и законность во всех Средних землях! Но когда твой отец поступался собственными принципами ради благополучия? Да, он был королевским юстициарием¹ и имел все права вме-

---

¹ В переводе с латинского – «человек справедливости» (судья). В средневековой Англии юстициарии назначались королем для управления королевством. Должность была очень важна, учитывая, что король мог надолго покинуть свои владения, отправившись в крестовый поход.

шиваться в дела сэра Рейнолда, да, все действия Альрика совершались строго в рамках закона. Но число его врагов множилось, и только милость короля Генриха к Альрику удерживала тех, кто ненавидел твоего отца, от решительного наступления. Вот по ней – королевской милости – и ударил сэр Рейнолд. Альрик еще был в Лондоне, когда Генрих получил известие о том, что принц Ричард вступил в новый сговор с королем Франции, чтобы свергнуть его с трона. Ты можешь себе представить, в какую ярость впал король?

Робин снова кивнул, продолжая слушать Лестера.

– И именно в этот момент, когда король утратил самообладание, сэр Рейнолд подsunул ему фальшивые письма Альрика принцу Ричарду, якобы перехваченные его слугой, и лживых свидетелей, рассказавших королю то, чего никогда не было, но поклявшихся на Священном Писании. Генрих от гнева потерял разум, кричал, что если и граф Хантингтон предал его и покинул, то в Англии не осталось никого, кому он бы мог доверять. А дальше последовали роковые слова: он, король, не желает больше слышать само имя Рочестеров, такого рода в Англии больше нет.

– Дядя, вы сказали, что мой отец в те дни пребывал в Лондоне. Почему же Генрих не спросил его самого? Не обвинил в измене в лицо, позволив отцу опровергнуть лживые свидетельства? Приговорил к смерти, не дав сказать слова в защиту?

Лестер долго раздумывал над вопросом племянника, потом тяжело пожал плечами.

– Не знаю, мой мальчик. Могу лишь строить догадки. Возможно, Генрих в душе и сам до конца не поверил, что Альрик нарушил вассальную присягу, но, поддавшись злобе, не желал его оправдания. Я ведь уже сказал: твой отец вызывал у него раздражение. Теперь же дела устроились к вящей выгоде короля. Все ваши земли и замки не конфискованы в казну, но взяты королем под опеку, наследницей объявлена леди Эдит.

– А кто это? – живо поинтересовалась Клэрэнс, оторвавшись от миски с супом, который жадно поглощала, устав от скудной еды за время дороги.

Лестер рассмеялся и потрепал ее по белокурой голове.

– Если отца официально не обвинили в измене, раз наши владения не конфискованы, значит, я могу отправиться в Лондон и дать ответ Генриху! – решительно сказал Робин, но Лестер с большим сомнением покачал головой.

– Сначала ты будешь должен доказать ему, что ты – это ты. Тебя, как и твоего брата Уильяма, объявили погибшим. Положим, ты докажешь, но тогда будешь обвинен уже сам. Ведь по свидетельствам, приведенным сэром Рейнолдом, ты во всем помогал отцу, который поддерживал принца Ричарда. А теперь подумай, Робин: откажется ли король от доходов, которые намерен получать от владений Рочестеров, пока наследница мала, ради того чтобы утвердить тебя в титуле графа Хантингтона и вернуть все, что досталось ему после гибели твоего отца? Если убийство Альрика он просто поощрил, то тебя найдет повод казнить.

– Пусть сначала найдет! – упрямо ответил Робин.

– А не найдет, так оставит при себе и заставит служить ему, чтобы время от времени бросать тебе подачки в виде твоих же земель и замков, как бросают собаке кость со стола. Тому уже были примеры. Все сразу, что он забрал под свою руку, Генрих тебе не вернет. Если ты готов к годам безропотного служения, чтобы по частям собирать то, что тебе принадлежит по праву, в надежде однажды объединить части в целое, тогда попытай счастья.

Вспомнив день, когда он получил весть о гибели отца, штурм и взятие Веардруна, представив короля Генриха, Робин вспыхнул от гнева. Неотрывно наблюдавший за ним Лестер понимающе усмехнулся.

– Нет, ты не готов служить королю, помня, что он виновен в гибели твоего отца. Да и Генрих не примет твою службу.

– Почему?

– Он испугается тебя. Зная неукротимое свободолюбие Рочестеров, побоится держать тебя при себе, словно цепного пса, а в ином качестве ты ему не нужен. Но это так, отвлеченный разговор, Робин. Насколько мне известно, слуги сэра Рейнолда караулят дороги. Они не подпустят тебя близко к Лондону. Даже если тебе улыбнется удача – яд, нож в спину, удавка на шею, мало ли способов убить тебя раньше, чем король соизволит тебя принять и выслушать?

– Что вы такое говорите, дядя? – возмутилась Клэрэнс. – Как можно убить Робина?!

– Довольно просто, учитывая, что он один, а у сэра Рейнолда много слуг, и среди них хватает наемных убийц, – ответил Лестер.

Взвесив в уме приведенные им доводы, Робин вопросительно посмотрел на дядю, и тот правильно понял взгляд племянника.

– Я ничем не могу помочь тебе. Ты знаешь, что я по сей день пребываю в опале. Мое слово в твою защиту принесет тебе только вред. Я даже не могу дать тебе долгий приют в моем доме здесь, в Лестере. Ты думаешь, я принимаю тебя тайно, опасаясь быть уличенным в помощи тебе? Нет, мой мальчик, я боюсь за тебя, не будучи уверенным в каждом из своих людей.

Лестер выразительно обвел взглядом маленькую залу, где, кроме камина, помещался только стол, за которым сидели Робин, Эдрик, Клэрэнс, Тиль и хозяин дома. Маленькая Тиль, сомлев от сытной горячей еды, спала, уронив голову на руки. Клэрэнс очень хотела последовать примеру подружки, но держалась, борясь со сном из последних сил. Эдрик за весь разговор дяди с племянником не проронил ни слова, лишь мрачнел и мрачнел, слушая графа Лестера.

Робин знал, что за участие в предыдущем мятеже против Генриха граф Лестер вместе с женой почти восемь лет провел в заточении в одной из королевских крепостей и получил свободу чуть больше года назад, но милость короля не вернул. Заключение было настолько суровым, что сильно подорвало здоровье Лестера, который был одного возраста с отцом Робина, но сейчас выглядел старше графа Альрика на добрый десяток лет. Не лучшим образом оно сказалось и на его супруге, на которой он был женат вторым браком после смерти в родах первой жены – сестры графа Альрика и тетки Робина. Два рано постаревших, больных человека – вот кем стали граф и графиня Лестер, восставшие против власти Генриха и потерпевшие поражение. Старший сын Лестера, двоюродный брат Робина, находился все годы заточения отца при дворе Генриха, остался там и сейчас – уже в качестве заложника, а не воспитанника. Так какой помощи он ждал от дяди? Напротив, приехав к нему, Робин подверг Лестера опасности, чего желал меньше всего.

– Тебе все равно было не к кому отправиться, кроме меня, – ответил Лестер на невысказанные вслух мысли Робина. – Не кори себя, мальчик мой. Правду об отце ты мог узнать только от меня, а опасности ты для меня не представляешь. Скорее мое общество для тебя опасно. Артур послал мне весточку, что король опять хочет взять меня под стражу, обеспечив таким образом мое неучастие в новом мятеже – теперь уже принца Ричарда. Как будто жизнь моего сына и твоего брата не является для короля достаточным залогом моей покорности! Поэтому все, чем я могу помочь тебе, – дать совет.

– Какой, дядя? – Робин внимательно посмотрел на Лестера.

– Отправляйся на континент к принцу Ричарду. Принеси ему вассальную присягу и оставайся при нем, пока король Генрих не умрет. Трон перейдет к Ричарду, и – кто знает! – возможно, он восстановит тебя в правах в благодарность за верную службу.

Робин задумался. Отправиться к Ричарду и тем самым подтвердить обвинения в предательстве, якобы совершенном отцом и им самим? Заметив, как брови Робина устремились к переносице, Лестер вскинул руку.

– Не торопись! Прежде подумай. У тебя все равно нет иного выхода, кроме того, что я подсказал. Сестру с собой не бери. Я пристрою ее в какой-нибудь дальней обители под чужим именем, где ее не сможет найти сэр Рейнолд. Да и с твоей дочерью, Эдрик, следует поступить так же.

Эдрик сурово нахмурился, понимая, что Лестер прав. Две маленькие девочки – изрядная обуза и большая забота в трудной дороге, куда бы та ни вела. Но он не хотел расставаться с дочерью. Клэрэнс же просто взорвалась.

– Я никуда без тебя не поеду! – воскликнула она, соскочив со стула, забралась к Робину на колени и крепко обняла его за шею. – Ни в какую обитель! Я не хочу разлучаться с тобой!

Робин, глубоко вздохнув, обнял сестру и поцеловал в макушку.

– Вот что, – твердо сказал Эдрик, – и девочкам, и вам, граф Робин, пора в постель. Вы слишком устали, чтобы принять обдуманное и взвешенное решение. Поразмышляйте над словами вашего дяди, а утром к чему-нибудь да придете.

Посмотрев на осунувшееся от усталости лицо Робина, Лестер кивнул, соглашаясь с Эдриком, и на этом ужин закончился. Проводив взглядом Робина, который, взяв на руки Тиль, вместе с семенящей рядом Клэрэнс ушел следом за слугой, Лестер задумчиво покачал головой.

– Надо же! Сам командовал защитой Веардруна. В столь юном возрасте!

– И как командовал, ваша светлость! – подхватил Эдрик. – Если бы не предатель, подлому сэру Рейнолду нипочем бы не взять замок. А видели бы вы, как он сражался с ноттингемскими ратниками! Двумя мечами сразу, так, что к нему никто не мог подступиться. И это притом что у него прострелено плечо. Вот такой он, мой молодой граф Хантингтон!

Выражение лица, взгляд, голос – все было преисполнено гордости Эдрика за своего воспитанника и лорда. Положив ладонь на его плечо, Лестер попросил:

– Убеди его последовать моему совету, Эдрик. Ничего другого, более разумного, ему все равно не измыслить!

Оказавшись в постели, Робин с наслаждением вытянулся под мягким и теплым шерстяным покрывалом, вдохнул запах лаванды, исходивший от простыней и подушек, от собственных волос и кожи. Как многого надо лишиться, чтобы радоваться самой малости: мылу и горячей воде, чистоте тела и обычной кровати. Впервые за несколько дней он проведет ночь в настоящей постели, отвыкнув от нее за краткие привалы, которые Эдрик устраивал в лесу для путников и лошадей. Но закрыв глаза, Робин все равно видел перед собой дорогу, стелившуюся под ноги коня. Ему казалось, что и массивная кровать мерно покачивается в такт лошадиной рыси, словно он все еще оставался в седле.

****

Они пробирались в Лестер по ночам, а если днем – то такими тайными и запутанными тропами, что Робин иной раз побаивался, как бы Эдрик не сбился с пути, заплутав в дремучих лесах. Но Эдрик не столько помнил дорогу, сколько чуял верное направление, словно дикий зверь. Через три дня у них кончились съестные припасы. Робин не ощущал голода, и даже Клэрэнс и Тиль, проникнувшись мыслью об опасности, страдали молча и крепились, сколько могли. Истаявшие личики девочек заставили Эдрика поступиться осторожностью и выбраться из лесной глуши к проезжей дороге, чтобы заехать на первый попавшийся постоялый двор.

Они ужинали в общей трапезной, которая была полна народу, когда приехали ратники и глашатай шерифа Ноттингемшира. Эдрик предусмотрительно выбрал место в темном углу и при появлении ратников заслонил собой Робина и Клэрэнс.

Глашатай объявлял приметы Робина, а он, низко склонив голову на сомкнутые руки, слушал собственное описание и гадал: успел ли кто-нибудь из людей, что сидели в трапезной, рассмотреть его так, чтобы выдать ратникам прямо сейчас. Глашатай назвал его убийцей и вором, который должен быть отдан в руки правосудия, и Эдрик поспешил стиснуть руку Робина, опасаясь, что тот бросится с оружием на глашатая, расценив его слова как оскорбление. Но Робин ответил ему безмолвным пожатием и остался неподвижно сидеть за столом. Помня горячность своего воспитанника, Эдрик понял, что за считанные дни Робин постиг науку хладнокровия.

Награда, объявленная за его поимку, поразила всех. Кто-то даже негромко присвистнул. Но едва ратники вместе с глашатаем покинули постоянный двор и отправились дальше, как Робин услышал возглас:

– Наш шериф никогда не посулил бы столько денег за обычного преступника! И по описанию парень, которого ищут, слишком сильно похож на молодого графа Хантингтона!

– Храни его Господь! – тут же подхватили несколько голосов, так прочувствованно и горячо, что глаза у Робина защипало от невольно подступивших слез.

Усталость сменилась уверенностью: он уйдет от убийцы отца, вернет былое могущество Рочестеров, и тогда уже сэр Рейнолд будет прятаться от него.

Эдрик расплатился за ужин и припасы, которые хозяин постоянного двора приготовил им в путь, и, взяв дочь на руки, кивком указал Робину на дверь. Подхватив задремавшую сестру, Робин быстрым шагом пошел к выходу, стараясь не привлекать к себе внимания, как вдруг Клэрэнс проснулась. Не понимая спросонок, где они, она сквозь всхлипывания сказала на всю трапезную:

– Куда мы? Робин, я устала! Я хочу спать! Давай вернемся домой, в Веардрун!

Робин прижался губами ко лбу сестры и шепотом попросил замолчать. Клэрэнс, окончательно проснувшись, сама испугалась того, что натворила, и немедленно закрыла рот. Но было поздно.

В трапезной стало очень тихо, и взгляды всех, кто в ней был, скрестились на Робине. Эдрик поторопился к нему, подтолкнул к порогу, и уже в дверях Робин услышал позади себя несмелый возглас:

– Избегайте дорог: вас ищут повсюду!

Следом за этим возгласом – еще один, потом еще, и вся трапезная зашумела:

– Мы неустанно молимся за вас, граф Роберт!

– Берегите себя, ваша светлость, граф Хантингтон! Да сохранит вас Всевышний!

Робин не выдержал, оглянулся, и всех, кто сейчас желал ему спасения, пленила усталая, но такая живая и обаятельная улыбка, мелькнувшая в уголках рта и в синем всполохе глаз.

– Лучше бы эти болтуны откусили себе языки, если и впрямь желали вам блага! – ворчал Эдрик, когда они вновь ехали по лесной тропе. – Среди них наверняка сыщется хоть один, кто прельстился наградой за вашу поимку, и тогда быть беде! Ох, лорд Робин! – Он окинул воспитанника сожалеющим взглядом. – Больно уж вы приметны! Вас ни с кем невозможно перепутать.

Эдрик, конечно, был прав, и очень скоро шериф узнает, что Робин останавливался на этом постоянном дворе. Но в душе Робин все равно чувствовал благодарность ко всем, кто хотя бы на словах выказал ему поддержку.

****

Утром, едва он успел умыться, как слуга позвал его завтракать в ту же маленькую залу, где Лестер принимал неожиданных и тайных гостей накануне вечером. Там уже были и сам Лестер, и Эдрик, и обе девочки. Клэрэнс, щебеча как птичка, бросилась к брату и обхватила его ноги. Робин рассмеялся и, подхватив сестру на руки, усадил за стол рядом с собой. Обменявшись приветствием с дядей и наставником, он принялся за еду, чувствуя на себе выжидательные взгляды обоих. Первым не выдержал Лестер.

– Так что ты решил, Робин?

– Пока ничего, дядя, – ответил Робин. – Мне надо подумать.

– Для раздумий тебе нужно время, а пуще всего – отдых. И еще необходимо, чтобы суета сэра Рейнолда с поисками тебя улеглась. Поэтому тебе надо надежно укрыться. Ты знаешь, что у меня есть дом в Йорке?

Робин кивнул: ему доводилось бывать в йоркском доме Лестера, и он помнил, как его найти.

– Останьтесь там. Я дам тебе письмо, которое ты предъявишь стражникам и слугам. Старайся не показываться на городских улицах. Не думаю, что слуги сэра Рейнолда заберутся так далеко, но если ты и в Йорке почувствуешь опасность, то перебирайся в мой дом в Пограничье. Туда уж сэр Рейнолд точно не сунется из-за постоянных стычек с шотландцами.

– Хорошо, дядя. Я так и сделаю, – после недолгого раздумья ответил Робин и улыбнулся Лестеру. – Я бесконечно признателен тебе!

– Было бы за что, мой мальчик! – вздохнул Лестер и перевел взгляд на Эдрика. – Вы подумали насчет девочек? Согласны оставить их у меня, чтобы я позаботился о них так, как предложил вчера?

– Благодарю вас, милорд, но моя дочь останется со мной, – твердо ответил Эдрик, и Тиль просияла.

Клэрэнс переводила взгляд с брата на дядю, ожидая, как решится ее судьба. Потеряв терпение, она робко дернула Робина за рукав.

– А я? – пролепетала она.

– А ты... – Робин улыбнулся, усадил сестру к себе на колени и, глядя в голубые, широко распахнутые глаза Клэрэнс, в которых светилась неизбывная вера в то, что брат не оставит ее, сказал: – И ты отправишься вместе со мной.

Клэрэнс заулыбалась и, обняв Робина за шею, звонко расцеловала в щеки. Лестер, недовольный решением племянника, неодобрительно покачал головой.

– Неразумно, Робин! Твой путь будет опасным, и маленькая девочка не товарищ, а обуза в такой дороге! А у вас-то их даже две, а не одна! Оставьте мне хотя бы племянницу!

Клэрэнс обиженно надула губы на то, что дядя назвал ее обузой, и притихла, испугавшись, что Робин сейчас согласится с Лестером и передумает. Но он только крепче прижал к себе сестру.

– Нет, дядя. Клэр поедет со мной, иначе я стану постоянно тревожиться о ней. Сэр Рейнолд прекрасно осведомлен о нашем с вами родстве, и его люди будут следить и за вами.

Лестер остался при своем мнении, но был вынужден уступить. Он снабдил путников свежими лошадьми, теплой одеждой, едой и вином, предложил Робину принять от него немалую сумму денег. От серебра Робин решительно отказался, но стоило ему выйти из комнаты, как Эдрик так же решительно убрал деньги Лестера в седельную сумку. Для него ничто не казалось избыточным, и, будь его воля, он попросил бы вдвое больше серебра, чем дал Лестер. На прощание Робин предупредил дядю, что к нему может навеститься Вилл, и попросил рассказать тому, где его искать.

– Вот это уже было лишнее, – проворчал Эдрик, когда они покинули город и снова ехали лесной дорогой. – С чего вы решили, что ваш братец объявится у графа Роберта?

– Не сомневаюсь, что объявится, – ответил Робин. – Может быть, стоило подождать его и вместе отправиться в Йорк.

– Не знаю, почему вы уверены, что лорд Уильям так же сильно беспокоится о вас, как вы о нем, – не унимался Эдрик. – И никогда не мог понять, на чем основана ваша крепкая вера в его преданность. В народе недаром говорят: брат – это не друг, а природой данный соперник. Стоит мне только вспомнить, как он повел себя в разговоре с графом Альриком!..

– Не вмешайся ты в разговор, он бы так себя не повел, – жестко ответил Робин, показывая всем своим видом, что не желает слышать о Вилле ни одного дурного слова, и Эдрик, смирившись, замолчал.

Снова лесные тропы, короткие привалы то ночью, то днем. Ночи стояли лунные, и Эдрик предпочитал для пути именно ночные часы. Хотя они двигались на север, зима начала уступать теплым весенним ветрам. Но путники не радовались потеплению: ветер часто приносил с собой дождь, сухая от морозов земля оттаивала и раскисала. Теперь для привалов надо было выбирать места, защищенные не только от ветра, но и от сырости. Эдрик и Робин были доста-

точно закаленными, чтобы не страдать от холода и дождей, но Тиль и Клэрэнс простудились. Девочки начали кашлять, и когда они добрались до Йорка, обе малышки тряслись в ознобе и у обеих лбы горели от жара.

К счастью, в йоркском доме Лестера имелись травы, необходимые для приготовления лекарств от простуды, и Робин занялся лечением девочек. Он ставил им на грудь разогревающие компрессы, изгоняя из легких мокроту, парил ноги, поил травяными настоями, которые они послушно глотали, жалуясь на горечь. Робин подозревал, что жалобы, которыми они наперебой засыпали его, были вызваны тем, что после лекарства он давал Клэрэнс и Тиль по ложке меда, а каждой девочке хотелось получить не одну ложку, а две. Он сделал отвар и для себя. Плечо, которое казалось почти зажившим, вновь начала дергать боль, не давая спать по ночам. Следуя указаниям Робина, Эдрик, как умел, промывал отваром рану от стрелы каждый вечер, ворча, что он ратник, а не знахарка.

Три дня, что они провели в Йорке, Эдрик исподволь подводил Робина к решению примкнуть к принцу Ричарду.

– Тут и думать особенно нечего, – говорил он за завтраком, обедом или вечером за перевязкой Робина, – до Скарборо от Йорка рукой подать. Домчались бы в один миг, нашли корабль, день в море – и вот вы во Франции. Мало ли рыцарей в окружении принца Ричарда? Никто из них не считает службу принцу изменой английской короне. Да и что вы собираетесь делать, если отвергнете совет графа Лестера? Вы же не сможете вечно скрываться от поганого сэра Рейнолда! А к королю Генриху в Лондон я вас сам не пущу! Что я отвечу графу Альрику, когда он спросит меня, почему я не сберег его сына и наследника?

Робин слушал, но ничего не говорил в ответ. Лишь когда воркотня Эдрика особенно утомила его, он спросил:

– Эдрик, ты помнишь мятеж, в котором участвовал мой дядя? Мне тогда только-только минуло шесть лет, но ты-то должен помнить!

– Что из тех событий вас интересует, лорд Робин?

– Чем все закончилось.

Порывшись в памяти, Эдрик хмыкнул.

– Для вашего дяди – вы знаете чем. Его союзника – графа Норфолка – отправили в изгнание, в котором он и скончался. Их земли король забрал под свою руку, чтобы получать от них доход, правда, потом часть вернул. Некоторые замки Генрих приказал срыть – одни до основания, в иных повелел разрушить укрепления, оставив дома.

– А что стало с принцами? Они разделили заточение с моим дядей или изгнание с графом Норфолком? – с усмешкой спросил Робин.

– Сами знаете, что нет, – рассердился Эдрик, понимая, к чему клонит его воспитанник. – Они помирились с отцом, и Генрих простил сыновей.

– Ну так и я о том же, – спокойно сказал Робин. – В мятеже против короля рискуют не принцы, а те, кто их поддерживает. Если Генрих затеет примирение с Ричардом, они помириятся, а я положу голову на плаху уже как бесспорный изменник.

– Если дело дойдет до очередного замирения короля с Ричардом, вы всегда успеете скрыться от гнева Генриха.

– Я и так скрываюсь, – с усмешкой возразил Робин. – Отличие только в одном: сейчас моя вина ничем не доказана, а примкнув к Ричарду, я докажу ее сам.

Эдрик для видимости оставил его в покое, но только для видимости. Он решил дать Робину еще пару дней отдохнуть и подумать, а потом вновь подступиться к нему с уговорами, но планам Эдрика не суждено было сбыться.

Ночью, через три дня их пребывания в Йорке, всех, кто был в доме, – гостей, слуг, охрану – поднял с постелей громкий стук в ворота. Наспех одевшись и приказав девочкам оставаться

в кровати, Робин и Эдрик поспешили во двор, где собрались слуги и ратники. Уже не стук, а настоящий грохот в окованные железом ворота возобновился.

– Именем шерифа Йоркшира, открывайте!

Эдрик показал глазами одному из ратников на второй этаж, и тот понял приказ без слов и помчался его исполнять. Старший ратник громко сказал:

– Это владение графа Лестера! Что вам понадобилось в доме моего господина, да еще глухой ночью?!

– Ваш господин вчера был взят под стражу по приказу короля Генриха. Граф Лестер заподозрен в участии в мятеже, до которых всегда был охоч! – раздалось в ответ.

– Тогда тем более что вам нужно, раз вы знаете, что графа здесь нет?

– У нас есть сведения, что в доме укрылись другие мятежники. Открывайте ворота, пока мы их не выломали!

– Здесь никого нет, кроме слуг и стражников.

– Тогда вам нечего бояться. Мы обыщем дом и уйдем, если в нем никого нет, кроме тех, о ком ты сказал!

Тем временем ратник, отправленный Эдриком на второй этаж осмотреться, вернулся и шепотом доложил, что за стеной отряд из полутора десятков ратников. Действительно ли они служат шерифу Йоркширу, он сказать не мог: в темноте ни на щитах, ни на доспехах разобрать гербы не удалось.

– Мне вообще показалось, что они без гербов! – сказал ратник.

– Есть потайной ход? – быстро спросил Эдрик, и когда и слуги, и ратники отрицательно покачали головами, с досадой воскликнул: – Что за непредусмотрительность!

На ворота обрушились новые удары: похоже, ночные гости отыскали бревно и воспользовались им вместо осадного орудия.

Не спускавший глаз с ворот Робин прекрасно понимал, что через несколько коротких минут они рухнут и ратники Лестера, которых было всего пятеро, быстро полягут от оружия тех, кто пытался сейчас ворваться в дом. Его захлестнула волна ярости: он устал убегать и прятаться. Если отбросить утверждения шерифа Ноттингемшира, его никто от имени короля ни в чем не обвинил. Вспышка гнева Генриха – недостаточная причина, чтобы устраивать на него облаву, как на мятежника и изменника. Эдрик, еще не придумав, что предпринять, хотел увести Робина в дом, но тот решительно высвободился из-под руки наставника.

– Ступай к Клэр и Тиль! – приказал он, и Эдрик только сейчас увидел в руках Робина лук, а за спиной колчан, полный стрел. – Не отходи от них ни на шаг и сразу садись на коня, как только я очищу двор от этой падали. Всем спуститься в подвал!

Последний приказ относился к слугам и ратникам, которые не заставили себя упрашивать и тут же скрылись в доме.

– Лорд Робин! – запротестовал Эдрик, но Робин неожиданно мощным движением толкнул его к дверям, а сам по выбоинам в стене с кошачьей ловкостью взлетел на крышу дома. – Вы же ранены! – с отчаянием воскликнул Эдрик, не подумав, что Робин уже не слышит его.

Едва Эдрик скрылся за дверью, как ворота плашмя рухнули на землю и двор заполнили ратники. Слившись с крышей, Робин быстро пересчитал их. Пятнадцать! У него мелькнула мысль, что количество стрел в колчане вряд ли превышает число ратников больше чем на одну-две стрелы. Это означало, что у него нет права на промах, который будет стоить жизни ему и Эдрику, а Клэрэнс – свободы. Три ратника подступили к двери, и Робин не мешкая выхватил из колчана три стрелы.

Он пустил их одну за другой, и три ратника повалились на землю. Не дожидаясь, пока его обнаружат, Робин подхватил лук и, скользя по черепице, перебрался под защиту каминной трубы. Ратники рассыпались по двору, пытаясь отыскать невидимого в темноте лучника. Вспыхнуло несколько факелов, и до Робина долетел громкий крик:

– Он на крыше! Это сам граф Хантингтон!

Робин усмехнулся краешком рта: они облегчили ему задачу, осветив факелами двор. Он стал делать выстрел за выстрелом. Искусством лучника Робин владел в совершенстве: оно легко далось ему с самых первых уроков. Эдрик частенько говорил, что юный лорд кожей чувствует ветер, а его стрелы летят так, словно их направляет мысленный приказ, а не рука.

Несколько ответных стрел попали в трубу, и Робин едва успел увернуться. Раненое плечо напомнило о себе резкой дергающей болью, и Робину показалось, что два последних выстрела он сделал впустую. Но во дворе стало очень тихо. Робин выждал еще пару минут и, не услышав ни звука, скатился по крыше и спрыгнул вниз.

По всему двору лежали распростертые тела и догоравшие на земле факелы. Робин не успел опомниться, как со спины на него навалилась тяжесть, под которой он едва устоял на ногах.

– Ах ты щенок! – раздался над ухом хриплый голос.

Неведомо как Робин понял, что ратников осталось двое – ровно столько, сколько раз он промахнулся. Натренированное тело само вспомнило уроки Эдрика, и Робин вывернулся из захвата. Его едва не сбил с ног другой ратник, но Робин выхватил из-за пояса нож и по самую рукоять вонзил его под ребра нападавшему. Обернувшись к последнему из уцелевших ратников, он с облегчением увидел, что тот лежит на земле, а стоящий над ним Эдрик вытирает окровавленное лезвие меча.

– Нет слов, мой лорд! – тихо воскликнул Эдрик, окидывая взглядом устланный телами двор.

Робин, которого внезапно оставили силы, уткнулся лбом в плечо наставника. Растроганный Эдрик похлопал его по спине и, когда Робин взвыл от боли, выбрал самого себя:

– Вот неловкий чурбан! Идемте, милорд, я перевяжу вас, и надо убираться из города подобру-поздорову. Вдруг к этому отряду спешит подмога!

За две серебряные монеты им отворили ворота Йорка. Эдрик не успокоился, пока они вновь не оказались в лесной глуши. Там, бросив взгляд на потемневшее от усталости лицо Робина, он принялся искать место для привала. Обнаружив сарай с прошлогодним сеном, Эдрик решил, что это самый лучший приют как для девочек, которые еще не полностью оправились от простуды, так и для Робина, заметив, что и того начал потряхивать озноб. Когда Клэрэнс и Тиль уснули, завернувшись в один плащ на двоих и зарывшись в мягкое сено, Эдрик молча протянул Робину флягу с виски. Робин не стал отказываться. Обжигающий поток мгновенно усыпил его, и он уже не почувствовал, как Эдрик заботливо набрасывает на него плащ.

Робину приснился отец. Разделенные невидимой преградой, они долго говорили друг с другом. Когда все слова были сказаны, преграда исчезла и граф Альрик смог обнять сына. Едва его статный силуэт растворился в солнечном сиянии, Робин проснулся, но долго лежал, не открывая глаз, и вспоминал все, что сказал ему отец.

«Никто, кроме тебя, не может принять решение, как тебе поступить. Помни: нет ничего проще сбиться с Пути в погоне за благами этого мира, но вернуться на Путь, когда ты получишь эти блага, невероятно тяжело. Практически невозможно. Единственное истинное сокровище каждого человека – это его душа. Все остальное – титулы, богатство и власть – суета, если они нужны тебе ради тщеславия или гордости. Наш род – один из семи Посвященных родов. Мы хранители Средних земель, мы не вправе оставлять этот край без своей защиты. Мой долг перешел к тебе, теперь ты стал правителем всех Посвященных воинов, призванных беречь Средние земли. Ты волен делать то, что считаешь нужным, но твой долг все равно останется при тебе».

Открыв глаза, Робин увидел в дверном проеме темнеющую синеву неба. Оказывается, он проспал остаток ночи и еще целый день. Снаружи Эдрик разводил костер, возле него верте-

лась Клэрэнс в предвкушении ужина: сестренка любила поесть. Рядом сидела Тиль и отчаянно зевала. Робин вышел из сарая и присоединился к ним.

Поглощая нехитрый ужин, он задумчиво смотрел в глубь пламени и вспоминал каждое слово, сказанное отцом. Тоска и боль покинули его сердце, уступив место светлой печали.

– Пора, лорд Робин! – сказал Эдрик, убирая в седельную сумку остатки ужина. – Путь до Пограничья неблизкий, а лесами и бездорожьем и того дальше. Думаю, без засад не обойдется, да уж, видно, такова наша участь. Или все-таки в Скарборо?

Робин медленно покачал головой и поднял на Эдрика глаза, полные спокойной и твердой решимости.

– Ни в Пограничье, ни в Скарборо, Эдрик.

Эдрик застыл, глядя на него с недоумением.

– Куда же мы отправимся? – только и смог он спросить, окончательно запутавшись в намерениях Робина.

– Моя судьба в Средних землях. Если я вынужден ждать смерти короля Генриха, то могу это делать с равным успехом в любом месте и ни у кого не искать покровительства.

– Средние земли опасны для вас! – запротестовал Эдрик, но Робин холодно пожал плечами. – И где вы намерены укрыться? Разве вам известен хоть сколько-нибудь надежный и тайный приют под боком у сэра Рейнолда?

– Полагаю, да, – сказал Робин и легко вскочил на ноги, свистом подзывая коня.

Глава четвертая

Вилл добрался до Йорка, разминувшись с Робинотом всего на несколько часов.

Приехав в дом графа Лестера, он обнаружил там оживление и суету, увидел людей с гербами шерифа Йоркшира. Старший ратник, посмотрев на письмо с печатью Лестера, махнул рукой, предлагая Виллу войти в дом, но Вилл, заведя жеребца в конюшню, задержался у выхода и прислушался к бурному разговору старшего ратника с людьми шерифа, оглядывая двор, где возле стены были сложены тела ратников без какого-либо герба на доспехах.

– Как вы могли подумать, что наш лорд шериф проявит такое неуважение к графу Лестеру? – возмущался один из слуг шерифа Йоркшира. – Вам следовало немедленно послать к нам за помощью! А если бы эти люди не только перебили вас, но и подожгли дом?

– Мне было некогда разбираться, кто ломился в ворота, – с не меньшим возмущением отвечал старший ратник. – Да и как бы я послал за помощью, если на улице ждал целый отряд? Посланца убили бы в ту же минуту. Лучше скажите, почему городская стража так крепко спит? Грохот и крики разносились по всему кварталу, но никто не пришел на помощь. А теперь вы укоряете меня, что я сам защитил дом своего господина?

– Сохрани меня Господь укорять тебя в этом! Напротив, мой лорд будет рад узнать, что все обошлось благополучно, никто не погиб и вы сумели отбиться. Думаю, он попросит тебя не сообщать графу Лестеру о случившемся и будет признателен, если ты выполнишь его просьбу. Но кто же эти люди, у которых хватило наглости прикрыться именем нашего лорда шерифа?

Слуги шерифа Йоркшира склонились над телами, и Вилл, решив, что услышал достаточно, проскользнул в дом. Встав возле окна так, чтобы снаружи его не видели, он наблюдал, как тела выносят на улицу, а слуги Лестера ставят на место ворота, снесенные ночью с петель.

Когда суета во дворе улеглась, старший ратник рассказал Виллу о событиях минувшей ночи. Он не знал, куда Робин отправился дальше, а брат не оставил Виллу никакой подсказки, не то что прямого указания, где его искать. Возможно, Робину было не до того, а может быть, он еще не принял никакого решения. Помня рассказ графа Лестера, Вилл напряженно размышлял: Пограничье или Скарборо? Ему не разорваться на две дороги. Сделав неправильный выбор, он потеряет время и измотает коня, который и так нуждался в отдыхе.

Виллу предложили обед и ночлег. Обед он проглотил так быстро, как мог, а от ночлега отказался. Граф Лестер не был взят под стражу, как утверждали ночью ратники, служившие не шерифу Йоркшира, а шерифу Ноттингемшира, в чем у Вилла не было сомнений. Но пока Вилл был у дяди, тот получил приказ короля, запрещавший ему покидать дом в Лестере под угрозой нового заточения. Значит, и этот дом в Йорке скоро перестанет быть безопасным.

Покинув город незадолго до закрытия ворот, Вилл остановил коня на перекрестке дорог. Одна вела в Скарборо, вторая, если объехать Йорк, на север, в Пограничье, а если оставить город за спиной – обратно в Средние земли. Именно туда, в обратный путь, и отправился Вилл после недолгих размышлений. Ему надо знать, где отыскать Робина, и только один человек, вернее женщина, в силах ему помочь. Леди Рианнон Невилл – Хранительница, верная помощница графа Альрика во всех его делах. Если она скажет, что Робин нашел приют в Пограничье, он поедет на север, если брат отбыл на континент – дальнейший путь тоже станет понятным.

Покачиваясь в такт мерной рыси жеребца, Вилл и думать не мог, что проехал всего в миле от сарая, где в тот час спал его брат!

Целью Вилла был Фледстан – резиденция Невиллов, в которой ему доводилось бывать несколько раз. Гилберт Невилл и его жена леди Рианнон были частыми гостями в Веардруне. Их сын Реджинальд дружил с Робинотом и Виллом, а леди Рианнон, навещая валлийскую родню, неизменно брала с собой в Уэльс не только сына, но и обоих братьев Рочестеров. Год назад

граф Альрик и барон Гилберт подписали договор об обручении Робина с Марианной, дочерью сэра Гилберта и леди Рианнон. Венчание было назначено на день, когда невесте исполнится шестнадцать лет.

Едва он назвал стражникам свое имя, как ворота Фледстана распахнулись перед ним. Окинув двор замка быстрым взглядом, Вилл сразу понял, что в замке что-то нарушило обычное течение жизни. И ратники, и слуги – все были очень молчаливы и чем-то подавлены. Вилла встретил не сам Гилберт Невилл, а Реджинальд.

Ровесник Робина и Вилла, товарищ обоих братьев с детских лет, высокий, черноволосый, с глазами цвета чистого серебра, Реджинальд ничуть не походил на сакса, кем был его отец, а казался чистокровным валлийцем, унаследовав черты матери. Эльфийский принц – так его прозвали в Веардруне с легкой руки Робина, таким он сейчас и предстал перед Виллом.

– Прости, что отец не может сам принять тебя, но он сейчас вообще никого не принимает, – сказал Реджинальд, крепко пожимая руку Вилла. – Какие новости, Вилл? О Робине известно хоть что-нибудь?

По этому вопросу Вилл понял, что если леди Рианнон и знает, где Робин, то сыну она это знание не открыла. Многие знания таят излишние печали. За обедом Вилл рассказал Реджинальду обо всем, что знал сам. Реджинальд внимательно слушал, и его печальное лицо стало задумчивым и еще более печальным.

– Значит, Робин жив, но где он, неведомо, – подытожил Реджинальд, когда рассказ Вилла подошел к концу. – К счастью, не только тебе или мне. Три дня назад к нам наведывался под надуманным предлогом сэр Рейнолд и, в чем я теперь точно уверен, надеялся найти здесь Робина. Ему ведь тоже известно о помолвке Робина с моей сестрой. Он даже пытался отговорить отца, ссылаясь на то, что Марианна мала для брака. Глупый довод! Сэр Рейнолд боится, что союз Робина и Марианны усилит влияние Рочестеров в Средних землях, да и во всем королевстве. Тебе повезло, что ты разминулся с шерифом Ноттингемшира.

– А ты можешь узнать, где сейчас Робин? – спросил Вилл, многозначительно посмотрев на Реджинальда.

Тот отрицательно покачал головой.

– Я пытался, Вилл, и не раз. Природа молчит. Либо он слишком далеко от наших мест, либо опасность, грозящая ему, так велика, что все – и ветер, и деревья, и камни – оберегают его, храня о нем молчание. Думаю, причина в последнем. Они и о тебе не предупредили. Значит, и ты в большой опасности.

За обедом не было ни сэра Гилберта, ни леди Рианнон. Не зная, что заставило лорда Невилла избегать чьего-либо общества, о причине печали леди Рианнон Вилл догадывался, но был уверен, что она захочет увидеть его и у нее он сможет узнать о Робине, попросив ее обратиться к Дару Хранительницы. Но прежде чем спросить Реджинальда о матери, Вилл осторожно поинтересовался, отчего все, кого он увидел во Фледстане, ведут себя так, словно в замке объявлен траур.

– Траур и есть, – тяжело вздохнул Реджинальд и, вскинув на Вилла ставшие совсем невеселыми глаза, сказал: – Вчера умерла моя мать.

Вилл застыл как громом пораженный, не сводя с Реджинальда ошеломленных глаз.

– Леди Рианнон умерла?! Так внезапно? Что с ней случилось?

Реджинальд усмехнулся непонятной усмешкой и, высоко подняв голову, посмотрел вдаль мимо Вилла.

– Ничего, о чем бы ты не знал или не догадывался. Воспользовалась правом, дарованным всем Девам: уйти следом за своим Воином. Ведь им был твой отец, не так ли?

Они обменялись быстрыми взглядами, и Вилл ничего не сказал Реджинальду в ответ.

– Она впала в сильное волнение, когда граф Альрик уехал в Лондон, твердила, что ему грозит беда, а она не успела предупредить его. Когда во Фледстан прибыл посыльный шерифа

с вестью о гибели графа Альрика, я испугался за нее, зная, что их связывало. Но мать стала абсолютно спокойной, занималась обычными делами, и я понадеялся, что все обойдется, – тихо говорил Реджинальд. – Не обошлось. Три дня назад у нее началась горячка, а вчера к ночи...

Он умолк на полуслове и, покачав головой, пристукнул кулаком по столу.

– Ей следовало помнить о Марианне! Сестра еще так мала, чтобы остаться без матери.

– Не осуждай ее, Редж, – с грустью откликнулся Вилл. – Нам не представить силу тоски и боли, которая их охватывает с нашим уходом. Наверное, она велика, иначе бы у Дев не было подобного права.

– Я и не осуждаю. Меня заботит сестра, Вилл. Я уже взрослый, отец, надеюсь, возьмет себя в руки и справится с горем. Сейчас он заперся в своих покоях и не хочет видеть никого, даже меня и Марианну. Он очень сильно любил мать, не мог на нее надышаться. Но Мэриан... Она все время плачет и спрашивает, в чем она провинилась, что матушка оставила ее. Думаешь, мне легко утешать ее, не открывая всей правды?

– Думаю, нет, – вздохнул Вилл, – а для правды она слишком мала.

– Да, и очень любит отца. Ей и так тяжело, а правда может разбить ее сердечко и смутить разум. К тому же с нее станется отправиться с вопросами к отцу, не удовольствовавшись моими словами. Она ведь любопытная, как сорока. А если отец услышит ее вопросы да еще узнает, что они вызваны моими словами, я даже представить себе не могу, что тогда будет.

Помолчав, Вилл сказал, вложив в слова всю силу убеждения, на которую только был способен:

– Редж, между твоей матерью и моим отцом никогда не происходило ничего предосудительного, что могло бросить хотя бы тень на них самих и честь твоего отца.

– Я и не сомневался в этом, – печально усмехнулся Реджинальд. – Оба были достаточно крепки духом, чтобы, зная о своем предназначении друг другу, не поддаваться влечению в полной мере. Но пережить уход графа Альрика мать все-таки не смогла.

– Как ты узнал о предназначении? – спросил Вилл.

Реджинальд пожал плечами.

– А ты как узнал? Довольно было хотя бы раз увидеть, как они смотрят друг на друга! Не понимаю, почему леди Маред не воспрепятствовала помолвке, а потом и браку моих родителей, зная, что мать – Дева твоего отца? Я как-то спросил ее, а она очень резко ответила, что это не моего ума дело, дескать, я и так знаю больше, чем она рассчитывала. Наверное, у нее были весомые причины стоять в стороне от сговора деда с моим отцом, зная, что она обрекает дочь на невыносимую тоску. Ведь Дева всегда сердцем отыщет своего Воина, что и случилось.

– А твой дед Йоред отдал руку дочери твоему отцу...

– Отец спас его на охоте, когда деда едва не убил кабан. В благодарность дед предложил отцу все, что тот пожелает, и отец пожелал его дочь в жены: он уже тогда был влюблен в нее. Дед не мог отказать, раз уж дал слово, да и не видел причин для отказа. Но бабка, леди Маред, могла повлиять на его решение, я уверен! Но не вмешалась.

В залу вошла служанка и, склонившись к Реджинальду, негромко и тревожно сказала:

– Лорд Реджинальд, сожалею, что помешала вам и вашему гостю, но леди Марианна отказывается ложиться спать, пока вы не придете к ней! Она опять плачет.

– Вот видишь! – вздохнул Реджинальд и поднялся из-за стола. – Извини, Вилл. Я дождусь, пока она уснет, и приду к тебе. Мы еще поговорим.

Он пришел в комнату, предоставленную Виллу, почти к полуночи: очевидно, маленькая Марианна никак не могла успокоиться и заснуть, отпустив брата. Они проговорили до середины ночи. Вспоминали прошлое: беззаботные дни, детские и юношеские проказы. Настоящее было тягостным и тревожным, но они не могли не вернуться к нему в разговоре.

– Я очень надеюсь, что Робину удастся сбить со следа ищеек сэра Рейнолда, – сказал Реджинальд. – Все-таки с ним Клэр. Хранительница нашего поколения, своими знаниями и предвидением она сумеет помочь Робину избежать ловушек шерифа.

– Нет, не поможет, – мрачно ответил Вилл и, поймав удивленный взгляд Реджинальда, нехотя пояснил: – Дар пришел к ней немногим больше года назад, и Клэр отвергла его. Испугалась. Наше поколение ослепло, Редж, оставшись без Хранительницы. Клэр теперь ничем не отличается от обычной девочки ее лет.

– Плохо, – после долгого раздумья сказал Реджинальд, – это очень плохо для нас. С нашим поколением и так что-то неладно. Нас очень мало, а теперь добавилась и потеря Хранительницы! Ты знаешь, что она выбрала в защитники меня?

– Можешь забыть об этом, – хмуро усмехнулся Вилл. – Она сделала выбор в преддверии Дара. Отринутый Дар больше к ней не вернется. Думаю, она уже позабыла, что избрала тебя в защитники и супруги. Ей ведь больше не нужен защитник из круга Посвященных.

Реджинальд вспомнил белокурую голубоглазую девочку, которая, забравшись к нему на руки, шепнула:

– Я хочу, чтобы ты женился на мне и защищал меня. Ты ведь сделаешь это?

– Конечно! – ответил он, зная, кто она, и польщенный ее выбором.

Их не обручили подобно Робину и Марианне, но Реджинальд считал себя связанным словом и намеревался в ближайшее время поговорить с матерью, чтобы та убедила и отца, и графа Альрика заключить новый договор – об обручении его и Клэренс. Теперь же не было ни матери, ни графа Альрика, а девочка, которую он три года считал своей нареченной, скиталась по дорогам вместе с братом, и по их следам шли убийцы.

Вилл сказал, что утром покинет Фледстан, и Реджинальд неохотно, но согласился с ним. Как ему ни хотелось провести с Виллом больше времени, он понимал, что лишний час пребывания во Фледстане грозит тому опасностью быть схваченным слугами шерифа.

– Я выведу тебя из замка через тайный ход, – сказал он, – и поменяю коня. Твоему жеребцу нужен долгий отдых. Я осмотрел его: он так изнурен, что сейчас ни на что не годится.

Как ни жаль было Виллу расставаться с конем из Веардруна, он понимал, что Реджинальд прав: ему нужна новая лошадь, полная свежих сил. Только конюшни Фледстана могли сравниться с конюшнями Веардруна, и Вилл был уверен, что Реджинальд подберет ему лучшего коня.

Оставшись один, Вилл не раздеваясь прилег на кровать и, закрыв глаза, мысленно позвал леди Рианнон. Хранительница, ушедшая в Заокраинные земли, могла откликнуться на его зов, и она откликнулась. Ласковое, теплое, воздушное прикосновение ко лбу – и такой же ласковый тихий оклик:

– Вилл?

– Леди Ри, – чуть слышно отозвался Вилл, не открывая глаз. – Леди Ри, неужели ваша боль была так нестерпима?

В ответ послышался вздох и грустный смешок.

– Я не найду слов описать ее так, чтобы ты понял. Нестерпима – слишком мягко, Вилл. Знаю, что безмерно виновата перед сыном и дочерью – особенно дочерью! – и все же я рада, что здесь для меня все закончилось. Но ты ведь позвал меня, чтобы спросить о другом.

– Да. Я не могу найти Робина, но должен, леди Ри. Вы в силах помочь? Знаете, где он? Куда направляется?

После недолгого молчания Вилл услышал:

– Домой. Твой брат решил вернуться домой.

– В Веардрун?! – Вилл едва не соскочил с кровати.

– Нет. Домой – значит в Средние земли, Вилл. А куда именно, я не знаю. Он пока хранит тайне от всех свой путь, даже от тех, кто сейчас рядом с ним. Возможно, он сам еще точно не

знает, где будет искать пристанище, но его решение вернуться в Средние земли мне известно. Это все, что я могу ответить на твой вопрос. Всем сердцем желаю удачи тебе и ему!

Вилл хотел спросить об отце, но почувствовал, что рядом уже никого нет, и крепко зажмурил глаза, удерживая непрошенные слезы. Он мог передать отцу, что молит его о прощении, но не успел.

Реджинальд разбудил его, едва начало светать.

– Идем, я провожу тебя по тайному ходу, в конце которого тебя ждет оседланный конь, – сказал он. – Тебе не стоит задерживаться во Фледстане: если хотя бы один из наших людей – соглядатай шерифа, ратники сэра Рейнолда скоро будут здесь.

Вилл был согласен с ним, но попросил разрешения попрощаться с леди Рианнон. Печально кивнув, Реджинальд проводил Вилла в часовню Фледстана.

– Я подожду тебя снаружи, прослежу, чтобы никто не вошел, пока ты здесь.

Вилл понял, что Реджинальду тяжело находиться в часовне, где на траурном постаменте лежит его мать. Подойдя ближе, Вилл посмотрел на леди Рианнон. Ее прекрасное лицо всегда казалось ему выточенным из камня. Прежде – теплого, светящегося изнутри, сейчас – белого и холодного, как мрамор.

Можно тысячу раз напоминать себе, что Посвященные воины и Девы не умирают, а покидают земной мир ради иного, наполненного солнечным светом летнего дня, но сердце все равно будет сжиматься от боли и тоски по тем, кто ушел. Отец, теперь леди Рианнон... Позавчера она еще была здесь, в этом мире, задышалась от боли, вчера разговаривала с ним, как если бы наконец исцелилась от тяжелой болезни, с умиротворением и невероятным облегчением. А что сегодня? Потом? Здесь ты оплакиваешь тех, кто ушел. А там не болит ли сердце за тех, кто остался?

Но Вилл не смел осуждать леди Рианнон за решение уйти: он мог представить силу боли, которая терзала ее сердце. Он знал, как глубоко она любила его отца, как отец любил ее. Знал, случайно оказавшись свидетелем их разговора.

Они не заметили его – ни отец, ни леди Рианнон. Он пришел в библиотеку раньше них и сидел в кресле с высокой спинкой, углубившись в книгу, когда они вошли – сначала она, следом за ней отец – и стали горячо убеждать друг друга всего в шаге от Вилла, но не видя вокруг никого и ничего. Вилл, слушая их разговор, невольно вжался в кресло и старался сидеть неподвижно, чтобы не выдать себя даже малейшим шорохом, так что у него от напряжения онемели мускулы.

Страстный приглушенный голос отца:

– Я больше так не могу, Риан! Разлука, встреча, снова разлука! Ты нужна мне каждую минуту! Мне мало знать, что ты есть, мне нужно, чтобы ты всегда была рядом!

Тихий вздох, потом такой же приглушенный и бесконечно печальный голос леди Рианнон:

– Альрик, я и так стараюсь задерживаться в Веардруне как можно дольше и, возвращаясь во Фледстан, мыслями, сердцем, душой все равно остаюсь с тобой!

В голосе отца явственно зазвучали гневные нотки. Бессильный гнев на Судьбу, обрекшую на любовь, но отказавшую в союзе с любимой.

– Возможно, тебе этого достаточно, Риан. Мне – нет! Помнишь, мы с тобой прошлым летом были в Уэльсе, и твоя мать, вспомнив, что наступает Купальская ночь, сказала: этой ночью всем позволено все? Сколько раз я сожалел, что отринул ее намек!

Ответный гнев, а потом мольба, жаркая мольба леди Рианнон, которая боролась не с графом Альриком, а с собой.

– Столько же, сколько я гордилась тобой, тем, что ты не принял ее подаяния! Милый, любимый, единственный, я все отдала бы за то, чтобы стать твоей женой, но это невозможно! Прошу тебя, смирись, прими то, что есть, что только и может быть!

Резкий холодный смешок:

– Смирение? Ты знаешь сама: оно мне не свойственно!

Бесконечное ледяное спокойствие в ее ответе:

– Хорошо. Тогда скажи, что будешь по-прежнему уважать и меня, и себя, если я стану твоей любовницей. И если ты скажешь «да»...

Молчание, долгое молчание. Казалось, оно никогда не закончится, а потом Вилл услышал в голосе отца отзвук именно того свойства, присущность которого ему самому граф Альрик только что яростно отрицал:

– Нет... Ты права, во всем права, моя Дева. Я унизил бы тебя преступной связью и, оскорбив твоего мужа, утратил бы уважение и к себе. Прости, любимая, я измучил тебя. Мне не следовало заводить этот разговор. Прости!

Звук быстрого поцелуя, стремительный шелест платья – леди Рианнон почти бегом вышла из библиотеки, тяжкий вздох, вырвавшийся из самой глубины сердца отца, а потом его спокойный, уже обычный голос:

– Сын, я надеюсь на твою деликатность!

Вилл с трудом выбрался из кресла и посмотрел на него несчастными глазами.

– Отец, у меня и в мыслях не было подслушивать!

Граф Альрик легким взмахом руки прервал его извинения.

– Знаю. Я сам виноват: не сразу заметил тебя. Надеюсь, она тебя не увидела. Ей и так нелегко, чтобы она отяготила себя еще и чувством стыда.

Все время, пока граф Альрик говорил с Виллом, он неотрывно смотрел на дверь, за которой скрылась леди Рианнон. А Вилл точно так же не сводил полных сочувствия глаз с отца, пытаясь найти слова, которые могли послужить утешением. Почувствовав его мучительные поиски нужных слов, граф Альрик усмехнулся:

– Не старайся. Все равно что искать лекарство для того, кто смертельно ранен. Не знаю, что лучше: изведать любовь или вовек не узнать ее!

Граф Альрик перевел взгляд на Вилла, словно ждал ответа на свои последние слова, и Вилл честно попытался ответить. Но что он знал о любви? Сладкий сироп куртуазных романов не шел ни в какое сравнение с ярко полыхавшим огнем, о котором ему довелось случайно узнать. Глядя на обескураженное лицо сына, граф Альрик рассмеялся, ласково взъерошил ему волосы и ушел из библиотеки.

Погруженный в воспоминания, Вилл не сразу заметил, что он не один в часовне. Его чуткий слух поймал слабый шорох, а сам он почувствовал устремленный на него взгляд. Отведя глаза от лица леди Рианнон, он увидел возле постамента девочку в траурных одеяниях. Все время, пока Вилл находился в часовне, она стояла на коленях, опустив голову и прижавшись лбом к руке леди Рианнон, потому он заметил ее, только когда она подняла голову и посмотрела на него в упор. Темное покрывало сбилось с ее головы, открыв россыпь светлых волос. Встретившись с девочкой глазами, Вилл вздрогнул: на него взглянула словно сама леди Рианнон. Светло-серебристые большие глаза, опущенные длинными, слипшимися от слез ресницами, неотрывно смотрели на Вилла с требовательным ожиданием. Вилл догадался: эта девочка и есть маленькая леди Марианна – сестра Реджинальда и невеста Робина. Должно быть, она до рассвета пришла в часовню втайне от всех, даже от брата.

Вилл подошел к ней, преклонил колено, чтобы его лицо оказалось вровень с лицом девочки, и ласково провел ладонью по ее голове, одновременно поправляя сбившееся покрывало.

– Прими мои соболезнования, маленькая леди, – тихо сказал он.

Ее лицо было опухшим от пролитых слез, и в серебристых глазах тоже переливались слезы. Но девочка резким движением ладони вытерла глаза, не позволив слезам пролиться.

– Благодарю, милорд, – ответила она хрипловатым голосом. – А теперь не могли бы вы удалиться?

Гордая, понял Вилл. Хочет плакать, но не желает, чтобы он видел ее слезы. Понимающе кивнув, он улыбнулся ей и поднялся на ноги, еще раз погладив маленькую Марианну по голове. Она увернулась из-под его ладони и вновь прильнула лбом к руке матери.

– Утешьтесь, маленькая леди, – сказал Вилл, не в силах смотреть на это безмолвное, но такое глубокое горе. – Ваша матушка сейчас в лучшем мире.

– Мне все так твердят, – услышал он приглушенный голос девочки, – и я верю в это. Но она там, а я-то здесь. Пожалуйста, милорд, оставьте меня наедине с моей матерью.

Не выдержав, она все-таки заплакала – беззвучно, но Вилл увидел, как затряслись ее хрупкие детские плечи. Уважая гордость и сочувствуя скорби маленькой девочки, он молча вышел из часовни.

– Там твоя сестра, – сказал он Реджинальду.

– Знаю, – ответил тот, – она, как проснулась, сразу попросила отвести ее к матери. Сейчас провожу тебя и вернусь за ней.

Реджинальд провел Вилла по коридору, из которого они вошли в комнаты, анфиладой переходившие одна в другую. По легкому аромату жасмина, витавшему в воздухе, и убранству комнат Вилл догадался, что это покои леди Рианнон. В самой дальней комнате Реджинальд подошел к стене, повернул кольцо для факела, и стена отошла в сторону, открыв темный провал хода.

Они спустились по лестнице, прошли по длинному коридору. Хотя их окружала сплошная темнота, Реджинальд уверенно шел вперед и вел с собой Вилла, придерживая его за локоть. В конце коридора путь им преградила стена, которая открылась точно так же, как и та, что была в комнате. Они вышли и оказались внутри небольшого каменного строения. Реджинальд толкнул ладонью деревянную дверь, та легко распахнулась, и Вилл увидел прозрачный зимний лес. Рядом переминался с ноги на ногу рослый гнедой жеребец. Реджинальд отвязал поводья от дерева и вложил их в ладонь Вилла.

– Не знаю, когда сумею вернуть его, – признался Вилл.

– Не заботься об этом, – рассмеялся Реджинальд. – Тот, что остался, ничуть не хуже. Ему надо лишь отдохнуть.

Они крепко обнялись, и Реджинальд, выпустив Вилла из объятий, дружески похлопал его по плечу.

– Удачи тебе, Вилл! Обязательно передай Робину привет от меня и не забудь прислать весточку о том, что ты нашел его.

– Непременно, – улыбнулся Вилл и легким быстрым движением вскочил на коня. – Спасибо тебе за все!

Простившись с Реджинальдом, он повел коня резвой рысью по дороге, ведущей назад, к Йоркширу. Не зная в точности, куда направлялся Робин, но веря, что он возвращался в Средние земли, Вилл просто поехал брату навстречу, надеясь, что на этот раз не разминется с ним. Убранный в ножны тяжелый Элбион хлопал по ноге, напоминая о долге, который Вилл принял на себя.

В первый день пути он никого не встретил: ни брата, ни ратников шерифа. Дорога была на удивление безлюдной и мирной, и Вилл подумал, что Робин был прав, решив вернуться в Средние земли. Сэр Рейнолд его тут явно не ждал, наверное, ведя розыск в северном направлении. Вечером следующего дня Вилл решил сделать остановку в Хольдернесе, чтобы покормить коня и самому поесть горячей пищи. За ночь, проведенную в лесу, где защитой от холода служил только плащ, он продрог.

Несмотря на поздний час в селении царило необычайное оживление. На улицах стояли люди и переговаривались, стараясь приглушать голоса. Все это сильно напомнило Виллу

Локсли в тот день, когда пришла весть о гибели графа Альрика. Завидев незнакомого всадника, люди тут же замолкали, провожая Вилла настороженными, подозрительными взглядами, и он не стал спрашивать, что случилось, решив узнать обо всем на постоялом дворе. Туда он и направил коня.

Привязав жеребца к коновязи, Вилл вошел в трапезную, и его оглушил гул голосов. Хозяин постоялого двора, казалось, едва расслышал заказ Вилла, все время отвлекаясь и пытаясь встрять в разговоры постояльцев и жителей селения, зашедших промочить горло.

– Что у вас стряслось? – наконец спросил Вилл, когда хозяин принес ему вместо мясного рагу монашеский ужин из тушеных овощей.

Хозяин заметил свою оплошность и крикнул от досады, но тут же догадался, что новый гость не знает о недавних событиях, взбудораживших весь Хольдернес, а значит, он найдет в этом госте благодарного слушателя. Поэтому он поторопился принести Виллу заказанное им рагу и сам наполнил его кубок элем.

– Ты и впрямь ничего не знаешь? – уточнил он, горя нетерпением поделиться удивительными новостями.

Вилл покачал головой, и хозяин, не дожидаясь приглашения, уселся за стол напротив него.

– Ох, тут такое случилось, что весь Хольдернес не может обрести покой целый день!

– Это я заметил, – отозвался Вилл, ожидая продолжения.

Хозяин перегнулся к нему через стол и, понизив голос, сказал:

– Позор, парень! Позор на весь Хольдернес! Среди нас нашелся презренный негодяй, который польстился на деньги и продал шерифу Ноттингемшира молодого графа Хантингтона!

Вилл поперхнулся и поднял голову. В сузившихся янтарных глазах юноши полыхнуло такое пламя, что хозяин едва не заслонил лицо рукой.

– Граф Хантингтон был в Хольдернесе? Когда? – переспросил Вилл. – Его увезли в Ноттингем? Или... убили?!

– Позволь, я расскажу тебе все с самого начала! – взмолился хозяин, не догадываясь о чувствах, которые охватили Вилла при мысли, что Робину все-таки не удалось избежать смерти или плена, грозившего той же смертью. – Вчера утром сюда приехал юноша в сопровождении угрюмого, всем недовольного мужчины и двух маленьких девочек. У них хромала одна из лошадей, и они хотели перековать ее. А кузнец как на грех накануне выдавал замуж дочь и напился до звезд в глазах. Пришлось им ждать, пока он проспится, и они сняли у меня комнату наверху, попросив подать обед прямо туда, а в трапезную спускаться отказались.

– Это ты выдал его?! – не выдержал Вилл, готовый убить собеседника за чересчур обстоятельный рассказ.

– Упаси меня Господь! – возмутился хозяин. – Я и знать не знал, кто он. А если бы знал, то скорее откусил бы себе язык, чем выдал любого из Рочестеров, тем более молодого графа! От покойного графа Хантингтона мы видели только добро!

– Что было потом? – нетерпеливо оборвал его Вилл.

– А потом было вот что: к полуночи в Хольдернес нагрянули ратники шерифа. Они едва не спалили мой дом вместе с гостиницей, требуя, чтобы граф вышел к ним и сдался! Оказалось, молодого графа еще утром кто-то признал и ради награды помчался к слугам шерифа.

Хозяин сделал паузу, глотнул эля из кубка, к которому гость не притронулся, и Вилл схватил его за руку.

– Да говори же! – почти прорычал он.

– Я помог графу Хантингтону спастись, – с важностью ответил хозяин, и у Вилла вырвался глубокий вздох облегчения. – Из моего погреба есть лаз в лес. Его обустроил еще мой отец. Он всегда говорил мне: «Джон, попомни мои слова! Осторожность никому не мешала, и однажды ты вспомнишь меня добром за этот лаз!»

«Все, – с отчаянием подумал Вилл, – сейчас я его придушу».

Словно услышав мысленную угрозу юноши, хозяин поторопился закончить рассказ.

– Только я захлопнул за ними дверь погреба, как ратники ворвались в дом. Конечно, они никого не нашли, хотя все обыскали, даже под столы заглянули, перевернули каждый дом в Хольдернесе, но уехали с пустыми руками. А я тайком переправил лошадей в лес, где меня ждал граф, и даже сумел подменить ту, что хромала, на одну из лошадей ратников, пока они не давали спать всем в селении. Граф обнял меня и горячо поблагодарил, а его охранник дал мне серебряный шиллинг, представляешь?

Хозяин с гордостью показал Виллу зажатую в ладони монету, которую, наверное, не выпускал с той самой минуты, когда получил ее от Эдрика. Вилл молча положил перед ним на стол такой же серебряный шиллинг. Хозяин, удивленный щедростью гостя, чей ужин стоил в десятки раз дешевле, осуждающе покачал головой.

– Убери, сынок, и впредь никогда не хвались богатством. Непристойно, да и недобрые люди могут прознать, что у тебя водится серебро, и тогда не сносить тебе головы!

– Это не плата за ужин, – ответил Вилл, взял со стола монету, вложил в его ладонь и почти насильно сжал его пальцы. Понизив голос, он потребовал, настойчиво глядя в глаза собеседника: – Расскажи в точности, как давно ты распрощался с графом Робертом, а главное – покажи место, где вы расстались!

Добродушное лицо хозяина тут же преобразилось, в глазах мелькнуло подозрение. Он оглянулся по сторонам, готовый бросить клич и указать на Вилла как на еще одного пособника шерифа.

– Я не служу сэру Рейнолду, – предупредил его намерение Вилл, решив открыться, лишь бы получить сведения, которые помогут найти Робина. – Молодой граф Хантингтон – мой единокровный брат. Я ищу его уже вторую неделю.

Хозяин быстро обыскал взглядом лицо Вилла и, обнаружив несомненное сходство с Робинсом, сам удивился, что не догадался сразу, какой гость сидит напротив него. Вновь оглянувшись по сторонам уже с настороженностью и опаской, он взял Вилла под руку и увлек к дверям.

– Лорд Уильям! – прошипел он Виллу на ухо, – если это и вправду вы – а это вы! – то зачем же вы показываетесь в людных местах? Вы же очень схожи с братом! Садитесь на коня и подождите меня на южной окраине Хольдернеса. Я мигом, как только дадут сигнал тушить огни!

Вскочив в седло, Вилл галопом погнал коня по улице к воротам. В этой спешке не было никакой надобности: ему все равно придется ждать, пока хозяин постоялого двора явится к назначенному месту встречи. Но Вилла переполняла радость. Вдохнув воздух полной грудью, он едва не рассмеялся. Робин жив, их разделяет всего половина суток! Теперь отыскать брата – вопрос внимательности и нескольких часов.

Он не успел истомиться в ожидании, когда из ночной темноты на крепком муле показался тот, кого он ждал, и кивком указал Виллу следовать за ним. Он привел Вилла на лесную поляну, земля которой была истоптана конскими копытами: Эдрик слишком торопился, чтобы успеть замести следы.

– Вот здесь мы простились с графом Робертом, лорд Уильям. Куда направился ваш брат, мне, конечно, неизвестно. Но вы, несомненно, отгадаете его намерения лучше меня. Сохрани Господь и Святая Дева вас обоих! Средние земли осиротели без Рочестеров!

Простившись со своим проводником, который спешил вернуться в селение, Вилл зажег смолистую ветку и тщательно осмотрел поляну. Конечно, следы лошадей обрывались возле ручья. Вилл, помня осторожность и предусмотрительность Эдрика, и не рассчитывал, что отыщет Робина всего лишь по отпечаткам копыт. Поэтому он не огорчился, а пошел вдоль ручья в одну сторону, потом вернулся и пошел в другую, пока наконец не нашел едва заметную для глаз

тонкую веточку, обломанную на такой высоте, как если бы всадник задел ее плечом. Определив направление, Вилл вскочил на коня и погнал его рысью по середине ручья, чтобы самому не оставить следов.

Ветка погасла, и Вилл решил все-таки заночевать в лесу, чтобы не измучить коня дорогой в сплошной темноте. Он мог найти новую ветку, способную послужить факелом, но огонь привлечет внимание, если он окажется рядом с проезжей дорогой. Ослабив подпругу, Вилл привязал жеребца к дереву, закутался в плащ и привалился спиной к большому, поросшему мхом камню.

Этой ночью он так и не сумел заснуть. Его лихорадило от нетерпения увидеть Робина. Дождавшись рассвета, он отправился в путь, внимательно глядя по сторонам. Как бы ни был Эдрик предусмотрителен, но Вилл, его воспитанник, уже во многом не уступал своему наставнику. Поэтому он заметил и место привала, где Эдрик и Робин останавливались для краткого отдыха, и даже нашел обрывок ленточки из косы Тиль или Клэрэнс. Ободренный находками, которые свидетельствовали, что он на правильном пути, Вилл торопил коня.

Судя по направлению, они двигались к Рэтфорду. Но почему туда? Покопавшись в памяти, Вилл вспомнил, что в Рэтфорде жил двоюродный дядя Эдрика, полгода назад скончавшийся в весьма преклонном возрасте. Значит, Эдрик решил найти приют в его доме – если не постоянный, то хотя бы временный, для отдыха.

Решив сократить расстояние, Вилл выбрался из леса на дорогу и пустил коня вскачь. Лошадей из Фледстана нахваливали недаром: конь мчался выпущенной из лука стрелой, и когда солнце еще только выглянуло огненной кромкой из-за синей гряды леса, Вилл уже подъезжал к стенам Рэтфорда.

Миновав ворота, он погнал коня резвой рысью к дому покойного родича Эдрика, предвкушая, что еще несколько минут – и он наконец-то обнимет Робина. Но, не доехав всего несколько ярдов, Вилл резко осадил жеребца.

У дома толпились люди и гомонили без умолку – так же, как накануне в Хольдернесе. Спрыгнув с коня, Вилл привязал его к скобе, вбитой в стену, и подошел ближе.

– Что здесь произошло? – спросил он у пожилого булочника, чей фартук был обсыпан мукой, словно тот прибежал прямо от кадки с тестом.

– Не знаю, парень, – ответил булочник, мельком глянув на Вилла. – Говорят, кого-то убили. Видишь, сколько ратников?

Вилл и сам заметил, что двор был полон ратников с гербом Ноттингемшира. За спиной раздались крики с требованием расступиться и освободить дорогу. Толпа раздалась, и к воротам прогарцевали еще трое ратников, сопровождавших человека в более дорогом облачении. Вилл бросил взгляд на его лицо и по застывшей на нем спесивой маске безошибочно угадал начальника городского гарнизона.

Вновь прибывшие спешили и торопливо зашли в дом. Через несколько минут командир гарнизона показался в дверях и остановился на пороге, в задумчивости похлопывая перчаткой по ладони.

– Как я могу быть уверен, что это молодой граф Хантингтон? – громко спросил он.

У Вилла похолодело в груди. Неужели он опоздал?

– Если бы кто-то видел его прежде... – неуверенно протянул один из ратников.

– Если бы! – недовольным тоном передразнил командир гарнизона. – Где же я сыщу того, кто знал молодого графа?

Вилл понял, что как ни тяжело будет заглянуть в лицо брата, но если именно Робин сейчас лежал в доме, он все равно должен это сделать. По крайней мере, он хотя бы позаботится о погребении Робина, раз уже не сумел вовремя оказаться рядом с ним.

– Мне доводилось видеть Роберта Рочестера, – сказал он, и хотя его голос был негромким, Вилла услышали все.

Командир гарнизона впился в него взглядом и поманил к себе. Ратники расступились, и в полной тишине Вилл вошел в дом. В двух шагах от порога лицом вниз лежал мертвый юноша, продолжая сжимать в ладони рукоять меча.

Это был меч Робина, но Вилл не поддался порыву отчаяния и продолжал внимательно рассматривать убитого. Цвет волос чуть светлее, но то же сложение, что у Робина, тот же рост. Вилл заметил под рубашкой на плече юноши окровавленную повязку, и его сердце болезненно сжалось. Вульфгар сказал, что Робин был ранен при осаде Веардруна. По знаку Вилла два ратника подхватили юношу и перевернули на спину, открыв лицо. Вилл задохнулся от волнения и с трудом сохранил бесстрастное выражение лица. Убитый не был Робинем! Глядя на застывшее лицо юноши, Вилл гадал, кто же это, почему его приняли за Робина и убили?

Но для вопросов было неподходящее время. Мгновенно овладев собой, Вилл решил, что более удачной возможности остановить охоту на Робина не представится.

– Да, – уверенно сказал он, – это и вправду Роберт Рочестер.

Ратники тут же оттолкнули его в сторону и принялись наперебой поздравлять командира, которого ждала похвала шерифа Ноттингемшира и щедрая награда, обещанная за жизнь графа Хантингтона.

– Я сейчас же отправлю гонца к сэру Рейнолду! – сказал начальник гарнизона.

– А тело? – спросил один из ратников, и Вилл снова напрягся.

Если убитого юношу доставят в Ноттингем, обман сразу раскроется, и шериф возобновит поиски. К его облегчению, командир ратников, небрежно поморщившись, ответил:

– Не стоит возиться. Да и покойник все-таки граф. Заройте его на кладбище, только не отмечайте место, чтобы сторонники Рочестеров не нашли его и не попытались перезахоронить.

Ратники с готовностью поволокли убитого, взяв его за руки и за ноги. Вилл с горечью проводил взглядом того, кто по роковой случайности принял смерть вместо Робина. Но главное, сэр Рейнолд получит известие о гибели молодого графа Хантингтона и не увидит тела, а значит, не узнает, что Робин жив. Вопрос командира гарнизона заставил его очнуться.

– Что ты хочешь себе в награду за помощь?

Вилл молча указал на меч, выпавший из ладони юноши, когда ратники поднимали тело с пола.

– Дорогое оружие! – хмыкнул командир гарнизона. – Но ты заслужил. Забирай!

Подобрав меч Робина, Вилл вернулся к коню. Выбравшись из города, он медленной рысью поехал прочь от Рэтфорда. Брат в очередной раз избежал гибели, но где искать его теперь? После долгих раздумий Вилл был вынужден признать, что потерял след Робина – и уже без всякой надежды обнаружить его вновь.

Глава пятая

Вилл вернулся в Локсли.

Перебросившись с матерью несколькими скупыми словами и убедившись, что она выглядит лучше, чем была, когда он покинул ее, Вилл ушел к себе. Проводив сына взглядом, Барбара тяжело вздохнула. Она не спросила, чем увенчались поиски брата: ответ был написан на потемневшем от усталости лице Вилла и в его мрачных глазах.

Элизабет была в родительском доме, когда узнала о возвращении Вилла, и немедленно примчалась к Барбаре.

– Приехал?! – с порога спросила она, впившись в Барбару взглядом, полным надежды.

Та кивнула в ответ.

– Как он?

– Плохо, – вздохнула Барбара, – едва на ногах стоит от усталости, а в глаза страшно смотреть. Ты бы сходила к нему, девочка. Он сейчас в своей комнате. Голоден, а от ужина отказался. Может быть, тебе удастся хоть немного приободрить его.

Элизабет не надо было просить дважды. Барбара еще не закончила говорить, а она уже летела вверх по лестнице. Проскользнув в спальню Вилла, Элизабет увидела, что он сидит на кровати, оперев локти в колени и уронив голову на сомкнутые руки. Весь он был олицетворением усталости и отчаяния. Элизабет на цыпочках подошла к нему, опустилась на колени и мягко отняла ладони Вилла от его лица. Он посмотрел на нее, и она с болью в сердце заметила, как темны обычно ясные золотистые глаза: словно солнце заволокла снежная туча.

– Я не нашел его, – одними губами сказал Вилл, глядя на Элизабет, но едва ли видя ее, – не сумел. Где он, что с ним, жив ли в эту минуту – не знаю!

– Конечно, лорд Робин жив! – уверенно заявила Элизабет. – Даже не сомневайся! Ты обязательно найдешь его. Уговори лорда Робина приехать сюда, в Локсли. Здесь его никто не будет искать. А сейчас тебе надо помыться с дороги и поесть хоть немного. Ты очень устал, Вилл! Не отдохнув, ты не сможешь продолжить поиски. Я сейчас скажу, чтобы для тебя грели воду, и приготовлю ужин.

Вилл наконец посмотрел на нее узнающим, прояснившимся взглядом и молча кивнул. В его глаза вернулся янтарный, сродни солнечному, свет, и Элизабет улыбнулась от радости.

Спустившись вниз, она велела слугам наносить и согреть воды, а сама принялась собирать для Вилла ужин. Глядя на ее снующую легкую фигурку, сосредоточенное деловитое лицо, Барбара снова подумала, что не могла бы пожелать себе лучшей невестки. Но то, что и раньше было очень сомнительным, теперь стало совсем невозможным. Если Робин все-таки погиб, Вилл заступит на место брата и предъявит права на отцовское наследство. В этом Барбара, зная сына, не сомневалась. Не ради тщеславия, а ради того чтобы не дать врагам графа Хантингтона одержать полную победу над Рочестерами. Если ее сын добьется признания его наследником графа Альрика, – а он приложит к этому все силы! – Элизабет никогда не стать женой Вилла, графиней и госпожой Веардруна.

Служанка, ходившая сказать Виллу, что лохань для купания наполнена теплой водой, вернулась со словами, что Вилл просил принести ужин к нему в комнату.

– Я отнесу! – с готовностью откликнулась Элизабет и принялась составлять посуду с едой на поднос.

Барбара очень внимательно посмотрела на нее и сочла нужным предупредить:

– Будь осторожнее, Лиззи!

– Я справлюсь! – рассмеялась Элизабет, решив, что Барбаре поднос показался слишком тяжелым.

Подхватив его, она стала подниматься по лестнице, аккуратно ступая, чтобы не споткнуться. Барбара проводила ее долгим взглядом и грустно усмехнулась. Юная наивная девушка не поняла: Барбара сомневалась вовсе не в силе ее рук.

Когда Элизабет принесла еду в комнату Вилла, он уже был там, успел вымыться, переодеться в чистую одежду и теперь вытирал полотенцем голову. Поставив поднос на стол, Элизабет подошла к нему и перехватила из его рук полотенце.

– Давай я тебе помогу! – сказала она и принялась любовно высушивать его мягкие влажные волосы.

Вилл замер, потом медленно обнял Элизабет и притянул к себе. Накрыв губами ее рот, он долго целовал девушку, чувствуя, как в нем нарастает неодолимое желание слиться с тонким, нежным телом, трепетавшим в его объятиях, и хотя бы на час забыть ужас и боль последних дней. Элизабет отвечала на поцелуи с такой готовностью, которая еще сильнее повергала Вилла в волнение. К счастью, она вспомнила об ужине и высвободилась из его рук.

– Еда остывает! Садись скорее за стол!

Вилл так и сделал. Указав Элизабет взглядом сесть напротив, он взял ложку и попросил:

– Пока я ем, расскажи, как все шло здесь, пока меня не было.

Не чувствуя вкуса ароматной наваристой похлебки, Вилл ел, не сводя глаз с Элизабет, и слушал ее рассказ. Она говорила, как возликовало все селение, когда до Локсли дошли известия о том, что Робину удалось спастись. Сама же Элизабет старалась как можно больше времени проводить с матерью Вилла и неизменно оставалась ночевать с ней. Несколько дней Барбара лежала в постели, молчала и отказывалась от еды. Но потом приехал Вульфгар, рассказал, как повстречался с Виллом, как они похоронили графа Альрика, и тогда Барбара впервые заплакала. Слезы принесли ей облегчение, она наконец-то встала с кровати, занялась хозяйством, но по ночам Элизабет неизменно слышала, как Барбара приглушенно плачет в подушку, повторяя имя графа Альрика.

Вилл вздохнул и угрюмо задумался: не слишком ли приукрашивают любовь и менестрели, и простые люди? Что обрела мать, полюбив графа Хантингтона? Несколько месяцев счастья быть рядом с ним, но счастья, замутненного горечью, как вино осадком. Покинув Веардрун, Барбара видела графа Альрика всего дважды! Первый раз, когда он приехал в Локсли и обнаружил, что у него есть еще один сын, и второй – через несколько дней, когда он вернулся за Виллом, чтобы забрать его в Веардрун. И все. Считанные месяцы, считанные дни – и бесконечная тоска, к которой теперь добавилась такая же беспредельная скорбь. Потом он вспомнил отца, леди Рианнон и неосознанно покачал головой. Никакой радости любовь в себе не таит и не стоит того, чтобы о ней твердили без умолку и – тем более! – воспевали в самых изысканных словах и мелодиях.

Вилл допил эль, и Элизабет принялась собирать со стола пустую посуду, составляя ее на поднос. Ее рука случайно соприкоснулась с рукой Вилла, и он мягко перехватил запястье Элизабет, вынул из ее пальцев пустую чашку и поставил на стол. Элизабет встретилась с ним взглядом, он молча поднялся из-за стола и, не сводя с нее глаз, обвил руками стан девушки.

Голод был утолен, желания тела вернулись и вспыхнули с новой силой. Вилл напомнил себе, что собирался быть честным с Элизабет, и мысленно дал себе слово отпустить ее, как только поймет, что теряет власть над собой.

– Поцелуй меня, милая, – попросил он, глядя в темные доверчивые глаза Элизабет, – сама поцелуй, как я тебя целовал.

Она обвила руками его шею, прильнула высокой грудью к его груди и дотронулась губами до его губ, приоткрывшихся в ответ. Ее неискушенные, неумелые поцелуи оказались для него очень сладостными. Никогда прежде, целуя женщин, он не испытывал такого чувства, словно соприкасаются не губы, а души. Сам того не заметив, Вилл подчинил губы Элизабет своим, стал целовать ее страстно, едва позволяя ей вздохнуть. Он обхватил ее всю и крепко прижал

к себе. Он целовал бы и целовал ее, но собственное тело начало диктовать ему свою волю, и Вилл с огромным трудом напомнил себе о данном обещании.

– Теперь уходи, Лиз, – резко сказал он, расцепив сомкнутые на ее стане руки, и даже слегка оттолкнул от себя. – Поторопись, девочка! Чем скорее уйдешь, тем быстрее окажешься в безопасности.

Его глаза потемнели, он неотрывно смотрел на Элизабет, и она поняла, о какой опасности шла речь. Но она также почувствовала, что, отстраняя ее, он не хочет, очень не хочет, чтобы она ушла. И тогда Элизабет решилась.

– Я могу остаться с тобой.

Вилл вздрогнул как от ожога, его глаза сузились, в них полыхнул темный огонь.

– Ты хорошо понимаешь, о чем говоришь и что предлагаешь мне? – спросил он внезапно охрипшим голосом.

– Да, – одними губами сказала Элизабет и услышала в ответ резкий короткий смешок.

– А как же тот, за кого ты однажды выйдешь замуж? Он вправе рассчитывать на твою девственность. Не лучше ли тебе приберечь невинность для мужа?

Вот он и сказал то, что она всегда боялась услышать, и прежде всего – от него самого. Но разве она и раньше не понимала, что он не намерен жениться на ней, а если бы и пожелал, то ему все равно бы не позволили? Все эти печальные мысли не отразились на нежном лице Элизабет, когда она ответила Виллу:

– Я хочу подарить невинность тому, кого люблю всем сердцем. Тебе, Вилл! Помнишь, прежде чем уехать, ты спросил, твоя ли я?

– Нет, не помню, – честно ответил Вилл после секундного раздумья.

Конечно, о чем он мог помнить, убитый известием о смерти отца, стгорая от тревоги за брата? Но Элизабет помнила, и она сказала:

– Это неважно. Я все равно твоя, Вилл!

Он долго стоял неподвижно, потом вновь обнял ее и, склонив голову, прижался лбом к ее лбу.

– И ты не станешь упрекать меня? – услышала она его шепот. – Не обвинишь в том, что я соблазнил тебя?

– Нет, – прошептала она и ответно обвила руками его стан.

Вилл с силой притянул Элизабет к себе и заскользил губами по ее лицу, овеивая его горячим дыханием.

– Тогда оставайся, не уходи!

Его руки проворно расплели ее косу, разметали по плечам Элизабет, пропуская шелковистые пряди сквозь пальцы.

– Какие же у тебя красивые волосы! – с восхищением прошептал Вилл. – Прикастаться к ним – ни с чем несравнимое удовольствие, а уж зарыться руками!..

Он попытался расшнуровать ее платье, но запутался в завязках. Элизабет, смущенно рассмеявшись, отстранилась и принялась раздеваться сама. Сбросив одежду, она нырнула под покрывало и укрылась до шеи, стесняясь своей наготы. Вилл же раздевался при ней без всякого стеснения. Когда он, полностью обнаженный, повернулся лицом к Элизабет, она тихо ахнула от восхищения, зачарованная его красотой.

Сельская жительница, она и прежде видела нагих мужчин, когда парни пугали девушек при купании в озере, мужчин, обнаженных до пояса, когда те умывались, вернувшись с работ. Но никто из них не мог и близко сравниться с Виллом. Он был очень строен и удивительно соразмерен. Фигура крепкая, но не кряжистая, как у деревенских парней, широкие плечи не ссутулили тяжелый деревенский труд. Постоянные ратные занятия, упражнения с оружием вылепили его тело, под кожей на руках мускулы плавно выступали, а на груди и животе лежали широкими твердыми пластинами. Опустить взгляд ниже Элизабет не осмелилась.

– Тебе не надо брони, – сказала она. – Ты выглядишь так, словно без всяких доспехов способен одержать верх над любым противником!

– Так нас и учили, – рассмеялся Вилл, подходя к кровати.

Он лег рядом с Элизабет и стянул с нее покрывало, несмотря на робкий протест.

– Не прячься, – сказал он. – Дай мне полюбоваться тобой!

Его взгляд медленно заскользил по телу Элизабет, не упуская ни одной мелочи, и теперь уже Вилл не смог сдержать восхищенного вздоха.

– Ты настоящее сокровище, Лиз! В жизни не видел такой красавицы, как ты.

Он вскинул на нее глаза и, не отрывая взгляда от лица Элизабет, медленно заскользил ладонью вдоль ее тела. Заметив, как задрожали ее ресницы, а потом и она вся, Вилл ласково улыбнулся:

– Боишься?

– Немного, – судорожно глотнув, призналась Элизабет.

– Не бойся, – ответил Вилл. – Сотню раз говорил тебе: ничего и никого не бойся рядом со мной. Я тебя не обижу и никому в обиду не дам.

Учитывая, что она была невинной девушкой, то, что он собирался делать, иначе как обидой назвать было трудно. Но ни он, ни она в эту минуту так не считали. Элизабет вскинула руки, обвила шею Вилла и пригнула его голову к своему лицу.

– Хочешь, чтобы я поцеловал тебя? – с улыбкой спросил Вилл.

– Да, – сказала она.

– С радостью, Лиз! Меня об этом не надо просить. Ты еще устанешь от моих поцелуев!

До этой ночи он никогда не имел дела с девственницами. Любовный опыт Вилла ограничивался ночами, проведенными в объятиях бойких и доступных служанок в Веардруне, которые были рады угодить сыну графа и не требовали от него церемонности. Элизабет была другой. Она представлялась Виллу нежным бутонем, медленно распускавшим лепестки от его ласковых прикосновений и поцелуев. Как ни бунтовало его тело, настаивая на немедленном удовлетворении, Вилл понимал, что Элизабет требует бережности и неторопливости, и он ласкал ее со всей нежностью, на которую был способен. Когда она начала лнуть к нему уже без страха, его сдержанность иссякла и он наконец позволил себе поддаться жгучему, как огонь, желанию.

Элизабет пискнула, как птенец, попавший в лапы кошки, и Вилл, задышавшись, поймал губами ее возглас.

– Я знаю, милая, знаю, что тебе сейчас больно, – прошептал он. – Пожалуйста, Лиззи, потерпи немного!

Она судорожно кивнула и обняла его дрожащими руками. Если делить постель с мужчиной означает подобное терпение, Элизабет поняла мать, которая иной раз будила детей шепотом, когда просила отца оставить ее в покое. Но Вилл был таким нежным, так сожалел о причиненной им боли, что Элизабет расслабилась и только вздрагивала под его сильным телом. А он старался двигаться медленно и осторожно и крепко стискивал зубы, обуздывая собственное тело, которое рвалось в стремительный натиск.

Наконец Вилл замер, прижавшись к Элизабет и крепко обхватив ее руками. По его горлу пробежал сдавленный стон, он обмяк и уронил голову в россыпь светлых волос.

– Девочка моя! – услышала Элизабет задыхающийся шепот.

Вилл медленно разжал руки и перелег на бок, освобождая Элизабет от своей тяжести. Она тоже повернулась на бок лицом к Виллу и обвила рукой его стан. Несколько минут они лежали молча. Когда дыхание Вилла успокоилось и стало ровным, Элизабет робко спросила:

– Тебе понравилось?

Не услышав ответа, она подняла глаза и столкнулась с его золотистыми глазами, в которых плавал теплый медовый туман. По его губам пробежала улыбка, он провел ладонью по ее голове и сказал со всей искренностью:

– Мне было очень хорошо с тобой, очень! – помедлив, Вилл с усмешкой добавил: – Чего, наверное, не скажешь о тебе.

– Нет, нет! Мне тоже было хорошо! – заверила Элизабет.

Вилл улыбнулся сонной улыбкой и, глядя в ее глаза, сказал:

– Никогда не лги мне, Лиз. У тебя все равно не получится солгать, а вот разочаровать меня лукавством сумеешь.

– Я не лгу! – горячо возразила Элизабет и, поймав его взгляд, смущенно поправилась: – Ну, почти.

Вилл тихо рассмеялся, набросил на себя и на нее покрывало и обнял Элизабет так, что она вся уместилась в его объятиях.

– Ты был таким нежным и добрым со мной! – прошептала Элизабет и услышала в ответ резкий смешок.

– Нежный и добрый? Впервые слышу о себе подобный отзыв! Нет, Лиззи, – Вилл глубоко вздохнул, крепче прижав к себе Элизабет, – будь я добрым, то отпустил бы тебя.

Она еле слышно вздохнула, угадав в его словах предупреждение, что эта ночь между ними ничего не изменит. Вилл понял ее вздох иначе и прошептал, целуя Элизабет:

– В следующий раз тебе не будет больно. Обещаю!

От этих слов сердце Элизабет наполнилось радостью. Значит, он не отстранит ее, раз сказал, что будет другой раз. Ничего больше ей не надо было. Она бросила взгляд в окно. Еще не поздно вернуться домой, избежав вопросов отца и матери. Но, чтобы подняться с кровати, надо высвободиться из рук Вилла, а он уже спал, и она не хотела будить его. Да и уходить от него не хотела. Оставив неприятные мысли на утро, Элизабет прильнула к Виллу, устроилась головой на его плече и уснула.

Элизабет спала, прижавшись к Виллу спиной, когда его руки вновь ожили и стали гладить ее. Протолкнув колено между ее ног, он снова овладел ею, и она не воспротивилась, напротив, теснее прильнула к нему. Он двигался медленно, словно сам пребывал в полусне, но она услышала его шепот:

– Все еще больно?

Помня его строгий наказ не лгать, Элизабет честно ответила:

– Почти нет.

Она и вправду испытывала только слабое жжение и скорее боялась боли, чем чувствовала ее. К ее удивлению, глубоко внутри она ощутила непонятное томление, повинувшись которому, стала поддаваться движениям Вилла. Он тут же задвигался быстрее и резче, но прежде чем боль вернулась, она услышала отрывистый вздох, а его руки крепко сковали ее, прижав к себе так, что она поняла смысл выражения «единая плоть». Вилл не только остался любимым, он стал родным.

– Девочка моя! – услышала она его нежный голос, когда он заскользил поцелуями по ее голове. – Ты сама не знаешь, какое утешение даровала мне! Сейчас мне кажется, я не выжил бы этой ночью, не останься ты со мной.

Глубоко растроганная его признанием, Элизабет поцеловала Вилла и украдкой посмотрела в окно. Ночную темноту начали рассеивать предрассветные сумерки.

– Мне пора возвращаться домой, – сказала она робко и нерешительно, очень надеясь, что Вилл скажет в ответ: «Элизабет, отныне тебе незачем покидать мой дом».

Но Вилл молча убрал руку, которой ее обнимал. Неслышно вздохнув, она встала с кровати, надела платье и заплела волосы в косу.

– Приходи, когда справишься с домашними делами, – сказал Вилл, и сердце Элизабет вновь подпрыгнуло радостной птичкой.

К счастью, улицы селения оставались безлюдными, и, никого не встретив, она юркнула во двор собственного дома, а потом и в сам дом. Элизабет надеялась, что везение продлится и родители будут спать, но удача покинула ее, едва она переступила порог. Младшие братья и сестры еще спали, но мать уже возилась у очага, а отец сидел за столом и поглощал нехитрый завтрак. При виде старшей дочери Томас поднял голову и мельком посмотрел на нее, а мать спросила:

– Где ты была, Лиззи? Почему не ночевала дома?

– У госпожи Барбары, – ответила Элизабет, очень надеясь, что родители удовольствуются таким ответом.

Она не в первый раз оставалась ночевать в доме Барбары, пока Вилл был в отъезде, и мать действительно ничего не заподозрила.

– Ей все еще неможется? Как она? Говорят, лорд Уильям вчера вернулся?

Прежде чем Элизабет успела ответить, раздался негромкий голос отца:

– Вернулся, значит? В чьей же постели ты сегодня спала, дочь?

Сказать правду было невозможно, а лгать Элизабет не умела. Во всяком случае, ей никогда не удавалось прибегнуть к спасительной лжи ни с отцом, ни с Виллом. Казалось, они оба видят Элизабет насквозь. Поэтому она промолчала, но густо залилась румянцем, который и стал красноречивым ответом. Усмехнувшись, Томас указал дочери на место напротив себя.

– Садись. Съезен, дай ей поесть.

Мать поставила перед Элизабет миску с творогом и украдкой погладила дочь по голове. Она еще ничего не поняла, но по голосу мужа почувствовала, что вот-вот разразится гроза. Так и вышло. Томас стукнул кулаком по столу и гневно сказал:

– Что ты ее оглаживаешь?! Ей надо косу выдрать, а не гладить. Решила, что стала взрослой и можешь шляться по ночам?!

Элизабет молча повозила ложкой в твороге, не поднимая глаз на отца. Томас, наоборот, не сводил с дочери сурового взгляда.

– Когда же свадьба, Лиз? – осведомился он делано ласковым тоном.

Элизабет заставила себя поднять голову, встретила с отцом глазами, и Томас усмехнулся ей в лицо.

– Никогда! И ты сама это знаешь, дурочка. Он никогда не женится на тебе. И раньше бы не женился, а теперь – тем более. Если его брат граф Роберт все-таки погиб, то он с полным правом может претендовать на наследство Рочестеров, включая графский титул. И он сделает это, а все Средние земли поддержат его, лишь бы наследницей не признали малолетнюю девочку, с чьей рукой титул отойдет Бог весть кому. Ты и прежде не была ему ровней, а уж если он станет графом!..

Элизабет подавленно промолчала. Томас обернулся к жене, которая растерянно комкала фартук, и громко сказал:

– Что же ты стоишь, Съезен? Неси эль – у нас сегодня праздник. Старший сын покойного графа Альрика и, возможно, будущий граф Хантингтон удостоил своей благосклонности твою дочь. Это стоит того, чтобы радоваться!

– Пожалуйста, отец, не сердись! – взмолилась Элизабет, глотая слезы. – Я люблю его!

Взгляд Томаса выразил острое сожаление.

– Девочка! Любовь – блажь для знати, но не для простых людей, как твоя мать, я и ты сама. Останься ты честной девушкой, вышла бы замуж, нарожала бы детишек, вела бы свой дом. А кто ты теперь? Девка. И знаешь, что самое печальное для тебя? Ты ею и останешься – его девкой. Этот парень, как я его понимаю, никому не отдаст то, что считает своим. Вот и

тебя он станет держать при себе, как на привязи. Даже когда женится на равной ему девице, тебя не отпустит. Тебе по сердцу подобная доля?

Элизабет низко склонила голову, роняя крупные слезы в нетронутый творог. Мать, не выдержав, сочувственно и ласково погладила ее по плечу. Томас долго смотрел на светлую макушку Элизабет – ее лица он не видел, а потом тяжело вздохнул.

– И теперь я не смогу помешать ему. Запри я тебя дома, он и сюда явится за тобой, а в драке я против него не выстою и минуты. Да и как я посмею поднять руку на сына графа, а может быть, и будущего графа? – иронично усмехнулся Томас, но тут же стал серьезным, даже мрачным и резко сказал как отрубил: – Запомни одно, Элизабет: опозоришь меня его ублюдком – выгоню из дома и забуду, что ты моя дочь.

Барбара под утро слышала, как скрипнула лестничная ступенька под легкими шагами, как почти беззвучно открылась и закрылась дверь. Она догадывалась, кто так старался остаться незамеченным, но решила удостовериться окончательно и поднялась в комнату сына.

Вилл уже был на ногах и умывался, кивком поприветствовав мать. Барбара подошла к распахнутой постели, словно чтобы поправить ее, и не слишком удивилась, заметив на простыне пятна крови. Она обернулась к Виллу и увидела, что он стоит неподвижно, высоко подняв голову, и не сводит с матери жестких прищуренных глаз. В эту минуту он был очень похож на графа Альрика и всем своим видом словно предупреждал, что не потерпит ни единого упрека.

– Тебе виднее, Вилл, – только и сказала Барбара, снимая с кровати простыню и постилая свежую, – но запомни, сынок: распоряжаться своей судьбой куда проще, чем чужой.

Вилл ничего не ответил и спустился в трапезную, где служанка накрыла стол к завтраку. Всю первую половину дня имя Элизабет ни разу не прозвучало в разговорах матери и сына. Но когда Элизабет пришла в их дом после полудня, Барбара заметила, как тут же смягчилось лицо Вилла. На губах появилась улыбка, глаза засветились солнечным янтарем. Сама Элизабет выглядела как обычно и ничуть не казалась удрученной. Чем бы она ни занималась по дому, Вилл неизменно оказывался рядом с ней. Они то и дело встречались глазами и улыбались друг другу. Ну и пускай, подумала Барбара, что случилось, то случилось. Если ни Вилл, ни Элизабет не огорчены, то к чему ей сокрушаться?

Вилл намеревался следующим утром снова отправиться на поиски Робина, поэтому обстоятельно занимался сборами. Осмотрев коня, он отвел его к Эрику, чтобы тот поменял одну из подков, вызывавшую у Вилла сомнение в ее надежности. Элизабет собирала съестные припасы и, укладывая их в седельную сумку, грустила при мысли о новом расставании с Виллом. Солнце почти зашло за лес, когда примчался Джон, сам не свой от волнения.

– Вилл! Робин приехал! – прямо с порога закричал он. – Твой брат только что приехал в Локсли!

Забыв обо всем, Вилл опрометью бросился на улицу, следом за ним – Джон и Элизабет. К господскому дому со всех сторон бежали люди. Обступив дорогу, они замирали на обочинах, замолкали, а мимо них в мертвой тишине ехали Эдрик и Робин. Кони спотыкались на каждом шагу от усталости. Перед Робиним в седле сидела маленькая Клэрэнс и крепко спала, прижавшись к брату. Спала и Тиль, сидевшая на конском крупе у отца за спиной. Вилл заметил, что лицо брата было серым от усталости и Робин держался в седле скорее силой духа, чем тела. Потемневшие глаза скользнули по толпе, по лицу Вилла, и тот понял, что брат не заметил его среди прочих жителей Локсли.

Остановив коня, Робин спрыгнул с седла, снял так и не проснувшуюся Клэрэнс и с сестрой на руках, ни на кого не глядя, вошел в дом. Эдрик тоже спешил, но прежде чем последовать за Робиним, обвел собравшихся людей суровым взглядом.

– Я привез к вам моего и вашего лорда – графа Хантингтона. Не обманите мое доверие! Те, кто погубил графа Альрика, рыщут по всем дорогам в поисках лорда Робина, чтобы убить и его. Никому не говорите, даже на исповеди, что граф Хантингтон нашел приют в Локсли.

Взяв на руки дочь, Эдрик ушел в дом следом за Робинот. Постояв в молчании, люди начали расходиться. Вилл стоял неподвижно, не сводя глаз с двери, за которой скрылся брат. Элизабет дотронулась до его локтя и спросила:

– Что же ты не идешь к нему?

– Сейчас пойду, – медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом, сказал Вилл. – Мне только надо взять для него одну вещь.

Он быстро вернулся домой и, оставив Элизабет отвечать на вопросы Барбары, бегом поднялся в свою комнату, достал из сундука припрятанный Элбион и сбросил с него намотанную поверх ножен ветошь. Вернувшись к господскому дому, Вилл собирался толкнуть дверь, как она сама распахнулась и на пороге возник Эдрик. Сложив руки на груди, он привалился плечом к дверному косяку и окинул Вилла очень недобрый взглядом.

– Явился?

– Пропусти меня, – потребовал Вилл, надеясь обойтись без обычной ссоры с Эдриком. – Я должен увидеть Робина.

– Ты должен его увидеть? – повторил Эдрик, не шевельнув ни единым мускулом и по-прежнему заслоняя дверной проем. – С какой же целью, позволь спросить?

– Я принес ему Элбион, – ответил Вилл.

Эдрик бросил взгляд на меч, узнал его, и неприступное лицо наставника смягчилось, но самую малость. Он протянул руку, безмолвно предлагая отдать меч, но Вилл отрицательно покачал головой.

– Нет. Я сам отдам его Робину.

– Сам? – протянул Эдрик и прищурился, не сводя с Вилла глаз. – А почему ты решил, что граф захочет с тобой увидеться?

Вилл промолчал, но его лицо выразило упрямство и решимость настоять на своем. Отбросив притворную сдержанность, Эдрик расшвырялся и прорычал:

– Ах ты паршивый неблагодарный щенок! Где ты был, когда твой отец попал в засаду и встретил свою гибель? Где ты был, когда граф Робин защищал Веардрун? Сидел под юбкой у своей мамы, такой же трусливой, как ты сам?

– Не смей оскорблять мою мать, – ответил Вилл, побледнев от упреков Эдрика.

– Не смей оскорблять ее? Да ее с грязью надо смешать только за то, что она родила тебя, дрянное отродье! Граф Альрик воспитывал тебя наравне с законным сыном, приказал всем именовать тебя лордом, хотя какой ты лорд? В обмен на имя и герб от тебя потребовали всего лишь подписать отказ от сомнительных прав, которые якобы дает твое старшинство, и принести присягу на верность лорду Робину. И что сделал ты? Оскорбил отца, сбежал из Веардруна, проявил отвратительное непослушание, когда он посылал за тобой. Да будь я на его месте, то утопил бы тебя, как топят негодный помет от блудливой суки. Отдай Элбион и убирайся! Граф не станет знаться с тобой.

– С кем ты так решительно говоришь от моего имени? – раздался за спиной Эдрика усталый голос Робина.

Увидев брата, Робин радостно улыбнулся, из синих глаз мгновенно исчезла даже тень усталости.

– Входи, Вилл! – сказал он, отодвигая Эдрика, и тот не посмел воспротивиться настойчивому нажиму ладони Робина.

Проследовав за братом в дом, Вилл, проходя мимо Эдрика, стрельнул в него торжествующим взглядом, и Эдрик, поймав этот взгляд, плюнул в сердцах себе под ноги.

Войдя в трапезную, Робин обернулся к Виллу, накрыл его плечи ладонями и вгляделся в лицо брата откровенно счастливыми глазами.

– Я уже сам собирался идти к тебе! – сказал он.

Вилл, глубоко тронутый словами Робина, порывисто сжал брата в объятиях. Робин непроизвольно охнул, схватился за плечо и вывернулся из его объятий.

– Что с тобой? – встревожился Вилл и тут же вспомнил: – Твоя рана не зажила до сих пор?

Робин уже овладел собой. Осторожно проведя ладонью по раненому плечу, он небрежно махнул рукой.

– Подожди! Я сейчас, – быстро сказал Вилл и бросился обратно на улицу.

Там он увидел маячившую в сумерках стройную девичью фигурку и, признав в ней Элизабет, удивленно спросил:

– Лиз, что ты здесь делаешь? Впрочем, неважно! Беги скорее к Эллен и приведи ее. Скажи, что у Робина рана двухнедельной давности, от стрелы. Быстрее, Лиззи!

Он стоял на пороге, пока Элизабет не вернулась вместе с подружкой. Схватив Эллен за руку, Вилл втянул ее в дом, бросив Элизабет:

– Иди домой, Лиз!

– Ты что, половину селения решил сюда притащить на ночь глядя? – заворчал Эдрик, но Вилл не обратил на его ворчание никакого внимания.

Он привел Эллен к Робину, и тот с удивлением посмотрел на очень юную женщину. Поймав его взгляд, она поторопилась представиться:

– Меня зовут Эллен, ваша светлость, я в Локсли целительница. Мне сказали, вы ранены. Пожалуйста, снимите рубашку, чтобы я смогла осмотреть вашу рану.

Эдрик пренебрежительно фыркнул.

– Целительница?! На губах еще молоко не обсохло, а туда же – целительница! Нет ли кого постарше?

– Весной мне стукнет пятнадцать лет, и, к вашему сведению, я не только побывала замужем, но уже овдовела, – сообщила Эллен.

Ответ не произвел на Эдрика должного, по мнению Эллен, впечатления.

– Пятнадцать лет, и вдобавок почтенная вдовушка! Скажи пожалуйста! – продолжал он насмехаться. – Не думаю, чтобы короткое замужество добавило тебе ума. Или муж тебя нянчил с пеленок?

Робин с видимым усилием стянул рубашку через голову, и Эллен, размотав повязку на его плече, поморщилась.

– Что же вы, сэр Эдрик? Надо мной насмехаетесь, а сами куда глядели? Перевязывали его светлость и не видели, что рана начала воспаляться? Еще немного, и графу пришлось бы отнять руку!

– Я воин, а не лекарь, – буркнул Эдрик. – А ты веди себя пристойнее, женщина!

– Попросить вас принести воды – укладывается в ваше понятие о женской пристойности? – не осталась в долгу Эллен и, достав из сумки узкий нож, протянула его Виллу. – Прокали на огне. Только хорошенько, Вилл! А вы, милорд, пожалуйста, сядьте! Вот хоть на эту скамью.

Склонившись над Робинном, Эллен еще раз, очень внимательно осмотрела рану и тяжело вздохнула.

– Ваша светлость!

– Без светлостей, Эллен, – устало улыбнулся Робин.

– Хорошо. Граф Робин, мне придется открыть рану, чтобы выпустить скопившийся гной, а потом иссечь края, – предупредила она и с сочувствием посмотрела Робину в глаза. – Выдержите?

– Ты с ума сошла? – гневно спросил Эдрик, возвращаясь с водой и услышав, что Эллен говорит Робину. – Думаешь, я позволю учинить тебе над ним такое?

– Делай что должно, Эллен, – ответил Робин. – Я потерплю.

Эдрик угрюмо посмотрел на Эллен, отцепил от пояса флягу и протянул Робину.

– Глотните, милорд. Виски хоть немного умерит боль. Вижу, эта кошка ни в чем себе не откажет, копаясь в вашей ране!

Глаза Эллен сердито вспыхнули. Бросив корпию, она выпрямилась и, уперев кулаки в бока, смерила Эдрика взглядом с головы до ног:

– Вы, сэр Эдрик, остались бы лучше за дверью, не то свалитесь в обморок да расшибете голову невзначай!

– Прикуси язык! – рявкнул Эдрик. – Займись тем, ради чего тебя позвали!

Вилл подал Эллен прокаленный на огне нож, она сполоснула лезвие виски, щедро плеснув из фляги Эдрика, и тихо сказала:

– Вилл, поддержи брата. Если он дернется, я располосую ему все плечо – нож острый как бритва.

Вилл встал за спиной Робина и крепко сдвинул его локти, предупреждая любое, самое малейшее движение. Но Робин не шелохнулся, когда Эллен сделала надрез, лишь скрипнул зубами. Следя за руками Эллен, Вилл сам страдал, словно боль, переносимая братом, передалась и ему. Но Робин мужественно терпел, хотя на его лице обильно выступил пот, а зубы стискивались сильнее и сильнее.

– Все, лорд Робин, все! – ласково прошептала Эллен, промывая вычищенную рану. – Вы молодец! Не ожидала от вас такого терпения! Сейчас я вас перевяжу, а потом приготовлю отвар, от которого боль уменьшится. Иначе вы не сможете спать.

– Не трудись, – сказал Робин, поднимаясь на ноги, когда Эллен наложила свежую повязку, – у меня есть настой, снимающий боль. Помню, я готовил его прошлым летом. Спасибо, Нелли. У тебя легкая рука.

Увидев, как он достал из большого ларца флакон, открыл и отсчитал известное ему количество капель, Эллен удивленно подняла брови.

– Робин несколько лет посвятил изучению медицины, – заметив ее удивление, улыбнулся Вилл, гордый за брата. – Он умеет лечить и болезни, и раны, отменно разбирается в травах, а в приготовлении лекарств ему нет равных! Это признавали все его учителя.

– Он бы больше времени отводил ратным занятиям, чем этакой блажи, – проворчал Эдрик, любовно глядя на Робина. – Все равно сам себе помочь не может. Тебе придется, Эллен, лечить его, пока он полностью не выздоровеет!

Эллен тем временем обводила трапезную задумчивым взглядом и, услышав слова Эдрика, кивнула.

– Думаю, не только лечить. Еще и готовить, стирать, заниматься уборкой. В этом доме нет ни хозяйки, ни служанки. Едва ли, сэр Эдрик, вы сумеете сварить суп, да и девочкам нужен женский пригляд.

– Я смотрю, ты вознамерилась поселиться здесь? – опять рассердился Эдрик.

Робин рассмеялся и, прихватив со стола флягу, подтолкнул Вилла в сторону лестницы, которая вела на второй этаж, где находились спальные комнаты. Они пришли в ту, что служила спальней графу Альрику. Пока Вилл зажигал свечи, Робин взял из ниши в стене два кубка и, сдув с них пыль, наполнил прозрачным напитком. Подав один кубок Виллу, второй он поднес к губам и тихо сказал:

– В память о нашем отце.

– И в память о леди Рианнон, – так же тихо откликнулся Вилл и сделал большой глоток, обжегший горло.

– Как?! И она?! – услышал он возглас Робина и едва заметно кивнул.

Робин посмотрел вдаль почерневшими глазами и усмехнулся с невыразимой печалью:

– Не выдержала тоски, воспользовалась привилегией Дев – уйти следом за своим Воином.

Робин осушил кубок и столкнулся глазами с Виллом.

– Ты знал?

– О том, что отец и леди Ри любили друг друга? Конечно знал. Отец сам рассказал мне, да я и раньше догадывался. Все-таки я много времени проводил в обществе леди Ри, чтобы не заметить ее особенных чувств к отцу. Когда мы были с ней в Уэльсе, а моя мать к тому времени уже умерла, я понял, что леди Ри и отец связаны самым роком. Узнав о гибели отца, я первым делом вспомнил о ней, но надеялся, что она справится. Реджинальд – наш ровесник, но дочь – Марианна – еще совсем мала!

– Кстати, мне довелось увидеть твою невесту, – сказал Вилл, чтобы отвлечь брата от грустных мыслей. – Я ведь, когда искал тебя, заезжал и к Невиллам во Фледстан.

– Правда? – Робин оживился. – Тогда расскажи мне, какая она. Действительно ли так хороша, как меня уверяла леди Ри?

Вилл неопределенно пожал плечами, вспоминая девочку, и рассмеялся.

– Маленькая, заплаканная, очень гордая – она запомнилась мне такой. Особенной красоты я в ней не нашел, но ее личико было распухшим от слез. А вот глазищи и впрямь хороши, в точности как у леди Ри. Когда она вырастет, наверное, будет очень похожа на мать!

– Значит, станет красивой, – улыбнулся Робин и, потеряв интерес к собственной невесте, предложил: – Рассказывай, Вилл! Ты ведь ни дня не сидел дома, узнав, что случилось. Даже до Фледстана добрался!

Они сели за стол напротив друг друга, и Вилл начал свой рассказ. Хорошо зная брата, Робин не удивился упорству, с которым Вилл шел по его следам, и проницательности, с которой он их угадывал. Когда рассказ Вилла дошел до погребения графа Альрика, Робин протянул руку и накрыл ладонь Вилла.

– Ты сделал то, что должен был сделать я сам.

Вилл покачал головой, не согласившись с братом.

– Нет, Робин. Это был мой долг перед отцом. А твой долг перед ним заключался в том, чтобы остаться в живых. Если бы ты пришел туда, где лежал отец, тебя обязательно выследили бы и убили. А ты обязан жить, чтобы однажды над Веардруном вновь взмыл в небо лазурный стяг с белым единорогом Рочестеров.

– Ох, Вилл! – невесело рассмеявшись, Робин откинулся на высокую спинку стула. – Пока жив король Генрих, этому не бывать. Как же долго нам придется ждать этого часа!

– Мыждемся, – уверенно заявил Вилл и, помедлив, спросил: – Граф Лестер сказал, что предлагал тебе примкнуть к принцу Ричарду. Почему ты ответил отказом?

– По нескольким причинам, – вздохнул Робин. – Одна заключается в том, что не только отца, но и меня обвинили в измене перед королем. Если бы я примкнул к мятежу, как советовал дядя Роберт, и занял сторону принца, то тем самым очернил бы имя отца, собственными действиями подтвердив все обвинения. Отец же неизменно оставался верен вассальной присяге, принесенной королю Генриху. Не мне, его сыну, поступаться тем, чем отец не поступился бы ни за какие блага.

– Но ты-то не давал клятвы верности королю Генриху, – возразил Вилл, испытующе глядя на Робина. – Ты не связан с ним обязательствами вассала и сюзерена.

– Да, ты все говоришь верно, – с печалью в голосе подтвердил Робин. – Где-то в глубине души я рад, что ничем не обязан Генриху. Не хочу связывать себя присягой тому, кто внимаает наветам, бездоказательно обвиняет в измене и подстрекает к убийству. Если бы Генрих действительно поверил в подлинность предъявленных ему улик, то призвал бы отца на суд. Тем более что отец в то время как раз был рядом с Генрихом! Но нет. Король разрешает отцу покинуть двор, вернуться в Средние земли, а потом во всеуслышание сожалеет, что нет никого, кто избавил бы его от графа Хантингтона!

– Да, поступил в точности, как с Томасом Беккетом², – мрачно усмехнулся Вилл, – а потом каялся, распростершись на его надгробии, и подставил спину под плети. Может быть, он и сейчас уже сожалеет о гибели нашего отца?

Робин равнодушно передернул плечами.

– Может быть, да, может быть, нет. Не хочу проверять, Вилл. Не потому что опасаясь за свою жизнь, а просто не хочу. Генрих противен мне!

– А другая причина? – спросил Вилл.

– Мне нечего предложить принцу Ричарду, – спокойно ответил Робин. – Ни войск, ни денег, ничего, кроме себя самого. Еще один меч не слишком ценное приобретение, чтобы принц почувствовал себя обязанным. Все наши владения – и в Англии, и в Нормандии, и в Аквитании – Генрих загреб под себя и установил над ними королевскую опеку, объявив нашу сестру королевской воспитанницей, поручив опеку над ней сэру Рейнолду и разрешив тому удерживать в свою пользу четверть доходов от наших владений.

– А три четверти?

– Оставил себе, – усмехнулся Робин. – Наш добрый король Генрих всегда испытывает нужду в деньгах.

– Как же сэр Рейнолд выкрутится, если король прикажет ему представить наследницу Рочестеров? – удивился Вилл.

– Это его головная боль, не моя, – с безразличием к бедам шерифа Ноттингемшира ответил Робин.

– Значит, ты решил ждать кончины короля Генриха. А что потом? Почему ты уверен, что новый король непременно восстановит тебя в правах?

– Я ни в чем сейчас не уверен, – сказал Робин. – Буду думать. Может быть, через Клэр, а может, иначе. Нет, в одном я все же уверен, Вилл. Не знаю, как именно, но, чтобы просить нового короля о справедливости, я должен представлять собой силу, и достаточно внушительную. Тогда король снизойдет к моим требованиям. Как я смогу создать такую силу, у меня пока нет ответа. Но иначе ничего не выйдет.

Вилл помолчал, раздумывая над словами брата, потом сказал:

– Теперь твой черед рассказывать. Но если ты устал...

Робин прервал его взмахом руки и улыбнулся:

– Не настолько, чтобы не поговорить с тобой еще. Я слишком рад видеть тебя, чтобы так быстро расстаться сегодня с тобой!

Вилл слушал рассказ брата, воочию представляя то, о чем говорил Робин. Он увидел его на стенах и во дворе Веардруна, сражающегося с ратниками шерифа, невидимым свидетелем присутствовал при разговоре Робина с сэром Рейнолдом в главной зале Веардруна, сжимал побелевшие от гнева губы, когда сэр Рейнолд в очередной раз наступал на шелковое полотнище с гербом Рочестеров. Он незримо проделал рядом с Робиним весь его долгий и трудный путь по Средним землям и, слушая ровный, размеренный голос Робина, восхищался, каждую минуту восхищался братом.

– А кем был юноша, принятый за тебя и убитый в Рэтфорде? – спросил Вилл, вспомнив погибшего, которого он прилюдно опознал как Робина.

Лицо Робина исказила гримаса боли и нестерпимого стыда.

– Не знаю, Вилл. Он жил в соседнем доме. Наверное, видел меня раньше, потому и узнал. Он ворвался в дом Эдрика со словами, что заметил приближающийся отряд ратников, и я должен бежать, немедленно. Бежать! Я за всю свою жизнь не бегал столько, как за минувшие

---

² Одна из ключевых фигур в английской истории XII века, первоначально канцлер Генриха II, затем архиепископ Кентерберийский. Вступил в конфликт с Генрихом II и был убит, возможно, по наущению короля, на ступенях алтаря Кентерберийского собора.

две недели! А он вдруг взял со стола нож и ткнул острием себя в плечо. Я окончательно понял, что он задумал, когда он схватил мой меч: я не успел пристегнуть ножны к поясу. Сказал, чтобы я поторапливался, а он задержит ратников.

Вилл слушал и недоумевал. Зная Робина, он не мог понять, что заставило брата согласиться с таким предложением – великодушным, но, безусловно, гибельным для того, кто его делал. Робин никогда бы не допустил, чтобы кто-то другой принял удар, предназначенный ему самому, тем более смерть! Следующие слова Робина все разъяснили.

– Я бросился к нему, чтобы отобрать меч и выставить парня за дверь, как Эдрик вдруг изво всех сил хватил меня кулаком по раненому плечу. Очнулся я далеко за Рэтфордом.

Робин замолчал и устало закрыл лицо ладонями. Сопереживая ему, Вилл тем не менее сейчас испытывал к Эдрику неподдельную признательность за спасение Робина.

Теперь, когда они рассказали друг другу обо всем, что с ними произошло за последние две недели, Вилл ждал, что Робин скажет ему то, что говорил Вульфгар: как он был нужен Робину, когда тот защищал Веардрун. Вилл был готов к упрекам, но Робин молчал. И тогда, не смея поднять на брата глаза, Вилл сам заговорил о том, чем изболелось его сердце. Каждое слово давалось ему с невероятным трудом.

– Я безмерно виноват перед вами. У отца я не успел вымолить прощение, но ты, если можешь, прости меня!

Робин вздохнул. Утомившись сидеть неподвижно, он поднялся из-за стола и принялся расхаживать по комнате из угла в угол, накрыв ладонью раненое плечо.

– Не вини себя, Вилл, – сказал он. – Отец передал мне ваш разговор слово в слово. Да, он был очень огорчен и сильно рассержен, но огорчили его твой отъезд и отказ вернуться, а вот сердился он отнюдь не на тебя!

При этих словах Робина Эдрик, который давно стоял у двери, но так, чтобы братья не видели его, раздраженно поморщился и насупил брови.

– Я часто пытался представить себя на твоём месте, – продолжал Робин. – Не уверен, что не поступил бы так же.

Вилл окинул Робина долгим пристальным взглядом и, усмехнувшись, покачал головой.

– Нет, ты бы так не поступил. Мы с тобой братья, внешне очень схожи друг с другом, но в своей сути сильно отличаемся.

– Отличаемся, говоришь? – вздохнул Робин. – И в чём ты нашёл отличие? – Остановившись перед Виллом, он посмотрел брату в глаза. – И ты, и я – мы оба потеряли отца, которого одинаково горячо любили. Оба теперь должны затаиться, беречься от слуг и убийц сэра Рейнолда, оба лишены дома, каким был для нас Веардрун. Вилл и Робин – два йомена из Локсли – вот как теперь мы станем именоваться. Так чем же я отличаюсь от тебя?

Голос Робина был полон такой горечи и бессильного гнева, что у Вилла сжалось сердце. Он тоже поднялся на ноги и, стоя в шаге от Робина, ответил:

– Тем, что из нас двоих истинный правитель, воин и граф – ты, Робин. Ты никогда и никого не принесёшь в жертву собственной гордости, как это сделал я. В тебе нет вспыльчивости, присущей мне. Ты всегда спокоен, разумен и справедлив. В этом я вижу отличие между нами, и нет разницы, где мы с тобой находимся – здесь, в Веардруне или где-то ещё.

Вилл взял со скамьи убранный в ножны меч и подал его Робину.

– Узнаешь?

Робин сдвинул ножны, посмотрел на лезвие, на выбитые на нем рунические знаки и улыбнулся, словно встретил старого доброго друга.

– Элбион!

Его ладонь ласково скользнула вдоль меча, Робин вскинул голову и встретился взглядом с Виллом.

– Я забрал его из руки отца, чтобы передать тебе, – сказал Вилл и, неотрывно глядя Робину в глаза, медленно преклонил колени. – На этом мече я клянусь тебе в верности и приношу вассальную присягу, мой брат и лорд, Роберт Рочестер, граф Хантингтон! Обещаю остаться преданным тебе до самого последнего вздоха, защищать тебя, сражаться рядом с тобой плечом к плечу и отдать за тебя жизнь, если понадобится ее отдать.

Проглотив вспухший в горле комок, Робин положил Элбион на стол и протянул Виллу ладони, в которые тот вложил свои.

– Я принимаю твою клятву и присягу и благодарю за все слова, которые ты сейчас сказал. В свой черед я клянусь тебе всегда помнить свой долг перед тобой, не отступать от него ни шаг и защищать тебя как сюзерен и брат.

Подняв Вилла с колен, Робин поцеловал его в лоб, как старший младшего, и брата, не сдержав порыва, обнялись и неподвижно замерли. Эдрик, уже не таясь, стоял в дверях, смотрел на Робина и Вилла, и в его глазах светилась угрюмая гордость за них обоих.

– Эдрик! – заметил наставника Вилл и выпустил Робина из объятий. Гневно сверкнув глазами, он процедил сквозь зубы: – Ты всегда будешь преследовать меня, словно призрак?!

– Сдался ты мне, упрямый волчонок! – благодушно проворчал Эдрик, но тут же добавил в голос толику строгости: – Если я и призрак, то твоей совести, лорд Уильям! Граф Робин устал! Он едва стоит на ногах и давно уже должен лежать в постели. А ты, похоже, решил уморить его разговорами до утра, раз уж эта ведьма Эллен не докончила его своим лечением?

– Да, Робин, ложись! – не споря с Эдриком, сказал Вилл. – У нас теперь впереди много времени, которое мы проведем здесь бок о бок.

Простившись с Робиним крепким рукопожатием и удостоив Эдрика кивком, Вилл вышел из дома. Ночь была морозная, ясная, и Вилл с наслаждением вдохнул свежий холодный воздух. Торопясь вернуться домой, он едва не прошел мимо фигурки, сжавшейся в комок под накидкой, слишком тонкой для холодной ночи.

– Лиз! – воскликнул он и подхватил девушку на руки. – Что ты здесь делаешь? Ты что, вообще не уходила отсюда?!

– Уходила, – еле слышно ответила Элизабет, выстукивая зубами дробь и едва шевеля онемевшими от холода губами. – Чтобы взять накидку.

– А если бы я пробыл с Робиним до утра? – упрекнул ее Вилл, крепче прижав к груди.

– Я бы, наверное, замерзла, – улыбнулась Элизабет и тревожно заглянула ему в глаза: – Все хорошо?

Вилл понял, что она спрашивает, как его принял Робин, и, успокаивая тревогу Элизабет, кивнул. Чувствуя, как она дрожит, он сообразил, что ее надо немедленно согреть, чтобы эта ночь не закончилась для Элизабет сильной простудой. Когда он нес ее мимо дома родителей, она хотела соскользнуть с его рук, но Вилл не позволил и принес ее в свой дом.

Только поднявшись в спальню, Вилл поставил Элизабет на ноги и скомандовал:

– Снимай с себя все и быстро ложись в постель! Я принесу тебе горячего вина с медом.

– Я сама! – попыталась сказать Элизабет, но Вилл оборвал ее:

– В постель, Лиз! Я не люблю повторять дважды!

Пока он на кухне разводил огонь и грел вино, Элизабет, раздевшись, забралась в постель и закуталась в теплое покрывало. Она немного согрелась, но ее все равно бил озноб: слишком долго она мерзла у дверей господского дома, терпеливо поджидая Вилла.

Вилл подал ей кружку с горячим сладким вином, бесцеремонно отбросил край покрывала с ее ног и взял ступни в свои ладони.

– Как ледышки! – воскликнул он, растирая ноги Элизабет, пока кожа не стала розовой. – Теплее?

– Гораздо теплее! – кивнула Элизабет. – Спасибо, я согрелась.

Поймав выразительный и насмешливый взгляд Вилла, она тут же поправилась:

– Почти согрелась!

– Почти, но не совсем, – усмехнулся Вилл и, забрав опустевшую кружку из рук Элизабет, твердо сказал: – Придется греть тебя самому, чтобы ты окончательно оттаяла.

С таким благим намерением он скинул с себя одежду, нырнул под покрывало и обнял Элизабет, крепко прижав к себе. Вилл согревал Элизабет теплом своего тела, ее лицо – губами. Она ответила на поцелуи, и благие помыслы тут же покинули его. Сам того не заметив, он мягко опрокинул ее на спину и погрузился в жаркую влажную глубину. Элизабет с готовностью приняла его и обвила руками его шею.

– Любимый! – шептала она. – Мой самый любимый! Вилл!

Вилл воспринял ее признания в любви как должное, и они были приятны ему. Теперь, когда его не сжигала тревога за судьбу брата, а Элизабет больше не испытывала боли, он ласкал и ласкал ее в неоднократной близости, пока его тело не наполнилось звенящей легкостью, перелив в Элизабет весь свой жар.

Глава шестая

Первую неделю пребывания в Локсли Робин провел в постели. Рана в плече начала заживать, но его одолевали приступы жара. Эдрик обеспокоился, не подхватил ли воспитанник лихорадку, но Эллен решительно отмела его опасения.

– Лорд Робин не простужен, и никакой лихорадки нет, – уверенно заявила она.

– Тогда почему у него приступы жара, который едва не плавит его, а в перерывах одолевает слабость, так что он с трудом может слово сказать? – сердито хмурил брови Эдрик.

– Из-за перенапряжения сил – и душевных, и телесных – за последние недели. Так бывает, когда человек оказывается в безопасности – и вдруг валится с ног. Вы лучше меня, сэр Эдрик, знаете, что довелось вынести лорду Робину и сколько ему понадобилось для этого сил. Не забывайте, он потерял отца и глубоко переживает его смерть, хотя и держит горе внутри. Ему просто нужен отдых, он поправится.

Эллен переселилась в господский дом с вынужденного согласия Эдрика, понимавшего, что ему не с руки ни вести хозяйство, ни ухаживать за девочками, ни тем более лечить Робина. Эллен готовила для Робина отвары, понижающие жар, которые он безмолвно выпивал и закрывал глаза до следующего ее появления у его постели. Постепенно он начал оживать и, хотя приступы жара, перемежавшиеся слабостью, еще одолевали его, стал наблюдать, как Эллен готовит лекарство, и подсказывать, какие травы надо добавить к тем, что она выбрала. Эллен спорила с Робинем – отчасти искренне удивляясь его указаниям, отчасти ради того, чтобы разговорить его, не дать снова впасть в сонное забытие. Робин смеялся в ответ на ее возражения и охотно объяснял, какой результат принесет добавка той или иной травы к составу, привычному для Эллен.

Клэрэнс и Тиль смогли только однажды провести Робина. Обе девочки были уже совершенно здоровы и, разыгравшись, принялись шуметь и прыгать по кровати. Робин смеялся, обнимал их, но Эллен заметила, как обострились его скулы от усталости и под глазами залегли темные тени. Поэтому она больше не пускала к нему ни сестру, ни ее подружку, наказав обеим набраться терпения и ждать, пока Робин не выздоровеет.

Каждый день к брату приходил Вилл, рассказывал о новостях Ноттингемшира, доносившихся до Локсли, или просто сидел рядом, если заставал Робина спящим. Судя по тому, что становилось известно в селении, затерянном в глуши лесов, Средние земли и Ноттингемшир, их сердце, взбудораженные разгромом Рочестеров, понемногу успокаивались, возвращаясь к обыденной жизни. Глашатаи шерифа разнесли весть о гибели молодого графа Хантингтона, и, слушая Вилла, Робин думал, что чувствует себя странно. Он жив, и в то же время его больше нет. Иногда это чувство приводило его в такое негодование, что если бы не болезнь, он не удержался бы и, вскочив на коня, помчался в Ноттингем, прямо к замку шерифа, чтобы во весь голос прокричать собственное имя, заявить всем, что он – Рочестер и граф Хантингтон – жив.

Воспользовавшись тем, что Вилл подолгу задерживался у постели брата, Эдрик, прихватив с собой Тиль, нанес визит Барбаре. Та, не выказав удивления при появлении неожиданных гостей, ровным тоном поприветствовала Эдрика, угостила Тиль имбирным пряником и подарила ей тряпичную лошадку, когда-то давно сшитую для сына. Узнав, что лошадка принадлежала Виллу, Тиль пришла в неопишуемый восторг и крепко прижала игрушку к груди.

– Лорд Вилл играл с ней? – повторила девочка, не в силах поверить своему счастью. – Не может быть!

– Ну почему же не может? – рассмеялась Барбара и погладила Тиль по косичкам. – Он тоже был маленьким, как и ты.

– Я скоро вырасту, – пообещала Тиль, слегка надув губы.

Не уловив тайного смысла ее слов, Барбара улыбнулась.

– Конечно, вырастешь. Все дети рано или поздно становятся взрослыми. В этом и радость родителей, и печаль.

– Иди поиграй, – велел дочери Эдрик, в отличие от Барбары прекрасно понявший, к чему относилось обещание Тиль вырасти как можно скорее.

Оставшись вдвоем, они сидели за столом напротив друг друга и долго молчали.

– Как здоровье лорда Робина? – прервала молчание Барбара.

– Поправится, – ответил Эдрик. – Его светлость – юноша крепкий и закаленный. Ему нелегко дались последние события.

– Да, – вздохнула Барбара, – горя хватило с избытком.

Ее глаза затуманились печалью, и она не заметила цепкого взгляда, которым ее быстро окинул Эдрик. Ему редко доводилось видеть Барбару. В последний раз, год назад, она выглядела много моложе. В густых пепельно-русых волосах засеребрились седые нити. Эдрик догадывался, что стало причиной и седины, и появившейся сеточки морщин возле глаз, но не подал виду.

– У тебя славная дочка, – сказала Барбара, чтобы что-то сказать. – Есть и другие дети, старше нее?

– Нет, Тиль – единственный мой ребенок, – ответил Эдрик. – Я не слишком торопился с женьбой.

Барбара не стала спрашивать его о причинах, и Эдрик сказал сам:

– Все ждал, что ты образумишься, устанешь жить одна.

Он вперил в нее тяжелый настойчивый взгляд, но она лишь повела плечами и ничего не сказала в ответ.

– Жизнь свела нас в этом селении, где живешь ты и стану жить я, – продолжал гнуть свое Эдрик. – Я вдовец, граф Альрик погиб. Почему бы тебе не выйти за меня?

Барбара удивленно приподняла бровь и посмотрела на него долгим взглядом. Эдрик умел владеть собой. По его спокойному лицу нельзя было угадать, с каким тайным напряжением он ждал ответа. Барбара покачала головой, и вот тут уже Эдрик не выдержал и вспылал.

– Почему опять «нет»? Что во мне так отталкивает тебя, что ты снова отказываешь?!

– Не отталкивает, Эдрик, – устало ответила Барбара. – Не влечет, так правильнее. Смерть Альрика для меня ничего не меняет. Так уж я устроена. А еще у меня есть сын, которому ты испортил немало крови, цепляясь к нему на каждом шагу. Не знаю, что у него вышло с отцом, но уверена, что без твоего вмешательства не обошлось, и теперь Вилл места себе не находит.

Эдрик всерьез разозлился. Его уже попрекали вмешательством в разговор Вилла с отцом и сам граф Альрик, и Робин – а теперь еще и она! Эдрик не считал себя виноватым, он всего лишь указал Виллу на его обязанности перед отцом и братом. То, что парень не умеет держать себя в руках, не его, Эдрика, вина как наставника.

– Твой мальчишка, Бэб, очень упрямый и чрезмерно гордый! В этом все дело, а не во мне.

– А почему он должен прятать глаза? Чего ему следует стыдиться? Чем он заслужил у тебя такую стойкую нелюбовь? – повысила голос Барбара, защищая сына.

Чем! Эдрик и сам не мог ответить, откуда исходит его неприязнь к Виллу. Просто в сердце Эдрика хватало места только для графа Альрика и его законного сына. Виллу, о существовании которого Эдрик узнал много позднее, уголка в его сердце не нашлось.

– Бэб, как бы я ни относился к лорду Виллу, он уже взрослый, – примирительно сказал Эдрик. – Не думаю, что он не примет твоего решения выйти за меня замуж.

– Прежде всего, Эдрик, такого решения не приму я, – оборвала его Барбара, подводя черту под затянувшимся и бесполезным, по ее мнению, разговором.

Эдрик не был злым или мстительным. Но сейчас, когда он, рассчитывая на успех, снова и теперь уже окончательно потерпел неудачу, ему захотелось причинить Барбаре такую же боль, какую в эту минуту испытывал он.

– Говоришь, его смерть для тебя ничего не меняет? – сказал Эдрик, поднимаясь из-за стола, и посмотрел Барбаре в глаза. – Это верно! Он и будучи жив не вспоминал о тебе, едва ты покинула Веардрун, и не вспомнил бы, если бы случайно не столкнулся здесь с твоим сыном. Графиня Луиза была ему доброй супругой, но и не будь ее он все равно никогда не помыслил бы о ни о браке, ни о новой связи с тобой. Не позвал же он тебя, когда овдовел. А все потому, что ты ничего – слышишь? – ничего не значила для него! Так, одна из любовниц, что были и до, и после тебя. Только благодаря лорду Уильяму он помнил о твоём существовании. Да и то, родив ему бастарда, вряд ли ты и в этом была исключением. Просто твоему сыну повезло, а о прочих граф Альрик не знал. Не думал, что ты настолько глупа, раз возомнила о себе невесть что.

В глазах Барбары проступили тяжелые слезы, и Эдрик пожалел о своей жестокости, но просить прощения не стал. Да она и не простила бы ему этих слов. Наверное, в душе надеялась, что граф Альрик хотя бы давно, но любил ее.

– Уходи, Эдрик, – одними губами сказала Барбара. – У тебя славная дочь, я всегда привечу ее в этом доме, но не тебя.

В трапезную вошла Элизабет, и никогда еще Барбара не была так ей рада: при ней Эдрику ничего не оставалось, как уйти.

Вернувшись домой, он столкнулся с Виллом и недовольно нахмурился. Тиль, напротив, просияла и бросилась к Виллу, показывая ему лошадку.

– Смотри! Ее подарила мне твоя матушка. Она рассказала, что ты сам играл с этой лошадкой!

Вилл улыбнулся и дернул Тиль за косичку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.